

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное агентство по образованию

«Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»

З.И. Комарова, Л.А. Запевалова

**ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ
КАТЕГОРИЯ ЕДИНИЧНОСТИ
В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ**

Монография

Екатеринбург
2010

УДК 811'44 (021)
ББК Ш 100
К 63

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор,
Голованова Елена Иосифовна
(Челябинский государственный университет)

доктор филологических наук, профессор,
Мишланова Светлана Леонидовна
(Пермский государственный университет)

К 63   **Комарова З.И., Запезалова Л.А.** Функционально-семантическая категория единичности в русском и английском языках: монография. – Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2010. – 236 с.

ISBN 978-5-8295-0045-0

Монография посвящена разработке теории функционально-семантической категории единичности на основе синтеза функционально-семантического и дискурсивного направлений в современном языкознании. Исследование проводится в двух взаимосвязанных аспектах: системно-категориальном (языковом) и конкретно-смысловом (речевом, дискурсивном). Выявлено четыре основных количественных смысла: нумеральная единичность, подчеркнутая единичность, выделенная единичность и неопределенная единичность. Установлена иерархия и синкретизм смыслов единичности в анализируемых языках.

Монография предназначена для широких кругов читателей, интересующихся проблемами категориального подхода к языкам.

This paper deals with development of theory in functional-semantic category of singularity on the basis of synthesis of functional-semantic and discursive approaches to language study in present day linguistics. The research is conducted in two interconnected aspects: the category is studied from perspective of its functioning in the language as a system and its functioning in the actual discourse. As a result of the research into this category its four varieties were identified: numeral singularity, accentuated singularity, marked singularity, indefinite singularity. Interdependence and hierarchy of these varieties of singularity were established.

Печатается по рекомендации кафедры иностранных языков УрФУ.

ISBN 978-5-8295-0045-0

УДК 811'44 (021)
ББК Ш 100

© Комарова З.И., Запезалова Л.А., 2010
© Уральский федеральный университет – УрФУ

Предисловие

В самом общем плане исследование языка
можно определить как исследование
категорий, выраженных в языке.

У. Лабов¹

Слова крупного зарубежного типолога У. Лабова, вынесенные в эпиграф, подчеркивают особое значение этой проблемы в лингвистике наших дней. Концепция разграничения и соотнесения мыслительного и языкового содержания объективно представляет собой определенное фундаментальное направление в теории значения [Бондарко 1978 : 55]. Понятийный аспект семантики, принцип описания языков «от значения к средствам выражения» рассматривается многими лингвистами как основа описания языков мира [Серебренников 1976 : 11]. Продуктивность концепции понятийных категорий подтверждается, в частности, тем фактом, что понятие понятийной категории обладает объяснительной силой по отношению к языковым явлениям [Бондарко 1983; Елизарова 1989 : 21; Болдырев 2006 и др.].

Разработка проблемы категория и язык является важным аспектом в исследовании вопроса о соотношении языка и мышления, поиски ответа на который ведутся учеными уже много столетий, начиная с трактата Аристотеля (384-322 г. до н.э.) *“Категории”*, в котором выделяются 10 основных понятийных категорий, в том числе и категория количества. Далее эти понятийные категории либо расширялись (12 у Канта), либо сужались (4 у Платона, 3 у Декарта и Локка).

Однако неизменным оставалось то, что эти понятийные категории характеризовались необходимыми и достаточными для их опознания чертами, которыми должны обладать все входящие в определенную

---

¹ Лабов У. Структура денотативного значения // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XIV- – М.: Прогресс, 1983. – С. 138.

категорию представители. «Исключительная ценность этого понятия для всех наук и научного мышления не может быть поставлена под сомнение» [П КСКТ 1997 : 45]. В связи с этим представляется особенно ценным изучение категорий, учитывая их более чем двухтысячелетнюю «вписанность в эволюцию культуры» [Режабек 2006].

Интерес лингвистов направлен на соотношение понятийных и языковых категорий, а для нас категории **количества** с языковой категорией **количественности** [Куртенэ де Б. 1963]. При когнитивном подходе категории все чаще рассматриваются не в бинарных оппозициях (количества/качества; единичности / множественности и т.д.), а как самостоятельные. Изучение **категории единичности** как самостоятельного объекта исследования, принятого нами, открывает ее антропоцентрическую природу, позволяет выявить основные концептуальные смыслы этой категории и их вербализацию в языках.

Такой подход к изучению категории единичности обусловил композицию монографии. *Первая глава* посвящена теоретическим основам исследования этой категории, обосновывается методология и методика исследования, раскрывается его понятийно-терминологический аппарат.

Вторая глава содержит сопоставительное описание плана содержания функционально-семантической категории (ФСК) единичности и инвентаризацию средств ее формализации в системно-категориальном (языковом) аспекте в русском и английском языках.

В третьей главе раскрываются квантитативные смыслы ФСК единичности и описываются средства манифестации основных прототипических смыслов единичности в русскоязычном и англоязычном дискурсах.

Учитывая то, что исследование категории единичности выполнено только в русле поставленных задач, а исследуемая категория по сути своей является суперкатегорией, в данной монографии нам хотелось не только

дать ответы на поставленные вопросы, но и обозначить проблемы, ждущие своего решения.

Авторы выражают искреннюю признательность рецензентам этой монографии: доктору филологических наук, профессору Головановой Елене Иосифовне и доктору филологических наук, профессору Светлане Леонидовне Мишлановой за труд ознакомления с рукописью работы.

Особую благодарность хотим выразить заведующей кафедрой иностранных языков УрФУ доценту, кандидату педагогических наук Жанне Артуровне Храмушиной за поддержку и предоставление возможности публикации этой монографии.

Введение в проблематику

Попытки объединить разные уровни языка в лингвистическом исследовании проводились многими лингвистами: F. Brunot, O. Espersen, И.И. Мещаниновым, Л.В. Щербой, положившими начало разработке учения о понятийных категориях. На функциональные аспекты грамматики указывали К.С. Аксаков, И.А. Бодуэн де Куртэнз, А.М. Пешковский, А.А. Потебня, А.А. Шахматов, Л.П. Якубинский, представители Пражского лингвистического кружка. Концепция И.И. Мещанинова о понятийных категориях получила свое развитие в современной лингвистике в трудах В.В. Акуленко, А.В. Бондарко, Е.И. Букреевой, Г.Г. Кругликовой, В.В. Химика, А.А. Худякова, С.А. Швачко и др.

Интерес к категориям усилился во второй половине XX века в рамках **функционального подхода к языку** (Ch. Bally, Alb. Sechehaye, A. Martinet, M.A.K. Halliday, S.K. Dyck, W. Schmidt, H. Helbig; А.В. Бондарко, Г.А. Золотова, Н.А. Слюсарева и др.), а в настоящее время – с позиций **когнитивного направления в лингвистике** (М. Johnson, P. Johnson-Laird, E. Cassirer, G. Lakoff, P. Ricoeur; Н.Д. Арутюнова, Н.Н. Болдырев, А. Вежбицкая, С.Г. Воркачев, В.З. Демьянков, И.В. Карасик, Е.С. Кубрякова, З.Д. Попова, Ю.С. Степанов, Р.М. Фрумкина, А.Д. Шмелев и др.), поскольку «нет ничего более основополагающего для мыслительной и предметно-познавательной деятельности, чем его способность к категоризации, то есть к процессу образования категорий (выделено нами) как отражающих самые общие итоги своеобразной сортировки всей доступной человеку информации и сведения ее разнообразия и многообразия к определенным классам, разрядам и рубрикам» [Кубрякова 1998 : 7]. Все это вызвало расширение как списка категорий, так и самого понятия категория.

Задачу, которую ставит перед собой когнитивная лингвистика – раскрытие механизмов человеческой когниции через описание языка как универсального когнитивного инструмента переработки информации – нельзя

решить без изучения механизмов концептуализации и категоризации. Поэтому И. А. Стернин называет категоризацию, наряду с концептуализацией и концептосферой, тем, вокруг чего вращается вся проблематика когнитивной лингвистики [Попова, Стернин : 2007].

Категоризация раскрывает общие принципы познавательного процесса и формирования знаний [Болдырев 2004 : 17], а при рассмотрении категоризации как лингвистической проблемы с когнитивной точки зрения она получает новое освещение и новое решение.

Сейчас в науке сосуществуют разные понимания категорий. С первой точки зрения, в лингвистике, категория (языковая) понимается «в широком смысле – это любая группа языковых элементов, выделяемая на основании какого-либо общего свойства; в строгом смысле – некоторый признак (параметр), который лежит в основе разбиения обширной совокупности однородных языковых единиц на ограниченное число непересекающихся классов, члены которых характеризуются одним и тем же значением данного признака (*«категория падежа», «категория одушевленности/неодушевленности»*); нередко термином «категория» называется одно из значений упомянутого признака (параметра), например, категория винительного падежа, категория неодушевленности» [ЛЭС 2002 : 215].

Со второй точки зрения, понятие категория (грамматическая, морфологическая) определяется как «система противопоставленных друг другу рядов морфологических форм с однородными значениями», состоящая как минимум из двух рядов форм [РГ 1980 : 456], и как система противопоставленных друг другу рядов грамматических форм с однородными значениями [РГ 1980 : 457].

Наконец, третья точка зрения представлена в рамках когнитивного направления в языкознании, в котором категория понимается как «одна из познавательных форм мышления человека, позволяющая обобщать его опыт и осуществлять его классификацию» [КСКТ 1997 : 45].

В энциклопедии Британика приводится следующее определение термина категория: «Category – a term used both in ordinary language and in philosophy with the general significance of “class” or “group”. In popular language it is used for any large group of similar things, and still more generally as a mere synonym for the word “class”»¹ [Britannica Eleventh edition 1911 : 508].

В новом издании энциклопедии Британика отмечается, что некоторые ученые XX века разграничивают категории на синтаксические и семантические, тем самым подчеркивая многоплановость данного термина: «Stanislaw Lesniewski (1886-1939), a Polish logician, and Rudolpf Carnap (1891-1970), a German-American semanticist, distinguished between syntactical categories (dealing with the interrelations of concepts) and semantical categories (dealing with concepts and referents)»² [Britannica Fifteenth edition 1994 : 950].

Однако, учитывая то, что результатом «эволюции совокупностей категорий в науке в последнее столетие стали так называемые общенаучные категории» (выделено нами) [Татарinov 2006 : 79] и то, что наш анализ категории количества и единичности (см. гл. 1, разделы 1.1 и 1.2) показал, что они являются универсальными и межнаучными, мы принимаем определение категории, которое используется в философии: «предельно общее фундаментальное понятие, отражающее наиболее существенные, закономерные связи и отношения реальной действительности» [ФЭС 2005 : 431].

Понятийные категории в языкознании – это «смысловые компоненты общего характера, свойственные не отдельным словам и системам их форм, а обширным классам слов, выражаемые в естественном языке разнообразными средствами» [ЛЭС 2002 : 385].

---

¹ Категория – термин, используемый как в общенародном языке, так и в философии в общем значении “класса” или “группы”. В разговорном языке он используется для обозначения любой большой группы сходных предметов, а также в более широком значении как синоним слова “класс” (перевод здесь и далее наш).

² Станислав Лесниевский, польский логик, и Рудольф Карнап, германо-американский семантик, проводили различие между синтаксическими категориями (выражающими взаимоотношения концептов) и семантическими категориями (обозначающими концепты и референты).

Функционально-семантическая категория – это «комплексная категория, включающая некую совокупность содержательных значений, выражаемых элементами разных языковых уровней, которые имеют синтаксические функции как элементы структуры предложения, но не сводятся к ним в отличие от синтаксических категорий времени, модальности, лица и т.д.» [Петровская 1989 : 66].

Однако не все понятийные категории в равной степени привлекли внимание исследователей. Так, количественная оценка «незаслуженно забывается в общей теории языковых оценок, где основное внимание уделяется оценке качественной» [Акуленко 1990 : 5]. Категория количества, по остроумному замечанию О. Есперсена, на первый взгляд представляется «такой же простой и ясной, как «дважды два – четыре» [Есперсен 1958 : 216]. Ошибочность такого поверхностного суждения подтверждается наличием ряда противоречий в рамках данной категории. Оказывается, что не все предметы можно исчислять совместно: «Груша и яблоко представляют собой два разных фрукта; кирпич и замок можно назвать двумя предметами; но кирпич и музыкальный звук не есть два предмета; человек, истина и вкус яблока не составляют трех и т.д.» [Есперсен 1958 : 217]. Здесь, безусловно, прослеживается связь категории количества с категорией качества. Также возникает проблема: что считать одним предметом – в разных языках одни и те же составные предметы обозначаются то в форме единственного, то множественного числа.

Категория количества является, наряду с такими языковыми фактами как местоимения, обозначение времен года и т.п., одной из языковых универсалий. Данная категория представлена во всех языках мира, независимо от их строя, принадлежности к языковой семье или других факторов. Посредством языковых универсалий выражаются факты действительности, которые являются основными при создании картины окружающего мира.

Ввиду особого места, которое занимает такая универсалия в системе языка, актуальность исследования, в частности, категории единичности, представляется несомненной.

Состояние разработки проблемы в наши дни. Ряд лингвистов в своих работах рассматривают отдельные аспекты категории количества, разрабатывают различные логические схемы построения количественных характеристик в языке. Так, Т.П. Ломтев рассматривает способы выражения количества в языке с точки зрения логики, связывая эти способы с понятием кванторов в логике: квантором всеобщности и квантором существования [Ломтев 1971]. На примере языковых фактов он исследует средства выражения всеобщности и невсеобщности, единственности и неединственности, исследует мощность множества.

З.Я. Тураева и Я.Г. Биренбаум на материале английского языка описывают шесть признаков категории количества, выделяя в качестве основного из них «онтологическую триаду» – предмето-, процессо- и признакоколичества [Тураева, Биренбаум 1985].

А. Н. Полянский строит схему языковой меры количества и сопоставляет эту формально-логическую схему с количественными отношениями в русском языке. Ядром его схемы является понятие нормы, с которым сопоставляются разновидности меры [Полянский 1984]. Отдельные аспекты категории числа затрагиваются в статьях Зализняк А.А., Падучевой Е.В. [Зализняк, Падучева 1974], Александровой Л. Н. [Александрова 1986], Лебедевой Л.Б. [Лебедева 1988] и др.

Однако важно отметить, что языковая количественность не ограничивается лексико-грамматическим классом имен числительных, грамматической категорией числа существительных и группой квантитативов; средства ее выражения намного богаче, и для получения целостной картины данного языкового явления необходимо рассматривать языковые единицы разных уровней.

Поэтому, хотя описание отдельных аспектов выражения категории количественности в языке является, несомненно, ценным вкладом в исследование данной языковой категории, наиболее перспективным нам представляется направление, связанное с построением так называемого функционально-семантического поля (ФСП) языковой количественности, а также ФСП, отражающих представления о других понятийных категориях в языке, что позволит на их основе создать обобщающие функциональные грамматики различных языков.

Что касается изучения представлений о количестве в языке, данный функционально-семантический принцип в анализе языковых явлений наиболее полно, с нашей точки зрения, был воплощен в монографиях В.В. Акуленко [Акуленко 1990] и М.М. Копыленко [Копыленко 1993]. М.М. Копыленко исследует средства выражения количества в русском языке, выделяя и характеризуя функционально-семантические поля, которые образуют единичность, точную множественность и другие «квантитативные смыслы». В целом, многие авторы обозначают необходимость определения основных понятий сферы языковой количественности, описания категории количества в полном объеме ее характеристик.

Таким образом, на данном этапе исследований сферы языковой количественности ощущается потребность в систематизации описанных явлений и более детальном изучении разноуровневых языковых единиц на основе их смысловой общности, и, как подчеркивает Г.Г. Кругликова, с учетом принципа «функциональной соотнесенности с инвариантными абстрактно-понятийными смыслами» [Кругликова 1993 : 77].

Эта установка реализуется исследователями путем разделения поля количества в языке на ряд квантитативных смыслов, выделяемых по доминантным признакам семантических модификаций языковой количественности.

Следует заметить, что на настоящий момент не все семантические сферы языка изучены достаточно полно. Так, как замечает Ю.Н. Караулов [Караулов 1976], наиболее изученной является лексика с семантическим компонентом «человек», тогда как другим смысловым парадигмам уделяется меньше внимания. В связи с этим исследование семантики количественных смыслов, в частности, количественного смысла единичности, является чрезвычайно актуальным в плане общего сопоставительного анализа языков.

Отмечается недостаточная изученность понятийной категоризации (ПК) [Кацнельсон 1986: 143]; при этом разработка проблематики ПК намечается в двух направлениях, которые можно условно обозначить как «вширь» и «вглубь». С одной стороны, необходимо составить «каталог универсальных смыслов» [Храковский 1985 : 69], определить ранговость категорий [ТФГ 1987 : 29]. С другой стороны, не менее важным представляется анализ каждой конкретной ПК изнутри: выявление содержательных вариантов данной ПК, установление ее семантической субкатегоризации [Бондарко 1983 : 37], определение принципов строения различных категорий [Храковский 1985 : 73].

Приступив к лингвистическому исследованию представлений о количественности, мы отталкивались от факта, что данная категория в языке, как и ее представление в нашем сознании, основывается на противопоставлении единичного объекта множеству объектов, так как для того, чтобы могло возникнуть понятие о количестве, «необходимо наличие реальных вещей и их совокупностей (множеств) и умение человека «комбинировать вещи в множества... приводить эти множества в соответствие друг с другом» [Яновская 1936 : 127].

Выделение признака равночисленности у качественно различных множеств предметов приводит к образованию абстракции количества.

В своем исследовании мы обратились к феномену единичности, который, с нашей точки зрения, представляет особый интерес в понятийном и языковом плане как основополагающее начало категории количества, эталон

при счете. Л.Д. Чеснокова, рассматривая категорию количества как систему элементов, называет «один» «систематизирующим элементом», который «противостоит множеству как недискретная величина дискретной» [Чеснокова 1992 : 8].

На особую роль этого понятия указывают как философы, так и языковеды: «Единица занимает особое место в ряду чисел, она – первоначало тождества вещей самих себе и их постоянства... заключает в себе ограниченность и безграничность » [Пифагор 2003 : 212]; «понятие один... языковое мышление ставит на особое место» [Акуленко 1990 : 21].

Однако, несмотря на то, что сфера языковой количественности не оставалась без внимания лингвистов, феномен единичности, по замечанию М.М. Копыленко, «в академической грамматике выглядит как однородное явление, противопоставляемое множественности, именуемое «реальной единичностью» и выражаемое формами единственного числа существительного» [Копыленко 1993 : 11]. Свое исследование квантитативного смысла единичности в монографии *«Средства выражения количественности в русском языке»* М.М. Копыленко называет рекогносцировочным и признает, что исследователям-лингвистам необходимо более детально изучить этот феномен.

Таким образом, необходимо признать **актуальность** обобщающего изучения единичности в языке на данном этапе развития филологической науки. Актуальность работы возрастает в связи с сопоставительным изучением этой категории, что обуславливает актуальность и важность основополагающих параметров нашей работы: системно-категориального, на котором выявляются обобщенно-семантические значения семантической структуры, и конкретно-смыслового, где исследуется их реализация и формализация.

При анализе фактов сферы языковой количественности мы опираемся на принцип поля как идею группировки взаимодействующих на семантико-функциональной основе языковых средств и их системной организации.

Объектом нашего исследования является функционально-семантическая категория единичности в русском и английском языках.

Предметом исследования являются системно-категориальный (языковой) и конкретно-смысловой (речевой, дискурсивный) аспекты ФСК единичности.

Целью нашей работы является сопоставительный синхронный анализ ФСК единичности¹ в двух указанных аспектах.

В подходе к ФСК мы, вслед за А. В. Бондарко, выделяем два аспекта: системно-категориальный и конкретно-смысловой (речевой) [Бондарко 1978]. Исходя из этого, в цель входит изучение как содержательно-семантических характеристик ФСК единичности, так и языковых средств ее манифестации.

В соответствии с поставленной целью в работе выдвигаются следующие **задачи**:

- раскрыть специфику количества как понятийной категории в философском, логическом и языковом аспектах;
- определить смысловые границы категории единичности в рамках категории языковой количественности;
- установить семантическую структуру категории единичности в сопоставляемых языках;
- выявить квантитативные смыслы единичности в русском и английском языках;
- охарактеризовать разноуровневые средства выражения различных квантитативных смыслов единичности в сопоставляемых языках;
- на базе решения всех предшествующих задач выявить сходное и специфическое в функционировании категории единичности в сопоставляемых языках.

В качестве оптимальных **методов** для выбранного направления исследования мы рассматриваем:

---

¹ Исследование ограничено изучением именной единичности (см. раздел 1.1.3), т.е. не рассматривается единичность в сфере предикатов.

- 1) метод сопоставительного анализа языков, так как наше исследование ставит целью изучение количественных смыслов единичности и средств их выражения в двух языках (русском и английском);
- 2) методику функционально-семантического поля (ФСП) как системный подход к исследуемому языковому явлению – категории единичности;
- 3) компонентно-смысловой анализ предложения/высказывания;
- 4) лексико-грамматический анализ дискурса, выявляющий средства выражения количественных смыслов единичности;
- 5) частичное использование статистических методов.

Источниковедческая база включает два типа источников:

1) для анализа ФСК единичности в сопоставляемых языках в системно-категориальном (языковом) аспекте: словари и справочники, грамматики современного русского и английского языков;

2) для анализа ФСК единичности в сопоставляемых языках в конкретно-смысловом (речевом, дискурсивном) аспекте: *«Национальный корпус русского языка»* [Электронный ресурс, режим доступа: www.ruscorpora.ru] и *«Британский национальный корпус»* [Электронный ресурс, режим доступа: www.natcorp.ox.ac.uk], которые позволяют наиболее полно представить исследуемую категорию, так как насчитывают около 150 млн. словоупотреблений. В нашем исследовании использовано 10 тысяч контекстов (высказываний), примерно в равных количествах по языкам.

Задача грамматиста состоит в том, чтобы
в каждом конкретном случае разобраться
в соотношении, существующем между
понятийной и синтаксической категориями...
Это отнюдь не легкая задача.

О. Есперсен¹

Глава 1. Теоретические основы сопоставительного изучения категории единичности

В задачу этой главы входит раскрытие теоретических основ, обоснование методики и методологии исследования и уточнение понятийно-терминологического аппарата исследования.

1.1. Категория количества в общенаучном аспекте, в философии, логике и лингвистике

1.1.1. Понятие категория в науке

Явления действительности обобщаются человеческим сознанием в определенные категории. Различные явления окружающего нас мира находят отражение и обобщение в наборе языковых средств.

Любое частнонаучное исследование какой-либо категории невозможно без ее рассмотрения в философском аспекте, так как философия не только является универсальной теоретической базой всех наук, но и в своей познавательной функции выявляет наиболее общие идеи, представления, обобщает эмпирические данные, что оформляется в виде различных теоретических концепций.

---

¹ Есперсен О. Философия грамматики. – М.: КомКнига, 2006. – С. 58.

Здесь уместно было бы провести следующую параллель: философские категории тоже являются своеобразным «языком», посредством которого осуществляется осмысление мира. Представление мира в категориях служит основой общения людей и делает возможным сам процесс коммуникации.

Вместе с тем, категории не существуют в форме самостоятельных материальных образований, это своего рода абстракция, к самому определению которой люди пришли на определенной ступени развития мышления. Тогда и появляются слова, обозначающие категориальные понятия. Таким образом, как замечает С.Б. Крымский, категория реализуется через систему конкретных понятий и является «определенной концептуальной системой раскрытия предметного содержания знания» [Крымский 1980 : 6].

В энциклопедии Британика отмечается, что термин категория (от греч. *kategoria* – высказывание, признак) был введен в употребление Аристотелем, однако само понятие, которое стало в дальнейшем обозначаться данным термином, присутствовало в более ранних работах восточных и раннегреческих философов. Так, в индуизме употребляется термин *Padartha*, который переводится как “значение слова”. В энциклопедии Британика указывается сходство данного понятия с пониманием категории у Аристотеля: «This is in entire harmony with the Aristotelian doctrine, the categories of which may with truth be described as significations of simple terms»¹ [Britannica Eleventh edition 1911].

В индуизме выделяются следующие основные категории: “**Substance, Quality, Action, Genus, Individuality, Concretion or Co-inherence**”² [Britannica Eleventh edition 1911 : 508]. Данные категории, как и у Аристотеля, являются взаимно обусловленными: «**Substance** is the permanent substrate in which **Qualities** exist. **Action**, belonging to or inhering in substances, is that which produces change, **Genus** belongs to substance, qualities and actions. **Concretion or Co-inherence** denotes inseparable or necessary connection, such as that between substance and

---

¹ Это полностью согласуется с учением Аристотеля, категории которого могут быть с полным основанием описаны как значения простых понятий.

² Субстанция, Качество, Действие, Вид, Отдельное бытие, Объединение.

quality»¹ [Britannica Eleventh edition 1911 : 508]. Особенно интересной для нашего исследования представляется категория Отдельного бытия, которая, на наш взгляд, коррелирует с категорией единичности: «**Individuality**, found only in substance, is that by which a thing is self-existent and marked off from others»² [Britannica Eleventh edition 1911 : 508].

Подчеркивается тот факт, что категории, выделенные Аристотелем, не являются только логическими или метафизическими, они представляют собой «determinations of Being regarded as an object of thought, and consequently as matter of speech»³ [Britannica Eleventh edition 1911 : 509].

Принципиально важным для нас представляется то, что анализ категорий начинается от единичной вещи: «The analysis of the categories starts from the singular thing, for it is the primary form under which all that is becomes object of knowledge, and the other categories modify or quantify this real individual»⁴ [Britannica Eleventh edition 1911 : 509].

В философском энциклопедическом словаре понятию категория дается следующее определение: «Категории, с одной стороны, наиболее общие и вместе с тем простейшие формы действительности, высказываний и понятий, от которых происходят другие понятия, а с другой – первоначальные и основные формы бытия объектов познания» [ФС 1986 : 204].

Итак, из определения категорий мы можем выделить такой аспект, как их общность или всеобщность, а также то, что на основе отдельных категорий у

---

¹ Субстанция – это неизменный субстрат, который обладает Качествами. Действие, принадлежащее или присущее субстанциям, является причиной изменений, Вид принадлежит субстанции, качествам и действиям. Объединение обозначает неделимую или необходимую связь, такую, как между субстанцией и качеством.

² Отдельное бытие, характерное только для субстанции, это то, что обуславливает самостоятельное существование отдельной вещи, то, что отличает ее от других вещей.

³ Определения бытия, рассматриваемые в качестве объекта мыслительной деятельности, и , соответственно, составляющие содержание речи.

⁴ Анализ категорий начинается с единичной вещи, так как это начальная форма [бытия], в которой все, что существует, становится объектом познания, а другие категории дают различные определения или количественные характеристики этому существующему отдельному бытию.

человека формируется картина окружающего мира, осуществляется процесс познания.

Какую же функцию выполняет процесс категоризации предметов действительности в познании? М.А. Булатов, рассматривая категории в функциональном аспекте, говорит о категориях как об «отвлеченных от действительности и зафиксированных в словах определенностях», к которым относятся «группы объектов или аспекты всей действительности и которые служат средствами их расчленения и синтезирования» [Булатов 1981 : 99]. С одной стороны, категория соединяет предметы в группы, совокупности по какому-либо основанию. С другой стороны, она расчленяет действительность на части, фрагменты, которым соответствуют различные группы предметов и явлений.

Так, в вышеуказанном определении категории в лингвистическом энциклопедическом словаре эти две противоположные функции категории находят свое выражение в двояком употреблении термина категории, который применяется в отношении группы языковых элементов, выделяемой на основании общего свойства, и в отношении признака, служащего для разделения совокупности языковых единиц на классы по определенным критериям.

Наряду с языковыми категориями в лингвистике выделяются понятийные категории, которые также называют философскими или логическими (в рациональных грамматиках 17-19 вв.), психологическими, онтологическими, внеязыковыми, концептуальными, мыслительными, когнитивными, семантическими (С.Д. Кацнельсон, В.Н. Ярцева и др.). Понятийные категории понимаются как универсальные, свойственные всем (или почти всем) языкам мира. Большинство понятийных категорий имеет полевую структуру с ядром и периферией.

Каждая категория имеет качественный и количественный аспект, меру, то есть границу, за которой исчезает ее определенность, свою структуру,

содержание, определенное оформление и т.д.

Категории не существуют изолированно, они определенным образом взаимодействуют и в своей совокупности представляют систему категорий, которая является отражением данной нам действительности во всем ее многообразии.

Особенностью категории количества как звена системы категорий является то, что она отражает в первую очередь «внешнюю отчлененность явлений друг от друга, их внешние границы» [Ефимов 1973 : 55]. В философском энциклопедическом словаре находим следующее определение: «Количество – число, величина, численная определенность. О количестве спрашивают “сколько”, “как много”, “как долго” » [ФЭС 1998 : 214].

Вместе с тем, исследование и сопоставление языковых структур, как в рамках одного языка, так и в нескольких языках, в первую очередь связано с интерпретацией внутреннего логического содержания языковых высказываний. Поэтому адекватный анализ языковых фактов не возможен без знания общих логических категорий.

1.1.2. Категория количества в философии и логике

Проследим основные этапы формирования представлений о количестве в философии и представим трактовку данного понятия в логике.

Исследование количественной стороны окружающего мира всегда представляло большой интерес и было необходимо людям в практических целях.

Однако на первых этапах развития человеческого познания люди не умели считать и производить измерения, таким образом они были вынуждены ограничиться качественным изучением действительности: «Впервые числовые термины появляются скорее как качественные, чем количественные термины,

выражая различие лишь между одним (или, вернее, “каким-то”) и двумя или многими» [Стройк 1964 : 20-21].

В.З. Панфилов, обобщая этнографические данные по истории счета первобытных народов, замечает, что возникновению понятий о количествах предметов, представленных более чем в одном экземпляре, предшествовал этап, когда множества различных предметов приводились в соответствие по признаку равночисленности, причем само количество элементов множеств не определялось [Панфилов 1977].

Таким образом, вне зависимости от качественных различий предметов, составлявших множества, выделялось свойство их равночисленности. Позднее эта тенденция отвлечения от качественных сторон предметов привела к образованию понятия числа и развитию системы счета в языке.

Первые философы древнего мира, пытаясь объяснить все многообразие вещей и явлений, рассматривали качественную сторону мира вне ее связи с количественной стороной, говоря либо об одном первоначале мира (*вода* – у Фалеса, *воздух* – у Анаксимена, *огонь* – у Гераклита), либо о нескольких началах (*земля, вода, воздух, огонь* по Эмпедоклу; *огонь, металл, дерево и земля* у древнекитайских мыслителей и т.д.).

Понятие о количестве, исследование различных числовых соотношений и приписывание им определенных свойств в виде философской концепции впервые возникает у пифагорейцев.

Пифагор (вторая половина VI – начало V в. до н.э.) считал, что разумная часть души нуждается в математическом образовании как средстве, уводящем разум от творимых богами вещей к вечным сущностям. Началами сущего он считал числа и числовые пропорции, которые он называет “гармониями”, а элементами – сочетания этих начал, так называемые геометрические элементы. Он разделил числа на четные, нечетные, четно-нечетные, простые и составные, совершенные, дружеские, треугольные и т.д., ввел понятия эквивалентности, пропорциональности, несоразмерности и иррациональности чисел.

Особое значение Пифагор придавал *единице*, она в его представлении есть «первоначало тождества вещей самих себе и их постоянства, одна из мировых порождающих сил» и «заключает в себе ограниченность и безграничность» [Пифагор 2003 : 212]. Можно сказать, что пифагорейцы сделали попытку представить окружающий мир в виде гармоничной математической модели: числовые соотношения они считали источником гармонии космоса.

Первая последовательная система категорий действительности была разработана Аристотелем (384–322 гг. до н.э.). Всего Аристотель выделяет десять категорий действительности: *сущность, количество, качество, отношение, место, время, положение, обладание, действие, страдание*. Основой всех остальных общих понятий он называет сущность. *Количество* в иерархии категорий он ставит вслед за сущностью на второе место: «На втором месте – *количество* – без изменения количества невозможен переход бытия из одного состояния в другое, оно предшествует качеству» [Аристотель 1939 : 10]. Аристотель отмечает такой признак категории количества как дискретность/непрерывность, а также качественное различие: «Между количествами одни раздельны, другие – непрерывны, и одни состоят из находящихся в них частей, имеющих определенное положение друг к другу, а другие из частей, не имеющих такого положения» [Аристотель 1975 : 16]. Аристотель определяет количество как «то, что делимо на составные части, каждая из которых есть по природе что-то одно и определенное нечто. Всякое количество есть множество, если оно счислимо, и величина, если измеримо. Множеством же называется то, что в возможности делимо на части не непрерывные, величиной – на части непрерывные» [Аристотель 1975 : 164]. Кроме того, философ обращает внимание на то, что количество может быть равным и неравным.

В. Минто [Минто 1997], анализируя принципы выделения категорий Аристотелем, отмечает, что они представляют собой «полный список самых

общих сходств между отдельными предметами», так как «ни один единичный предмет не представляет собой чего-либо совершенно особого: всякий предмет похож на другие, а категории – это самые общие сходства между предметами» [Минто 1997 : 123]. Категории, выделенные Аристотелем, легли в основу концепций представлений об окружающей действительности последующих поколений философов. Следует признать, что система категорий Аристотеля стала классической; на основе нее давались различные интерпретации тех или иных категорий, уточнялись их содержательные компоненты и функции.

Философ нового времени Бенедикт Спиноза (1632–1677) представляет мир как закономерную систему, которая может быть познана до конца геометрическими методами. Он дает следующее понятие о количестве: «Количество представляется нами двояким образом: абстрактно или поверхностно, а именно, как мы его воображаем, или же как субстанция, что может быть сделано только интеллектом. Таким образом, если мы рассматриваем количество, как оно существует в воображении, что бывает часто и гораздо легче, то мы находим его конечным, делимым и состоящим из частей; если же мы рассматриваем его, как оно существует в интеллекте, и представляем его как субстанцию, что очень трудно, то мы находим его бесконечным, единым и неделимым» [Спиноза 2001 : 29]. Данное понимание категории количества перекликается с тем, как представляет эту категорию Гегель.

Гегель (1770–1831) называет количество «определенностью, безразличной для бытия» [Гегель 1998 : 207], и отличает чистое количество от определенного количества, кванта. Чистое количество не имеет еще в самом себе никакой определенности; оно «непрерывно продолжающееся внутри себя бесконечное единство». В качестве примеров чистого количества Гегель приводит материю вообще, время и пространство, уподобляя их неким вместилищам, безразличным к предметам, что соответствовало естественнонаучным представлениям того времени. Определенное количество

он называет внешней и безразличной определенностью, которое «есть в своей совершенной определенности число» [Гегель 1998 : 207]. Таким образом, определенное количество можно выразить с помощью числовых величин.

Гегель также отмечает «виды количества» - непрерывную и дискретную величины (выделено нами). При этом он определяет непрерывные величины как «содержащие принцип "одного" в самих себе», а дискретные – «внеположность многих "одних как равных", где "одни" - «не многие вообще», а “положенные как "многие" некоторой единицы» [Гегель 1998 : 205]. Важно отметить, что Гегель обращает внимание на противоположности, составляющие суть данной категории. Итак, в содержание категории количества входит понятие множества (дискретное количество) и понятие величины (недискретное количество).

Понятие недискретного количества (величины) тесно связано с категориями качества, количества и меры. «Мера - философская категория, выражающая органическое единство качественной и количественной определенности предмета или явления» [ФС 1986 : 275].

Каждому качественно своеобразному объекту присущи определенные количественные характеристики. Эти характеристики изменчивы и подвижны. Однако сама их изменчивость ограничена некоторыми пределами, за границами которых количественные изменения приводят к изменениям качественным (закон перехода количественных изменений в качественные). Эти границы являются мерой. В свою очередь, изменение качества данного объекта ведет к изменению его количественных характеристик и меры. Связь и единство количества и качества обусловлены природой предметов окружающей действительности.

О соотношении количества и качества Гегель говорит следующее: «определенное количество в качественной форме есть количественное отношение ... Отношение - формальное единство качества и количества. Диалектика отношения состоит в его переходе в их абсолютное единство, в

меру» [Гегель 1998 : 339]. Гегель первым дает подробную характеристику категории меры, которую он определяет как «качественно-определенное количество» [Гегель 1998 : 66]. Итак, мера связывает категории качества и количества, позволяя определить характер, степень, величину количественных изменений в качественно определенном предмете или явлении.

Важно отметить, что он указывает на то, что в арифметике как науке, которая «не имеет конкретного предмета», количество рассматривается вне его качественной определенности, и числа, которыми оперирует данная наука, являются «абстракцией от чувственного многообразия» [Гегель 1999 : 219]. Таким образом, в математике категория количества освобождается от влияния категории качества и достигает максимальной степени абстракции.

Следует отметить, что Гегель первым сделал попытку показать категории количества, качества, меры в их развитии, переходе друг в друга, раскрыл сущность количественных изменений (постепенности) и качественных изменений (скачка). Категории в его системе предстают не в виде статичных образований, а как определенные ступени познания истины, самопознания духа.

Другой представитель немецкой классической философии, Иммануил Кант (1724–1804), в своем труде *«Критика чистого разума»* выделяет двенадцать категорий рассудка: единство, множество, цельность, реальность, отрицание, ограничение, принадлежность и самостоятельность; причинность и зависимость; общение; возможность – невозможность; существование – несуществование; необходимость – случайность.

Категории единство, множество, цельность входят в класс количества, который относится к предметам наглядного представления. Третья категория возникает всегда из соединения второй и первой категории того же класса. Так, «цельность есть множество, рассматриваемое как единство» [Кант 1999 : 110].

К категории цельности он относит понятие числа, которое является

«представлением, объединяющим в себе последовательное присоединение единицы к единице (однородного)» [Кант 1999 : 172]. Категории в системе Канта, так же как и в гегелевской системе, соответствуют различным ступеням познания: так, чувственной форме восприятия явлений (стадии созерцания) соответствуют категории пространства и времени, а категорию количества, наряду с категориями качества, отношения и модальности он относит к стадии рассудочного мышления, т.е. к формам разума, имеющим априорный характер, являющимися необходимыми и всеобщими, порождаемыми самой познавательной способностью, в отличие от случайного и хаотичного эмпирического познания.

Представители диалектического материализма рассматривают категорию количества в тесной взаимосвязи с категорией качества, исходя из закона перехода количественных изменений в качественные. Так, Ф.И. Георгиев называет количество и качество «соотносительными категориями» и отмечает, что количество «раскрывает свое содержание и значение через качество, которое само является результатом количественных изменений» [Георгиев 1962 :142]. Он определяет количество как «степень развития данного качества вещи, процесса и т.п.», что является «внешней определенностью» по отношению к качеству [Георгиев 1962 : 148]. Схожее определение количества как некой качественной определенности находим у В.С. Лутай: «Количественная определенность – конкретизация какого-либо качества и выражает определенность данного единичного предмета (или какой-то конкретной совокупности предметов), его отличие от других предметов этого качества» [Лутай 1961 : 131]. А.П. Шептулин дает следующую дефиницию: «Количество – совокупность свойств, указывающих на размеры вещи, на ее величину (характеризующих ее объем, длину, ширину, темп развития, степень проявления тех или иных свойств)» [Шептулин 1967 : 41]. В.И. Ефимов пишет: «Количество – определенность явления, представляющая собой величину (степень) наличности, выраженности чего-то» [Ефимов 1973 : 61]. Последователи диалектического материализма

определяют количество как величину (степень) проявления качественной стороны предметов.

Категории (в частности, категория количества) появляются в результате анализа и обобщения процессов, происходящих в окружающей действительности, и обладают объяснительной функцией. С одной стороны, они помогают человеку расчленять действительность на различные группы или совокупности вещей в соответствии с категориями, а с другой стороны, позволяют систематизировать предметы в соответствии с тем признаком или определенностью, которая выделяется во всех них.

Категории также являются общими формами мышления, без которых оно не существует. Мышление человека включает в себя как понятийное содержание, полученное в процессе познания, так и законы и формы, в которых протекает процесс мышления и откладываются приобретенные знания.

Традиционная формальная логика, основные положения которой были сформулированы Аристотелем, изучает законы и формы мышления, такие как понятие, суждение, умозаключение. Категории в формальной логике играют роль связок и средств классификации понятий, суждений и т.п.

В символической логике категории – логические операторы (логические константы), то есть символы или их комбинации, которые, будучи использованы совместно с переменными, дают новые высказывания или формы. Они делятся на два вида: функторы (пропозициональные связки, логические союзы, являющиеся средствами порождения одних видов или категорий выражений из других в тех или иных формальных системах) и кванторы (логические операторы, выражающие утверждения общности и существования).

Таким образом, в традиционной и символической логике категории изучаются не сами по себе, не с точки зрения содержания, а со стороны их функций, как средство классификации и т.п.

Как предмет самостоятельного исследования категории выступают в

диалектической логике. Диалектическая логика - это система всеобщих категорий. В логическом словаре категория количества описывается как «совокупность свойств, указывающих на величину вещи, на ее размер» и как «объективная определенность предмета, в силу которой его можно разделить на однородные части» [Кондаков 1975 : 252]. Отмечается связь количества с качественной определенностью предмета, что, в частности, для формальной логики значения не имеет.

Как видим, содержание и объем понятия количество в его логическом определении формулируется в общем плане, однако и здесь используются такие термины как величина, размер, часть, которые составляют также философское понимание данной категории.

Философы (Аристотель, Пифагор, Гегель, Кант), используя различные термины, подразделяют категорию количества на две основные составляющие: единичность и множественность. Так, Гегель вводит понятия численности и единицы, Пифагор считает *двоицу* первым множеством, Кант в категории количества выделяет понятия единства, множества и цельности, где цельность есть «множество, рассматриваемое как единство» [Кант 1999 : 110].

Итак, в рассмотренных нами концепциях категория количества представлена следующими понятиями: единство, элемент, часть, множество, величина, мера, размер, степень выраженности.

Представляется важным выделить такие аспекты универсальной категории количества как эквивалентность (равенство по количеству) / неэквивалентность (неравенство по количеству), дискретность / непрерывность, определенность / неопределенность.

Рассмотрим, как данная универсальная категория находит свое отражение в языке.

1.1.3. Категория количества в лингвистике

Описание категории количества, ее содержательных компонентов, определение ее места в системе языка стало предметом исследования целого ряда монографий и статей [Агафонова 1999, Акуленко 1990, Бодуэн де Куртенэ 1963, Брусенская 1986, Дегтярев 1982, Есперсен 1958, Копыленко 1993, Кругликова 1993, Ломтев 1971, Панфилов 1977 и 1982, Полянский 1984, Супрун 1969 и 1971, Тукова 1992, Химик 1977, Чеснокова 1992 и др.]. Отмечается особое место данной категории в языке, ее универсальный характер, предлагаются различные интерпретации полевой структуры соответствующей языковой категории, выделяются ее ядро и периферия, рассматриваются средства и способы ее выражения.

Категория количества в языке, как и ее представление в нашем сознании, основывается на противопоставлении единичного объекта множеству объектов, так как для того, чтобы могло возникнуть понятие о количестве, «необходимо наличие реальных вещей и их совокупностей (множеств)» и умение человека «комбинировать вещи в множества... приводить эти множества в соответствие друг с другом» [Юсупов 1988 : 144].

В.З.Панфилов рассматривает количество как «количественную определенность в объективной действительности, которая предстает, с одной стороны, как дискретное, прерывное количество, а с другой - как недискретное, непрерывное количество. Первое определяется посредством счета, второе – посредством измерения» [Панфилов 1977 : 227]. Данная интерпретация категории количества согласуется с пониманием этой категории в философской традиции, где, начиная с Аристотеля, выделяется счислимое количество как множество каких-либо объектов и измеримое количество, т.е. непрерывная величина.

В лингвистической литературе отмечается связь категории количества с

другими языковыми категориями – кратности, длительности, компаративности, а также связь с понятиями пространства и меры.

Общее значение количественности (термин Б. де Куртенэ) в языке раскрывается через обозначение определенного и неопределенного количества.

Единицей измерения точного количества является число. В языке точное указание на количество выражается посредством числительных или других слов с точным количественным значением.

Ввиду многоплановости самого объекта исследования имеются различные представления о ядре так называемого функционально-семантического поля количества, которые тяготеют к двум основным точкам зрения: одни авторы отдают роль доминанты лексико-грамматическому классу имен числительных, другие – грамматической категории числа. Под функционально-семантическим полем (ФСП), в частности, М.М. Копыленко понимает «систему разноуровневых средств языка, объединенных на основе общности и взаимодействия их синтаксических функций» [Копыленко 1993 : 4]. Концепция ФСП лежит также в основе исследования В.В. Акуленко, в котором он рассматривает выражение количественности в семантике языка, проблемы лексики с нумеральной семантикой и средства оценки количества.

Имена числительные являются центром лексического выражения идеи количества в языке. В русском языковедении, начиная с М.В. Ломоносова (1711–1765), исследователи говорят о лексико-грамматическом классе имен числительных как об основном выразителе количественных представлений в языке. В *«Записках по русской грамматике»* А.А. Потехина выделяет числительные как особую часть речи [Потехин 1941]. О классе имен числительных подробно пишут В.В.Виноградов [Виноградов 1947], А.А. Шахматов [Шахматов 1941], А.Е. Супрун [Супрун 1971], М.Ф. Лукин [Лукин 1987]. В любой академической грамматике современного русского языка имеется описание числительных.

Числительные характеризуются как часть речи, которая ассоциируется

«с представлением математического, внеязыкового числа» [Бодуэн де Куртенэ 1963 : 314]. При этом следует разделять понятие количества, которое имеет конкретный характер, и понятие числа, которое является абстракцией, отвлечением от качественных сторон предметов.

Таким образом, определение числительных как «части речи, обозначающей количество» [РГ-1980 : 573], является неточным, так как числительные как языковые выразители счетной системы соотносятся именно с понятием числа и, следовательно, также носят абстрактный характер. Поэтому, как замечает М.Ф. Лукин [Лукин 1987], к числительным нельзя отнести счетные существительные типа *тройка (лошадей) / troika, пара (ботинок) / pair (of shoes)* и т.п., т.к., кроме числового значения, они обладают также и значением предметности. Наряду с числительными как частью речи, выражающей числовые соотношения, существует группа слов, в лексическом значении которых также заложено представление о количестве. Так, Бодуэн де Куртене проводит параллель между арифметическими числами (1, 2, 3...), их алгебраическими обобщениями (a, b, c; x, y, z и т.п.) и количественными числительными с наречиями арифметического характера (*два, дважды*) и количественными числительными с наречиями алгебраического характера (*много, мало* и т.п.) [Бодуэн де Куртенэ 1963 : 314]. Слова с количественной семантикой в филологической литературе получили название квантитативов. Как отмечает В.В.Химик, «Понятие квантитатива шире, чем понятие “лексико-грамматический разряд” – т.к. включает в себя не только количественные числительные, но и существительные, наречия и фразеологизмы» [Химик 1977 : 128]. Квантитативы могут представлять собой как простую, так и составную лексическую единицу.

В качестве грамматикализованного ядра понятийной категории количества в языке выступает грамматическая категория числа. Грамматическая категория является системой «противопоставленных друг другу рядов грамматических форм с однородными значениями»

[ЛЭС 2002 : 115]. Обобщенное значение количества является категоризирующим признаком грамматической категории числа.

Формы грамматического числа выражают «различие между единичным объектом и множеством объектов, причем последнее может быть самой различной мощности» [Панфилов 1977 : 297]. Категория числа рассматривается в работах многих языковедов [Брусенская 1986, Виноградов 1947, Дегтярев 1982, Есперсен 1958, Зализняк 1970, Ляшевская 2002, Супрун 1971 и др.].

Лингвисты отмечают, что языковая категория числа является отражением количественных отношений реального мира, как мы их представляем в нашем сознании. Наряду с оппозицией единственного и множественного числа, свойственной современным индоевропейским языкам, в ряде языков мира существует двойственное число, которое выражает «парную совокупность однородных предметов» [Меновщиков 1970 : 85], а также тройственное число и т.д. Но вместе с тем указывают, что категория числа в языке не тождественна мыслительно-логической категории количественности и, как замечает Дегтярев, «у нее есть и иные, собственно конструкционные функции, характеризующие язык как системно-структурное построение» [Дегтярев 1982 : 7]. В качестве примера рассматриваются имена существительные анумеральной семантики, выражающие несчитаемые понятия, а также имеющие формы числа (*singularia* и *pluralia tantum*), и согласовательная категория числа у прилагательных и глаголов, которая не выражает собственно количественных значений.

Категория числа как номинативная категория, т.е. отражающая реальные различия денотатов, обнаруживается только у существительных и личных местоимений. У прилагательных и глаголов эта категория связана лишь с синтаксическим элементом значения, отражающим тип синтаксической связи в предложении [Брусенская 1986; Зализняк 1970].

Однако здесь нет единства мнений. Так, содержание категории числа местоимений интерпретируется по-разному. В.В. Виноградов замечает, что «предметно-личные местоимения, в сущности, лишены сферы числа» [Виноградов 1947 : 265]; А.А. Зализняк считает их разными лексемами [Зализняк 1970]; А.В. Исаченко считает личные местоимения *я/мы* | *I/you* числовыми формами одной лексемы по аналогии с *книга/книги* | *book/books* [Исаченко 1961]. Так или иначе, очевидно, что соотношение единственного и множественного числа местоимений носит иной характер, чем у лексико-грамматического разряда существительных.

Несколько упрощенным представляется характеристика категории числа как «отражающей внеязыковые различия единичности и неединичности называемых существительным предметов» [РГ-1980 : 471]. Как, в частности, замечает Брусенская [Брусенская 1986], сущность данной категории составляет противопоставление дискретности как значения множественного числа и целостности, нерасчлененности как значения единственного числа. Это позволяет объяснить случаи *pluralia tantum* (выражают внутреннюю расчлененность предмета) и феномен собирательности в языке (представление о множестве предметов как об одном целом).

Нерешенной задачей на данном этапе изучения категории числа является выявление такого значения каждой из категориальных форм числа, которое отражало бы все контексты ее употребления.

Многие языковеды отмечают, что в рамках оппозиции единственное число – множественное число последнее выражает количественную неопределенность: «множественность (плюральность) – одно из проявлений неопределенного количества» [Акуленко 1990 : 24].

Действительно, при использовании множественного числа отсутствует точное указание на количество, невозможно точно определить, сколько предметов имеется в виду. Однако, как подчеркивают исследователи, «в

плюральности еще сохраняется косвенная связь с числом в силу ее противопоставленности по отношению к единичности: плюральность – это не-единичность» [Акуленко 1990 : 25]. То есть, плюральность подразумевает количество больше одного.

Важно определить рамки понятия множественности в применении к языковым фактам. Поскольку языковые средства служат для отображения явлений окружающего нас мира, то математические понятия пустого и полного множеств не применимы для определения множества в языке: «Естественный язык не трактует всеобщность и отрицание существования чего-либо как количественные отношения» [Акуленко 1990 : 29]. Таким образом, языковые средства, выражающие всеобщность или отсутствия какого-либо явления, не входят в языковую сферу количественности.

Следует заметить, что неопределенность количества не означает приблизительность. Ряд авторов (В.В Акуленко, М.М. Копыленко) четко отграничивает приблизительность от множественности: «Приблизительность количества всегда соотносится с числом, приблизительность и единичность или приблизительность и неопределенность несовместимы» [Акуленко 1990 : 21], здесь всегда имеется в виду «количество, близкое к какой-либо системе отсчета» [Копыленко 1993 : 70]. Приблизительность выражается с помощью конструкции *около* + числительное: *около двух часов, около десяти лет*. В английском языке в этом же значении используются конструкции *about* + *nom*, *about* + *gen*, *about* + *acc*: *the room is about 10 meters wide* / *комната примерно 10 метров в ширину*; *at about two o'clock* / *около двух часов*. Синтаксически приблизительность передается перестановкой имени числительного и имени существительного: *человек тридцать*; *грамм двести, килограмм пять*. В английском языке такой перестановки не происходит вследствие устойчивого порядка слов.

Очень важным представляется отграничить понятие множественности от понятия плюральности, то есть обозначения

множества предметов грамматическими формами множественного числа. Так, когда мы говорим *книги, люди / books, people* и т.п., не указывая на точное количество посредством числительных или других слов с точным количественным значением, мы не можем точно определить, сколько именно объектов имеется в виду.

Плюральность – это лишь одно из средств выражения неопределенного количества, т.е. множественности. Такие средства как лексические повторы, морфемы типа *много -*, *поли – / many-, poly-* в русском, английском и их эквиваленты в других европейских языках, множественность действия в глагольной семантике, степени сравнения, наречия меры и степени для передачи признакоколичества в прилагательных и наречиях и т.д. также выражают множественность.

Следовательно, единичности необходимо противопоставлять именно поле множественности во всем его многообразии, а не только плюральность как один из его аспектов.

Понятие множественности реализуется в бесконечном многообразии множеств.

Т.П. Ломтев подразделяет множества на разделительные, где каждый член множества индивидуален (*ученики* в классе), и собирательные, где все элементы идентичны (*песчинки*) [Ломтев 1971 : 107-108]. А.А. Холодович различает множества по признакам определенности, однородности, дискретности, тотальности и т.д. [Холодович 1946].

Некоторые части поля множественности тяготеют к единичности - это так называемые партитивные множества (*брюки, очки / trousers, glasses*), названия совокупностей как множеств (*деньги, кудри / money, curls*), вежливое обращение к одному лицу местоимением в форме множественного числа. Так же и часть поля единичности тяготеет к множественности - формы единственного числа в обобщенно-собирательном значении, названия ряда единств, предполагающих наличие множества предметов (*мебель / furniture*).

Итак, единичность и множественность в языке противостоят друг другу по структуре обозначаемых объектов и оппозиции определенности – неопределенности количества.

Существительные во множественном числе могут указывать как на множество отдельных объектов (*три дома, четыре стула / three houses, four chairs*), что в языкознании называется описательным множественным числом, так и количественно определять наличие какого-либо объекта в каких-либо единицах измерения (*три часа, два литра / three hours, two litres*), что определяют как множественное число меры.

Как видим, различие в формах множественного числа обусловлено не какими-либо языковыми факторами, а качественным различием объектов, что еще раз иллюстрирует тесную взаимосвязь категории количества с категорией качества.

В концепции Л.Д. Чесноковой числовые различия представляются как различия качественных характеристик их количеств: “*четыре / four*”- это название определенного количества, качество которого заключается в объединении четырех единиц [Чеснокова 1992].

Что касается выбора формы числа, то он иногда обусловлен самой семантикой слов [Александрова 1986]: например, глаголы связи, расставания, сравнения и прилагательные типа *дружный, общий / close-knit, shared* предполагают необходимость множественного числа для определяемых слов.

Лексическим средством выражения точного количества, кроме количественных числительных, являются порядковые числительные, отражающие такую функцию числа, как определение порядка следования предметов при счете.

Авторы монографии «Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность» выделяют, наряду с именной количественностью, которая является языковой проекцией структуры объектов

реального мира, количественность в сфере предикатов (глагольную множественность), которая отражает структуру ситуаций [ТФГ 1996]. Есперсен понимает глагольную множественность как значение «совершать несколько действий» [Есперсен 1958 : 244], а Л.Д. Чеснокова уточняет, что количественность в сфере действий связана с понятием неопределенной множественности или единичности [Чеснокова 1981], что объясняется отсутствием регулярной потребности в точном счете действий.

Выражение определенной множественности действий встречается реже, при этом употребительными являются слова, обозначающие числа из первой десятки: *дважды напомнил, три раза заходил / reminded twice, call in three times* и т.п. Бодуэн де Куртене считает, что глагольная множественность выражается в показателях многократности, а такие средства как удвоение, повторы, редупликация, выражают количественную характеристику интенсивности каких-либо признаков предметов [Бодуэн де Куртене 1963].

Резюмируя, следует отметить, что на современном этапе исследований с применением полевого подхода было обнаружено, что категория количества в языке представлена разноуровневыми средствами, сложной системой взаимодействующих смыслов; отсюда – сложность определения границ и структуры так называемого функционально-семантического поля количества.

1.2. Категория единичности в системе количественных отношений

Сложность определения границ и структуры ФСП количества побуждает рассмотреть в нем место категории единичности.

1.2.1. Понятие единичности в философии и логике

Описание и объяснение явлений многообразного предметного мира вокруг нас невозможно без рассмотрения отдельных предметов, явлений, их взаимосвязи, в связи с чем вопрос выделения отдельных вещей и их общей сущности ставился учеными уже на раннем этапе возникновения философии.

Отметим, что понятие единичности, как и любое другое понятие, не может быть определено и рассмотрено изолированно, само по себе, вне системы понятий, иначе его сущность останется нераскрытой, поэтому понятие единичности мы рассматриваем во взаимосвязи единичного и общего, что отражает объективные закономерности окружающей нас действительности.

Как мы отмечали ранее, познание человеком действительности начинается с ее качественной стороны, и неудивительно, что первые древнегреческие философы выделяли какие-либо конкретные, эмпирически познаваемые предметы, субстанции и провозглашали их единой материей, тем всеобщим, из чего состоит все вокруг.

Так, Гераклит (ок. 544–483 гг. до н.э.) считал, что все вещи возникают из огня путем сгущения, а путем разрежения в него возвращаются. Эмпедокл (ок. 490–ок. 430 гг. до н.э.) выделял четыре первоначала: *землю, воду, воздух, огонь*. Получалось, что первоначало существует само по себе, и наряду с этим также в виде отдельных предметов.

Пифагорейцы первыми создали философскую систему, где в качестве общего рассматривалось не конкретное вещество, а некая абстракция. Началами они считали числа и числовые пропорции, которые они называют

«гармониями». Пифагор и его ученики отмечали, что общее, в частности, количественные отношения, могут существовать отдельно от единичных предметов, в виде неких идеальных первоначал. При этом единице, которую он называл монадой, Пифагор приписывал следующие значения: «Единица – первоначало тождества вещей самих себе и их постоянства, одна из мировых порождающих сил. Монада – начало всех чисел, числа же – начала всех вещей. Она – четно-нечетное число. Единица заключает в себе ограниченность и безграничность...Монада – символ Бога » [Пифагор 2003 : 212]. Пифагорейцы первыми попытались представить понятия единичного и общего не просто как проявления одной и той же материи, субстанции, а как разнопорядковые, качественно различные явления.

Еще более абстрактным предстает соотношение единичного и общего у Платона. В основе его учения – деление существующего на реальный мир, который образуют общие идеи, и нереальный, состоящий из отдельных единичных вещей. Каждая отдельная вещь возникает из беспредельного небытия путем математического ограничения и служит определенной цели, в качестве которой выступает некая идея.

Так, Бертран Рассел следующим образом иллюстрирует положения платоновской теории: «Когда ряд индивидов имеет общее название, они имеют также общую "идею" или "форму". Например, хотя может быть много кроватей, существует лишь одна "идея", или "форма", кровати... разные отдельные кровати нереальны, являясь лишь копиями "идеи", которая представляет собой одну реальную кровать и создана Богом. Об этой одной кровати, созданной Богом, возможно знание, но в отношении многих кроватей, сделанных плотниками, может быть лишь мнение. Философа как такового будет интересовать лишь одна идеальная кровать, а не многие кровати, обнаруживаемые в чувственном мире» [Б. Рассел 2001]. Итак, Платон отрицает реальное существование отдельных вещей, считая их преходящими, несовершенными подобиями идей.

В философской системе Аристотеля отдельные вещи появляются только тогда, когда материя соединяется с какой-либо формой, без формы материя – только возможность образования вещи. Эти вещи, возникшие из неопределенной материи, соединившись с новой формой, могут превратиться в другую вещь или вещи, т.е. выступают уже в качестве общего. Следовательно, каждая отдельная вещь может рассматриваться и как единичная, и как общая, т.к. общее проявляется именно в отдельных вещах.

В труде *«Метафизика»* Аристотель вводит понятие единого: «все, что не допускает деления, называется единым... Мы не называем что-либо единым, если оно не есть некоторое целое, т.е. оно не имеет единой формы (например, разрозненные части сандалии)» и выделяет виды единого: «непрерывное: то, что составляет целое (мысль о чем неделима); единичная вещь (то, что неделимо по числу); единое по виду (общее) – то, что неделимо для понимания и познания» [Аристотель 1975 : 70]. Данному понятию он противопоставляет понятие множества: «Ко множеству мы причисляем или не непрерывное, или то, у чего вид не один, или то, определение чего не одно» [Аристотель 1975: 81]. Итак, единичность у Аристотеля – одна из разновидностей единого, которое он называет «мерой всех вещей», а вещи он разделяет либо по количеству, либо по виду.

Дальнейшее развитие философской мысли привело к спору о так называемых универсалиях, общих понятиях, разделило философов на два лагеря. Одна точка зрения, последователи которой назывались реалистами, отрицала существование единичных вещей или называла единичное временным, видимостью и т.п. Такой позиции, развивающей взгляды Платона, придерживались Аврелий Августин, Ансельм Кентерберийский. Это учение стало основой объективного идеализма.

Противоположного мнения по вопросу о соотношении общего и единичного придерживались номиналисты. Они утверждали, что в реальности существуют лишь единичные вещи, а общее существует только в качестве

названий, общих имен. Однако среди представителей этого учения нет единого мнения о том, в какой форме существуют единичные вещи. Одни (Иоанн Росцелин, Уильям Оккам) считают, что единичное – это материально отдельные предметы, Джордж Беркли – что единичное существует только в ощущениях человека, а Готфрид Лейбниц полагает, что единичное существует в виде монад – простых, неделимых частиц, самостоятельных единиц бытия.

Философов нового времени не могли удовлетворить схоластические методы познания истины и умозрительные рассуждения средневековых философов. Бурное развитие наук, промышленности, привело к необходимости изучения и познания законов природы, подтверждения теоретических построений практикой. Так, «естественная» философия Фрэнсиса Бэкона – это наука о реальном мире, основанная на наблюдении внешней природы и духовной жизни человека. Он считал, что действительно существуют только единичные, качественно обособленные тела, которые образуются в результате соединения тех или иных простых природ. Природа вещей определяется неизменными формами (законами). Итак, формы и есть общее, которое существует в единичных вещах. Сходного мнения придерживаются Томас Гоббс и Джон Локк. Их позицию можно свести к следующему: реально существуют только единичные вещи, общее же есть лишь сторона, качество единичных вещей.

Позиция Гегеля по вопросу соотношения общего и единичного близка к реалистам. Согласно его философской концепции, вначале существовала абсолютная идея, которая, развиваясь, произвела все общие понятия, а затем породила свое «инобытие», природу и стала существовать в виде отдельных материальных образований, предметов. Гегель утверждает, что общее существует в идеальной форме, как мысль, которая порождает материю, единичные вещи.

Людвиг Фейербах критикует концепцию Гегеля, говоря о том, что общее не существует отдельно от единичных предметов и явлений. Общим Фейербах

называет какое-либо свойство, качество предметов, сущность же вещей, по его мнению, составляет единичное. Он задается вопросом: «Что существенно... для моей головы? То ли, что она голова вообще или то, что она есть данная определенная голова? Что она есть данная голова, потому что тот, кто возьмет у меня мою голову, тот вообще не оставит мне больше голов» [Фейербах 1964 : 136].

Итак, определяющим в существовании вещей является их отдельность, уникальность, а общее существует только через существование единичных вещей.

Представители диалектического материализма также отрицают существование общих понятий, считая их абстракциями: «Материя как таковая – чистое создание мысли... в отличие от определенных, существующих материй она не является чем-то чувственно существующим» [Маркс, Энгельс 1972 : 570]. При этом существование материи в виде отдельных предметов обуславливается законом абсолютного движения, свойственного материи.

В логическом словаре Н.И. Кондакова находим следующее определение единичного: «отдельное, ограниченное в пространстве и времени тело, вещь, явление; целостная совокупность объектов определенного качества, противопоставляемая другим единичным объектам и общему» [Кондаков 1975 : 170]. Категория единичности в логике рассматривается совместно с понятиями частного и общего, которые взаимосвязаны и отображают отношения и связи предметов и явлений в природе, обществе и мышлении.

Единичное выражает мысль о каком-либо одном предмете (явлении) или процессе, отображающую совокупность присущих этому предмету признаков, например, мысль об этом конкретном столе. Единичными являются, к примеру, имена *“Луна”*, *“высочайшая вершина мира”*, *“величайший философ древности”*, *“река, на которой стоит Лондон”* / *“the Moon”*, *“the highest summit in the world”*, *“the greatest ancient philosopher”*, *“the river on which London stands”* и т.п. [Ивин 1999 : 41].

Частное – мысль о какой-либо группе однородных предметов, входящих в соответствующий класс предметов. Например, мысль о *соснах* является частной по отношению к мысли о всем классе *хвойных деревьев*.

Общим является мысль о каком-либо классе однородных предметов, например, мысль о всех деревьях вообще, о всех звездах вообще и т.п. К общим именам относятся “книга”, “человек”, “планета”, “число” / “book”, “man”, “planet”, “number” и т.п. Такие имена связаны всегда с множеством, или классом, предметов, включающим два или более число предметов. При этом имя относится к множеству не как к единому целому, а к каждому входящему в него предмету.

Слово “человек” / “man” является именем каждого отдельного человека. В отличие от “человека” / “man” слово “человечество” / “mankind” не общее, а единичное имя: предмет, который можно назвать “человечество”, всего один.

Таким образом, в понятии единичности в логике можно выделить следующие смысловые компоненты: 1) единственность (мысль о предмете как представленном в одном экземпляре), 2) совокупность (мысль о ряде объектов как об одном целом), 3) уникальность объекта (мыслительное выделение определенного объекта из класса ему подобных посредством набора признаков, характерного только для данного объекта).

1.2.2. Категория единичности в языке

Понятие единичности, т.е. выделения какого-либо объекта из некоторой совокупности, является основой сравнения предметов. А.Ф. Лосев называет единичность «количественным обозначением не количественного предмета», которая «дает очень много», ибо, например, не считая *стол* и *стул* за некие единицы, мы «не можем отличать одну от другой... вообще не можем их воспринимать и мыслить» [Лосев 1970 : 194]. Таким образом, отправной точкой при счете предметов, обладающих признаком исчисляемости, служит понятие “один”. Ему логически противопоставляется понятие “более, чем

один”. Таким образом, понятие “одного” является эталоном при счете, «единое и многое в числах противостоят друг другу как мера и измеряемое» [Аристотель 1975 : 170], «число есть множество, измеряемое единицей» [Аристотель 1975 : 182], и мы сопоставляем имеющееся количество предметов с единицей.

Как правило, в работах лингвистов единичность противопоставляется множественности и соотносится с грамматической формой единственного числа. Так, А.Н. Полянский называет единичностью «то, что в грамматике называют единственным числом» [Полянский 1984 : 38]. Действительно, идея единичности является основным, парадигматическим значением формы единственного числа.

Являясь немаркированным членом оппозиции “единичность / множественность”, согласно принципу неравноправности морфологических категорий, установленному Р. Якобсоном [Jakobson 1962], форма единственного числа имеет больший функциональный диапазон, чем маркированный член. Это обуславливается тем, что в оппозиции грамматических форм одна форма всегда воспринимается как исходная. В языке эта закономерность получает формальное выражение в том, что если исходная форма может выступать как противопоставленная маркированной форме, то маркированная не выступает в функции нейтральной [Александрова 1986]. Вследствие этого частота форм единственного числа имен существительных в текстах всегда больше форм множественного числа.

Единичность, то есть наличие какого-либо объекта в единственном экземпляре, выражается в русском и английском языках формами единственного числа существительного (*стол, лампа / a table, a lamp*). Признаком единичности обладают также единичные предметы и лица, выделенные из массы вещества или совокупности однородных предметов (*дождевка – “капля дождя” / a raindrop, жемчужина – “отдельное зерно жемчуга” / a pearl, дворянин – “представитель дворянства” / a nobleman*). В

данном случае значение единичности в русском языке выражается словообразовательными средствами, с помощью специфических суффиксов со значением одиночного предмета (лица) : *ин(а)*, *-инк(а)*, *-к(а)*.

В английском языке единичность выражается грамматически, формой единственного числа с нулевым окончанием либо самой формой слова в случае, когда показателем числа служит чередование морфемы, как в слове *nobleman / noblemen*.

Следует отметить, что под категорию единичности подпадают также предметы, которые являются единственными в своем роде и, следовательно, не могут быть представлены во множественном числе. К таким явлениям окружающей действительности относятся, в частности, названия небесных тел (*Солнце, Венера / the Sun, the Venus*) и сторон света (*Юг, Запад / the South, the North*). Их употребление во множественном числе относится к стилистическим приемам и служит созданию художественного образа (*ярче тысячи солнц / the crocodile with full Moons in its eyes*).

Формы единственного числа существительного могут также употребляться в обобщенно-собирательном значении (*крокодил не ловится, не расстает кокос / man is not made for defeat*).

Смысловой компонент совокупности в логическом определении понятия единичности соотносится: с языковым феноменом собирательности, когда названия множества одинаковых лиц, предметов рассматриваются как единое целое и обозначаются в русском и английском языках существительными в единственном числе (*сырье, ельник, человечество / family, crew, shorts*); с названиями предметов с вещественным значением (*асфальт, железо, молоко / bread, copper, timber*); с названиями качества или признака (*близна, доброта, / freshness, happiness*); названиями действия или состояния (*доставка, рубка, удивление / tactics, politics, looks*) и абстрактными существительными (*дружба, любовь / beauty, hatred*).

Однако содержание понятия единичности в языке не ограничивается

указанием на количество объектов или их выделенность из ряда подобных. Как отмечает В.И. Дегтярев, «помимо выражения количественности, число уже в языке использовалось как знак или способ представления определенных понятий» [Дегтярев 1982 : 10]. Кроме простого обозначения предметов, представленных в единственном экземпляре, единичность в языке бывает также осложнена различными коннотациями, т.е. ярко выраженным оценочным компонентом.

В целом логика языка, в отличие от логики как «науки о законах и операциях правильного мышления», не так рациональна и может быть противоречивой. Так, В.И. Дегтярев отмечает: «Исторически сложившаяся языковая форма может оказаться в противоречии с современным видением или восприятием обозначаемого предмета. Множественное число *сани* функционирует в значениях единичности и множественности, но само по себе оно не выражает количественности и является только номинативной формой слова» [Дегтярев 1982 : 11]. Грамматическая форма единственного числа может обозначать множественность (*московский зритель весьма избалован / the hourse is a useful domestic animal*), а форма множественного числа – указывать на единичность (*не дави живых людей, я еще жива / sugar-cubes gripped in small silver tongs*). М.М. Копыленко выделяет в языке неинформативную (избыточную) единичность: например, избыточное обозначение частей тела человека и предметов одежды.

Отметим, что единичность как соответствие понятию «один» относится к полю определенного количества, в то время как множественность определяют как неопределенное количество, где «потенциальное количество колеблется между двумя и бесконечностью» [Акуленко 1990 : 25].

Здесь следует сказать о точке зрения И.Г. Кошевой, которая рассматривает единичность как разновидность множественности: эти понятия она относит к положительному количеству и противопоставляет им отсутствие количества, то есть нуль [Кошечкина 1973 : 188]. Однако данную

точку зрения мы не считаем достаточно обоснованной, в силу того, что как эталон счета и эталон сравнения характеристик объектов именно единичность, а не ноль противопоставляется множественности в естественных языках.

В целом множественность рассматривается в рамках противопоставления неопределенного и определенного количества. Определенное количество выходит на натуральный ряд чисел и иначе называется нумеральностью, в то время как оценка неопределенного количества строится на соотношении с нормой. По отношению к норме неопределенное количество подразделяется на неопределенно большое количество и неопределенно малое количество.

Таким образом, единичность и множественность в языке противостоят друг другу по структуре обозначаемых объектов и оппозиции определенности – неопределенности количества, но не являются изолированными, и рассмотрение областей их взаимопроникновения представляет собой дальнейшую перспективу исследования.

Для категории единичности, в свою очередь, нельзя выделить какой-либо один универсальный способ выражения в языке. Данная категория семантически неоднородна, имеет разветвленную структуру манифестации в языке, дополнительно осложненную разнообразными коннотациями.

В целях дальнейшего изучения языковой категории единичности необходимо уточнить понятие количественных смыслов в лингвистической литературе и рассмотреть основные способы их манифестации в системе языка.

1.2.3. Система количественных смыслов и основные способы их языковой манифестации

В понятии количество как категории мышления различается ряд смыслов, называемых количественными, каждый из этих смыслов трактуется как ФС.

Квантитативные смыслы и отдельные их аспекты исследуются в ряде работ, посвященных изучению категории количества в языке, однако наиболее последовательно, системно представлены в монографиях В.В. Акуленко и М.М. Копыленко [Акуленко 1990, Копыленко 1993], концепции которых мы и принимаем за основу в плане рассмотрения системы квантитативных смыслов в языке.

Квантитативные смыслы в языке выделяются вышеуказанными авторами по доминантным признакам, семантическим модификациям категории языковой количественности, основным из которых является выражение определенного / неопределенного количества.

В.В. Акуленко (см. схему 1 на с. 50) разделяет макрополе количественности на два поля второго ранга по признаку определенности / неопределенности количества. Поле определенного количества, в свою очередь, разделяется на нумеральность и единичность, а поле неопределенного количества – на множественность и поле оценки неопределенного количества. Последнее подразделяется на поля неопределенно большого количества и неопределенно малого количества. На пересечении полей единичности и множественности находится поле собирательности.

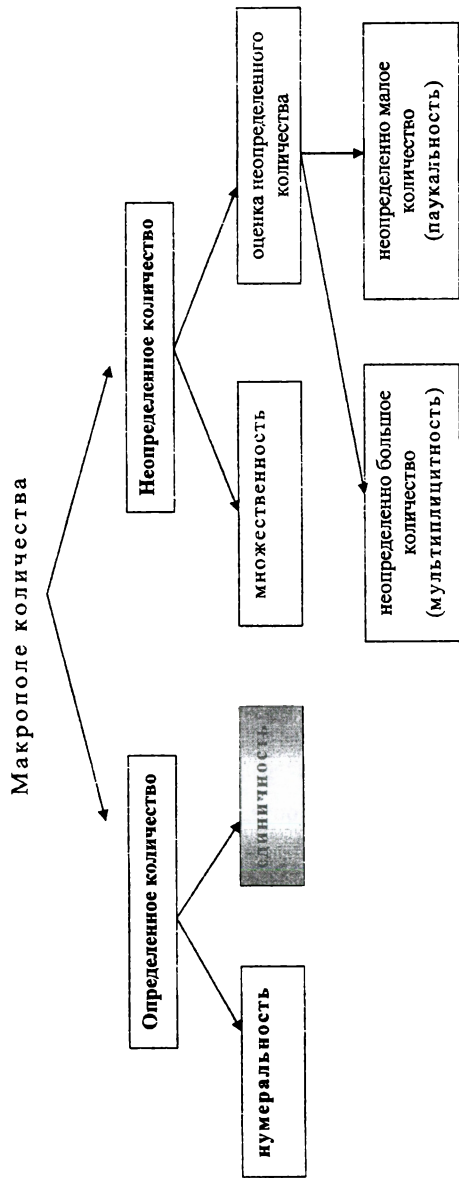
М.М. Копыленко (см. схему 2 на с. 51) подразделяет квантитативность на соотносимую с числом и не соотносимую с числом. В соотносимых с числом квантитативных смыслах выделяются точные и неточные, первые подразделяются на нуль, единичность и множественность, а вторые – на ориентированные на число (приблизительность) и не ориентированные на число (неопределенность). Неопределенность подразделяется на соотносимую и не соотносимую с нормой. Соотносимая с нормой неопределенность может быть нормативной или ненормативной; последняя может быть больше или меньше нормы. Не соотносимая с нормой неопределенность представлена в двух разновидностях: неопределенно большая множественность и неопределенно

малая множественность. Не соотносимые с числом количественные смыслы включают в себя определенную совокупность (может быть полной и неполной), неопределенную совокупность и неопределенную часть целого (см. схему 2 на с. 51).

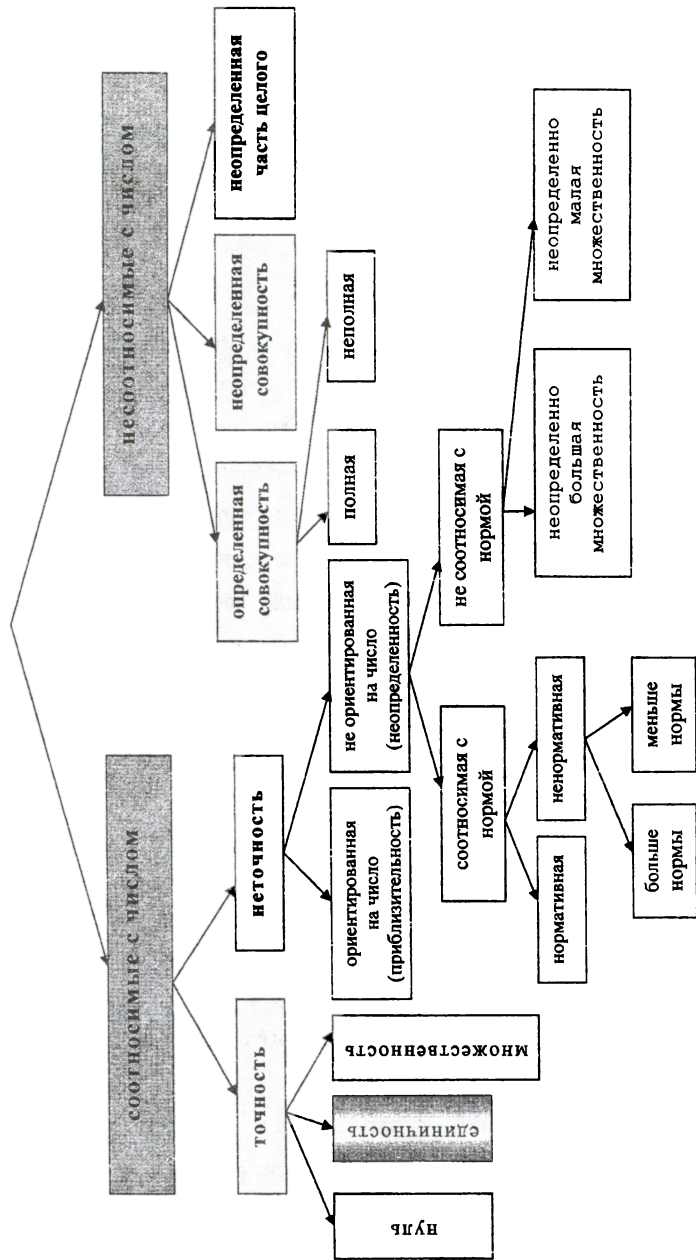
В целом, обе представленных схемы количественности в языке не противоречат друг другу. При этом в концепции М.М. Копыленко разделение макрополя количественности представлено более детально: он выделяет тринадцать количественных смыслов, в то время как В.В. Акуленко выделяет шесть типов количественных значений. Исследование В.В. Акуленко отличается более широким охватом категории количества в целом: кроме основных количественных смыслов и средств их выражения здесь рассматриваются также межполевые группировки с количественным компонентом в семантике.

В.В. Акуленко, в отличие от М.М.Копыленко, не трактует ноль, т.е. отсутствие количества, как количественный смысл. Оба автора определяют единичность как точный количественный смысл, соотносимый с числом. Однако множественность понимается по-разному: по М.М. Копыленко, она – точный количественный смысл, соотносимый с числом, по В.В. Акуленко множественность входит в область неопределенного количества. М.М. Копыленко отмечает, что он понимает множественность широко, как любую количественность, кроме нуля и единичности, что согласуется с пониманием данного количественного смысла у Е.В. Гулыги и Е.И. Шендельса [Гулыга, Шендельс 1974]. В обеих концепциях выделяются количественные смыслы неопределенно большой и неопределенно малой множественности, утверждается, что они не соотносятся с числовым рядом, нумеральностью, но М.М. Копыленко не соотносит их с нормой, тогда как В.В. Акуленко противопоставляет данные количественные смыслы множественности как косвенно связанной с рядом чисел (через отталкивание от единичности) и говорит о них как об основанных на сопоставлении с нормой.

Схема 1

Квантитативные смыслы

Авторы выделяют приблизительность как неточный количественный смысл, ориентированный на число.

Следует заметить, что обозначенные количественные смыслы не являются статическими образованиями, не представлены всегда «в чистом виде», а активно взаимодействуют между собой, образуя промежуточные случаи, которые нельзя однозначно отнести к одному определенному количественному смыслу.

Переходя к рассмотрению основных способов выражения количественных смыслов, отметим, что они не выражаются словом или словосочетанием, их значение раскрывается только на уровне предложения, т.к. они функционируют в речи именно в составе предложения.

Точные количественные смыслы, соотносимые с числом, выражаются в лексике через количественные, дробные, порядковые числительные, счетные существительные, в значениях прилагательных, наречий и глаголов, производных от числительных и счетных существительных. В целях точной характеристики количественных параметров предметов общенародный язык взаимодействует с различными специальными подязыками математики, физики и других точных наук, используя систему измерителей (мезуративов), которые представлены единицами меры, веса, стоимости, длины, величины, площади и т.д.

Синтаксические способы выражения точного количества включают количественное словосочетание (*два дома, десять книг / seven sins, five friends*), конструкцию «числительное + *раз*» (*три раза*) / «numeral – time(s)» (*four times*), сочинительный ряд, который может быть представлен простым перечислением (*Петя, мама и папа пили чай / His collection included an old clock, a rug and an oak chest*), а также рядом простых и сложных предложений, выполняющих функцию перечисления. Сочинительный ряд выражает количество не своим содержанием, а своей формой.

Приблизительность выражается количественными, дробными, порядковыми числительными, счетными существительными, к которым

присоединяются аппроксиматоры – наречия и предлоги, указывающие на приблизительность количества.

К синтаксическим средствам выражения приблизительности в русском языке относятся инверсия числительного (*рублей двадцать*), в русском и английском языках – употребление нескольких рядом расположенных чисел натурального ряда (*пришли мне пять-семь образцов / mix one part glycerine with two-three parts hot water*). Иногда синтаксические и лексические средства выступают в комплексе: *Часов около десяти утра: никто не работает. To become commercial, though, the magnets will have to be made at least two-three times more powerful and a good deal lighter than they are today.*

Квантитативные смыслы, выражающие неопределенность количества, также носят разнообразный характер. В отличие от средств, служащих обозначением определенного количества, данные квантитативные смыслы не имеют выхода на натуральный ряд чисел.

Как отмечает В.В. Акуленко, более разнообразными, широко представленными являются средства выражения неопределенно большого количества, чем неопределенно малого [Акуленко 1990 : 38]. Это связано с большей потребностью в описании разнообразных множеств предметов в отличие от малых их количеств. Поэтому неопределенно большое количество выражается в языке, наряду со средствами прямой номинации, большим разнообразием средств вторичной номинации, основанных на переносе значения, связанных с образностью языка (*львиная доля, как сельди в бочке, a whale of a story, mountains of love* и т.п.). Часто такие выражения обладают ярко выраженной положительной или отрицательной коннотацией (*таких умельцев сегодня как грязи, море счастья, torrent of disasters, barrels of fun*), что связано с взаимодействием количественной оценки с качественной. Поэтому оценочное выражение идеи количества всегда тяготеет к экспрессивности.

Обозначение неопределенного количества связано с понятием нормы. При этом норма, выражаемая в естественном языке, в отличие от понятия

логической нормы, всегда субъективна, что обуславливает градуальность средств выражения языковой оценки.

Э. Сэпир, рассматривая отражение процесса градуирования на языковых фактах, разделяет его на эксплицитное и имплицитное, а каждый из этих типов градуирования – на абстрактную и специализированную форму [Сэпир 1986].

Так, абстрактное эксплицитное градуирование осуществляет упорядочивание единиц вверх и вниз по шкале, не указывая ни на класс этих единиц, ни на наличие или отсутствие норм или максимумов при измерении (слова *больше чем, меньше чем, большее количество / more than, less than, greater amount* и т.п.).

Специализированное эксплицитное градуирование соответствует понятию «выше или ниже логической нормы» и обычно выражается сравнительной степенью прилагательного (*выше, быстрее, сильнее / higher, faster, stronger*).

Имплицитное градуирование может быть представлено абстрактно словами *много и мало* или специализированно через множества. Множества, задействованные в специализированном эксплицитном градуировании, могут быть как одноэлементными (сюда относятся слова, обозначающие понятия, упорядоченные как «больше» или «меньше»; для них нет точного оппозиита: *вместительный, серебристый, удаленный / spacious, silvery, remote*), так и сложными множествами с большим числом членов.

Наиболее часто в языке встречаются двухэлементные множества типа *длинный/короткий, большой/небольшой; long/short, big/small*. Это связано с тем, что практический интерес представляет понятия, обозначающие крайние точки какой-либо шкалы, тогда как понятия, называющие промежуточные точки некоторой шкалы, «возникают... в результате процесса упорядочения, разрушающего равновесие между двумя этими единицами» [Сэпир 1986 : 47]. Вообще, слова типа *обычный, нормальный / ordinary, normal* обозначающие норму, не часто употребляются в общенародном языке и, скорее, востребованы в специализированных языках точных наук.

Разновидности количественности могут быть выражены в языке как эксплицитно, так и имплицитно разноразмерными единицами. Функционально они тяготеют к выражению полярных относительно нормы понятий, и чем обозначаемое понятие более удалено от нормы, тем экспрессивнее средства его выражения.

Семантика количественного смысла выделяет подполя внутри единичности и множественности – основных субкатегорий категории количества. Таким образом, образуется столько подполей, сколько количественных смыслов выделяют. Так, В.В. Акуленко рассматривает пять количественных смыслов, а М.М. Копыленко – тринадцать.

1.3. Методология и методика исследования

Цель, которую мы ставим в данной работе, – изучение функционально-семантической категории единичности в двух неродственных языках (русском и английском), предполагает, что наше исследование находится в русле сопоставительного метода.

Суть сопоставительного метода – в сравнении функционально-тождественных фактов двух или более языков, независимо от того, являются они типологически сходными или нет.

Согласно А.Д.Аракину, в задачу всякого сравнительно-типологического исследования входит «отыскание наиболее общих тождественных признаков, так называемых изоморфных признаков, которые составят характеристику данного явления» [Аракин 1989 59]. Сопоставительный метод дает возможность определить не только факты и явления, имеющие аналогичные функции в сопоставляемых языках, но и то место, которое они занимают в своей микросистеме.

Сама возможность адекватного сопоставления материала разных языков зависит от того факта, соблюдается ли в выбранном направлении исследования принцип сравнимости, который предполагает

сбалансированность изучения сопоставляемых языков, определение функционально сходных явлений в сопоставляемых языках и рациональное сочетание различных подходов при сравнении языков [Юсупов 1988].

Итак, во-первых, проводя исследование в русле сопоставительной лингвистики, важно по возможности пропорционально представить материал каждого из выбранных языков, иначе результаты сравнения не могут быть признаны теоретически и практически значимыми. При этом знания, полученные при анализе фактов одного языка, будут полезны при изучении других языков.

Во-вторых, необходимо четко определить фокус исследования в рамках объекта изучения, что определяет принцип отбора языковых явлений для сопоставления.

Каждый объект сопоставительного исследования образует категорию сопоставления, которая может быть содержательной (выражение времени, числа, определенности/неопределенности и др.) или структурно-формальной (порядок слов, способы синтаксической связи и др.) [Гак 1983 :11].

В нашем исследовании категория сопоставления является содержательной, основывающейся на логико-понятийной категории единичности, являющейся частью макрополя языковой количественности, которое, в свою очередь, является отражением гносеологической (онтологической) и мыслительной (ментальной) категории количества.

Понятийный аспект семантики – понятийные категории (ПК), принцип описания языков «от значений к средствам их выражения», семантический критерий при выделении в языке частей речи – рассматривается многими лингвистами как основа описания языков мира [Серебренников 1976 : 11-30].

Таким образом, категория сравнения в данной работе носит семантический характер, и отбор языковых фактов мы будем производить по признаку наличия семантического компонента единичности (квантитативного смысла единичности).

Что касается методики сопоставления, то и здесь обнаруживаются «слабые места». Так, В.Н. Ярцева отмечает, что в области контрастивной лексикологии крупных достижений в области теории незаметно [Ярцева 1981 : 11; Нифанова 2004 : 7]. Это отчасти объясняется тем, что в семантических исследованиях языковеды больше ориентировались на слово (а именно, на содержание, ограниченное одной лексемой), чем на значение, то есть использовали семасиологический подход (в направлении от языковых форм к их значениям и функциям).

Более перспективным, однако, представляется ономасиологический подход (в направлении от значений и функций к выражающим их языковым формам). Функциональный подход к анализу языковых единиц позволяет выявить наряду с парадигматическими и их частные, контекстуальные значения.

Принцип двустороннего подхода был взят за основу О. Есперсеном в книге *«Философия грамматики»*: «...в грамматике можно начинать либо извне, либо изнутри. В первой части (от формы к значению) мы исходим из формы как данной величины, а затем устанавливаем ее значение и функцию; во второй (от значения к форме), наоборот, мы исходим из значения или функции и устанавливаем, как они выражаются в форме» [Есперсен 1958 : 39]. А. В. Бондарко приводит следующую схему двустороннего лингвистического анализа: 1) этап выделения определенной семантической категории, существующей в данном языке, на основе грамматической формы (анализ от формы к значению); 2) выявление средств выражения этой семантической категории (анализ от значения к форме); 3) анализ функционирования основных форм выражения данной семантики для определения выражаемых ими значений [Бондарко 1984 : 16]. Эта логика изучения языкового материала предполагает совместное использование как семасиологического, так и ономасиологического подходов.

Такой синтез семасиологического и ономасиологического подходов мы считаем оптимальным в целях нашего исследования. Данный

комбинированный подход позволит получить более полное описание функционально-семантической категории единичности.

Следует также отметить, что сопоставление не может опираться на искусственно изолированные единицы, оно должно исходить из системных отношений элементов языка. Поэтому в своем исследовании мы изучаем языковые единицы на уровне предложения, так, как они и функционируют в речи, а также опираемся на полевой подход, сопоставляя разноуровневые средства, входящие в функционально-семантическое поле единичности, как в русском, так и в английском языках.

Уровневый подход к анализу языковых фактов на определенном этапе развития лингвистики был достаточно плодотворным: позволил выделить единицы каждого уровня языковой системы, создать методику их описания, представить иерархию этих единиц.

Полевой подход, появившийся впоследствии, позволил переосмыслить и углубить представления о всем лексико-семантическом уровне языка, установить новые принципы взаимодействия языковых единиц в системе, обнаружить компоненты значения, остававшиеся без внимания при уровневом подходе [Полевые структуры в системе языка 1989 : 7]. Данный подход широко используется лингвистами, в частности, при изучении сферы языковой количественности [Акуленко 1990, Кругликова 1993, Теория функциональной грамматики 1996 др.]. Отмечается также, что полевой подход особенно актуален при сравнении неродственных языков [Юсупов 1988]. При этом термин поле означает не саму по себе группировку элементов языка, а «принцип организации группировки» [Полевые структуры в системе языка 1989 : 8].

Итак, сопоставительное изучение функционально-семантической категории единичности из-за сложности объекта должно иметь комплексный характер, при этом параметром сравнения выступает функционально-семантическое поле единичности.

Т.С. Нифанова объясняет выбор основания для сопоставительно-

семасиологического исследования следующими факторами: 1) лингвистической парадигмой, в рамках которой ведется исследование; 2) степенью теоретической разработанности ключевых понятий семасиологии; 3) генетическими и/или типологическими характеристиками языков; 4) объемом исследовательского материала [Нифанова 2004 : 43]. Поскольку слово в качестве единицы сопоставительно-семасиологического анализа представляет собой сложное структурно-семантическое единство, основания для межязыкового сопоставления могут быть формальными, семантическими, либо комплексными.

В нашем исследовании мы активно используем материал национальных корпусов русского и английского языков, что дает возможность получить «слепок» современного состояния сопоставляемых языков, исследовать действительно широко употребительные языковые средства.

Важный методический аспект использования данных корпусов для лингвистических исследований отмечает Елена Тонини-Бонелли [Tognini-Bonelli 2001]. Она различает исследования, полностью основанные на данных корпусов (*corpus-based approach*), и исследования, опирающиеся на данные корпусов (*corpus-driven approach*). Первый подход может дать только статистическую и количественную информацию по словоупотреблению, второй же связан с интерпретацией полученных результатов, поиском соответствий, подтверждения гипотез, построения логических схем и т.д., то есть интеллектуальной обработкой количественных данных.

Несомненно, второй подход представляется более перспективным в плане лингвистических исследований и адекватен целям и задачам нашего исследования, поскольку позволяет учесть идеологию корпусной лингвистики, ориентированную на речевой узор [Плунгян 2008 : 7-20].

1.4. Выводы по первой главе

1. Исследование показало, что языковая категория количества, и категория единичности в частности, формируются на базе понятийной категории, поэтому нами рассматриваются соответствующие категории в философии и логике.

2. Изучение категории количества в философии, логике и лингвистике показывает, что она относится, с одной стороны, к универсальным общенаучным категориям, а, с другой стороны, получает качественную определенность в каждой из наук.

В философии подчеркиваются отношения различия между элементами данной категории, и она рассматривается как система оппозиций, т.е. противопоставлений единичности и множественности, дискретности и непрерывности, определенности и неопределенности.

Традиционная и символическая логика рассматривают категорию количества в ее функциональном аспекте как средство классификации понятий и суждений. В диалектической логике она представляется как объективная определенность предмета и совокупность свойств, указывающих на его величину.

3. Количественность как определенное языковое содержание формируется на основе логико-философской (понятийной) категории количества – отражения предметов, явлений, отношений, признаков, действий и свойств, мыслимых как самостоятельные, независимые сущности.

Языковая категория квантитативности является средством выражения универсально-мыслительной категории количества, отражающей многообразие предметов, явлений, отношений окружающей действительности, она представляется в виде полевой структуры с ядром и периферией. Центром лексического выражения идеи количества выступают имена числительные, а грамматикализированным ядром – грамматическая категория числа. Содержание категории количества в языке составляет

противопоставление единичности и множественности, которые различаются по структуре референтов и оппозиции определенности – неопределенности количества.

Итак, понятия единичности и множественности составляют основополагающую оппозицию в рамках категории квантитативности.

4. Функционально-семантическая категория единичности передает соотносённость содержания предложения с действительностью с точки зрения говорящего (ономасиологический подход) и выражается сочетанием взаимодействующих морфологических, синтаксических, лексических и словообразовательных элементов.

Функционально-семантическая категория – это комплексная категория, включающая некую совокупность содержательных значений, выражаемых элементами разных языковых уровней, которые имеют синтаксические функции как элементы структуры предложения, но не сводятся к ним в отличие от синтаксических категорий времени, модальности, лица и т.д.

5. В связи с особенностью структуры референтов (денотатов) функционально-семантическая категория единичности выражает значения, основанные на нерасчлененности, целостности, нераспространенности, конкретности, компактности, простоте и других объективных квантитативных свойствах предметов и явлений действительности. Денотативное содержание форм единственного числа характеризуется конкретностью, определенностью, выполняет прежде всего номинативную, выделительную функцию, количественный аспект семантики при этом ослаблен.

Способы выражения ФСК единичности представляют собой совокупность средств (лексических, фразеологических, словообразовательных, морфологических, синтаксических; контаминированных: лексико-морфологических, лексико-синтаксических, фразеолого-синтаксических, т.е. фразеосхем и т.д.). Однако исследования манифестации по каждому квантитативному смыслу единичности в

отдельности непоследовательны и малочисленны, а поэтому нуждаются в уточнении и одновременно – в обобщении.

6. Описанная нами теоретическая база позволяет сформировать методологию и методику нашего анализа, описанную в разделе 1.3., в котором в качестве адекватной методики анализа мы принимаем методику ФСП, но в отличие от существующих научных работ по данной проблеме характеризуем ФСК единичности в двух аспектах: системно-категориальном (языковом) и конкретно-смысловом (речевом, дискурсивном).

Языковые категории формально,
а потому глубинно обуславливают
мировосприятие, образ жизни,
отношение людей к действительности...

В.А. Гречко¹

Глава 2. Функционально-семантическая категория единичности в системно-категориальном аспекте

Во второй главе решаются две основные задачи. Первая состоит в выявлении семантической структуры языковой категории единичности через определение понятийной основы ФСК единичности (раздел 1.2) и установление категориально-семантических значений категории единичности (раздел 2.2), их языкового статуса (раздел 2.3).

Вторая задача заключается в характеристике средств формализации категории единичности в сопоставляемых языках.

2.1. Понятийные основы функционально-семантической категории единичности в языке

И.И. Мещанинов, стоявший у истоков создания теории понятийных категорий (ПК) в языке, выделял следующие критерии понятийных категорий: «Всякое понятие, существующее в сознании человека, может быть передано средствами языка. Оно может быть выражено описательно, может быть передано семантикой отдельного слова, может в своей языковой передаче образовывать систему. В последнем случае выступает ПК. Она передается не через язык, а в самом языке, не только его средствами, а в самой материальной части» [Мещанинов 1945 : 15].

---

¹ Гречко В.А. Теория языкознания. – М.: Высшая школа, 2003. – С. 171-172.

При сохранении общего понятийного смысла понятийная категория может представлять собой ряд более частных понятий или континуумный их комплекс. Таким образом, есть необходимость дифференциации разных аспектов семантического содержания определенной категории и исследование их связей.

Сложность исследования ПК заключается в том, что понятийные категории находятся на высокой ступени абстрагирования по уровню языковой актуализации, они актуализируются опосредованно, через иные формально фиксированные категории.

Н.А. Кобрин отмечает, что первичность и основообразующая роль понятийных категорий дает исследователям выход в ряд сфер и аспектов лингвистики: «Изучение понятийных категорий имеет несомненный выход в теорию номинации и законы деривации, в типологию, в разработку уровней соотношения единиц языка» [Кобрин 1989 : 42].

Понятийные категории рассматриваются как семантическая основа интеграции и функционального взаимодействия различных средств их выражения, образующих в языке особое рода единства, в частности, функционально-семантические поля (ФСП).

Таким образом, принимая за основу методологии исследования принцип понятийных категорий, уточним языковой статус объекта нашего исследования.

Полевой подход, используемый в настоящем исследовании, как отмечают языковеды, позволяет объединить системные и функциональные описания языковых явлений. Преимущество такого подхода отмечает Г.С. Щур: «Система – отражение функционального принципа группировки элементов» [Щур 2007 : 206]. ФСП - парадигматическое объединение, где отражен инвариантный принцип группировки элементов.

Понятие функциональной языковой единицы (выполнение языковой единицей определенной семантической функции) является базовым в теории поля.

Попытки объединить разные уровни языка проводились Ф. Брюно, Л.В. Щербой, О. Есперсенем, И.И. Мещаниновым, положившими начало разработке учения о понятийных категориях.

На функциональные аспекты грамматики указывали К.С. Аксаков, И.А. Бодуэн де Куртэнэ, А.М. Пешковский, А.А. Потебня, А.А. Шахматов, Л.П. Якубинский, представители Пражского лингвистического кружка.

Концепция И.И. Мещанинова о понятийных категориях в современной лингвистике получила развитие у А.В. Бондарко, В.В. Акуленко, С.А. Швачко, Е.И. Букреевой и др.

Суть концепции понятийной категории состоит в том, что идя от языковых форм, классов и подклассов, изофункциональности форм и других признаков, лингвист может осмысливать языковые факты в определенной систематизированной совокупности, выявляя их понятийную основу.

Таким образом, понятийная категория образует в своем языковом воплощении определенную систему.

Критерием выделения функционально-семантической категории (ФСК) единичности, как и любой ФСК, является общность семантических функций взаимодействующих языковых элементов (наличие семантического инварианта).

Итак, результатом языковой интерпретации ПК являются языковые семантические функции, в своем единстве образующие ФСК.

ПК представляет собой уровень обобщенных языковых значений, а ФСК – единство, имеющее семантическую природу.

Следуя принципам теории понятийных категорий, мы принимаем, что языковые семантические функции реализуются не только на основе значений лексических единиц, потенциала грамматических форм и других параметрах собственно языковой системы, но, в первую очередь, на основе системы категориальных значений.

Как отмечает А.В. Бондарко, категориальные значения – это «источник, откуда говорящий берет определенные значения, соотнесенные с

определенными формальными средствами их выражения, и их комбинации и выражает с их помощью различные смыслы» [Бондарко 1978 : 84].

В связи с этим, отправной точкой исследования собственно ФСК единичности мы считаем определение категориально-семантического значения единичности, чему и будет посвящен следующий раздел монографии.

2.2. Категориально-семантическое значение единичности как модель категории единичности в языке

Понятийные категории имеют логико-философскую природу, обозначают экстралингвистическую данность. В языке они представлены в семантических категориях, образующих ФСП различных типов.

Поскольку языковые единицы рассматриваются как двусторонние, состоящие из материальной оболочки и значения, то, как отмечает В.В. Морковкин, правомерно систематизировать языковые единицы либо опираясь на внешнюю сторону (например, по алфавиту), либо исходя из их внутренней, содержательной стороны [Морковкин 1976 : 182].

Такое методологическое разделение при изучении семантического аспекта языковых единиц имеет давние традиции. Так, внешнего структурирования языковых единиц придерживаются О.С.Ахманова, В.В. Виноградов, А.И. Смирницкий, Л.Д. Чеснокова, Д.Н. Шмелев и др.

Теория поля как метод структурирования языковых единиц по внутреннему, содержательному критерию разрабатывается и применяется такими исследователями как Г.С. Щур, А.А. Уфимцева, В.В. Акуленко, С.А. Швачко, Е.И. Букреева и др.

Зарубежные исследователи подчеркивают перспективность полевого изучения языковых единиц. Так, С. Ульман отмечает, что наиболее благоприятной для полевого исследования является область интеллекта, т.к. «сомнительно, чтобы в других областях понятия разграничивались так же

четко» [Ullman 1959 : 169]. Подчеркивается, что метод поля вряд ли применим для описания языковых единиц, представляющих собой непосредственное отражение реалий, предметов материальной культуры, т.к. эта область покрывается методом «слова и вещи».

Системный подход изучения языковых категорий включает в себя понятийный, системно-языковой и функциональный аспекты. Данной логики мы и придерживаемся в нашем исследовании.

Установление семантических категорий базируется на выделении содержательных инвариантов, или «семантических констант» [ТФГ 1987 : 12; Бондарко 2001: 7-8]. Следовательно, в первую очередь для раскрытия семантической структуры категории единичности необходимо охарактеризовать семантический инвариант данной категории.

2.2.1. Анализ лексем *один/one* и их форм для выявления категориально-семантического значения ФСК единичности

Некоторые лингвисты (В.В.Акуленко, Е.И. Букреева, М.М.Копыленко, И.Г. Кошечкина и др.) говорят о том, что лексема *один* (и ее аналог в английском языке лексема *one*) занимают особое место в языковой системе и представляют особый интерес в плане функционирования. Это дает нам право сформулировать следующую гипотезу, которая явилась исходной для нашего исследования.

Наша гипотеза состоит в том, что ядерным, наиболее эксплицитным компонентом ФСП единичности в исследуемых языках являются лексема *один* в русском языке и соотносительная лексема *one* в английском языке.

Мы предполагаем, что эти лексемы соответствуют критериям доминантности элемента ФСП [Петровская 1989 : 67]: 1) семантическому (максимальная концентрация специфических признаков, участие в максимальном числе оппозиций); 2) универсальности функции (максимальная функциональная нагрузка); 3) частотности употребления.

Данное предположение основывается на принципах внутренней организации ФСП в языке, где ядро поля наиболее однозначно выражает соответствующее категориальное значение, а языковые единицы, отмеченные дополнительными (семантическими и стилистическими) характеристиками, не относятся к ядерной зоне поля, причем чем больше таких добавочных характеристик, тем дальше расположена языковая единица от ядра поля [Минина 1973 : 36]. Следует сделать оговорку, что «заглавное» слово поля определяется обычно не членами этого поля (иначе были бы получены тавтологические единицы), а терминами другого, более высокого порядка.

Таким образом, именование поля как поля единичности соотносится с логико-философским понятием единичности, которое было рассмотрено в теоретической главе, и находится на более высокой ступени абстракции, чем сами конституэнты поля. Прилагательное *единичный*, омонимичное заглавному слову поля и входящее в его состав, и соотносимые с ним прилагательные *single* и *solitary* в английском языке представляют собой конкретные речевые воплощения данной категории, то есть относятся к другой степени языковой абстракции и не могут быть сравнены с заглавным словом ФСП, так как представляют явления иного порядка.

Лексемы *один* и *one*, являясь нумеративами естественного языка, способны эксплицитно и однозначно передавать значение абстрактной единичности.

Итак, значение математической, абстрактной единичности актуализируют нумеративы *один* и *one* как термины математики, при этом в парадигматике реализуя значение «указание на место единицы в натуральном ряду в его противопоставлении 0 и 2». В синтагматике при этом отсутствует какая-либо сочетаемость, кроме логической, т.е. кроме допустимых сочетаний с нумеративами и специальными математическими терминами.

К одному прибавить три.

Twenty one minus fourteen makes seven.

Однако функции лексем *один* и *оде* не ограничиваются выражением абстрактной единичности.

Данная точка зрения обусловлена разнообразием значений, выражаемых данными лексемами в языковой системе, что подтверждается анализом как парадигматических, так и синтагматических связей данных лексем.

По определению Г.А.Золотовой, функция – это «способ участия любого элемента, предопределенный его категориально-семантическим значением и формой в построении коммуникации» [Золотова 1999 : 15].

Установив категориально-семантические значения лексемы *один* и ее форм (*одна/одно*) и лексемы *оде* как ядерных компонентов ФСП единичности в сопоставляемых языках, мы сможем описать категориально-семантическое значение единичности как соответствующей языковой категории.

Как известно, на смысловую структуру слова, помимо его системных связей, влияют также характерные семы исходной формы-этимона, на основе которых и образуются различные смысловые дериваты.

Восточно-славянское *один* восходит к общеславянскому *единъ* (*едъ+инъ*), где *едъ-* усилительная частица (*только, именно*), а *инъ* значит “один”. Как видим, уже в исходной форме слова заложена сема ‘выделенность’.

Лексема *оде* происходит от индоевропейской основы **oi-nos*, к которой также восходят слова *unique, unit, unity* и др. с семами ‘выделенность’ и ‘обособленность’.

Лексема *один* толкуется в словарях через следующие лексемы, которые приводятся в порядке их активности: *в одиночестве, отдельный, единственный, чрезвычайный, определенный, первый, одинаковый, тот же самый, единый, неделимый, целостный, некий*.

Принимая утверждение, что чем ближе к толкуемому слову находится элемент толкования, тем более он связан со значением этого слова [Полевые структуры в системе языка 1989: 40], обнаруживаем, что в толкованиях

лексемы *один* в вышеуказанных словарях таким элементом является слово *отдельный*.

Аналогичным образом, рассматривая толкования лексемы *one*, обнаруживаем следующие лексемы, посредством которых осуществляется толкование: *single, only, the number one, individual, unique, the only, united, specified, certain, indefinite, identical, the same, equal*.

Наиболее близкими элементами толкования лексемы *one* в рассмотренных словарях выступает лексема *single* (*одинокий, одиночный и одиначный*) с коннотативным компонентом отчужденности, одиночества и ее стилистически более нейтральный синоним *individual* (*одиночный*).

Таким образом, за основную, категориально-лексическую сему лексем *один* и *one* мы принимаем 'отдельность'.

Отдельность, ограничение одних объектов от других, дискретизация действительности является необходимой как для исчисления объектов, так и собственно для их восприятия, определения их индивидуальных свойств, характеристик в противопоставлении с другими объектами. Отдельность также связана с понятием особенного, что определяет наличие категориально-лексической семы 'выделенность', которая выражается такими элементами толкования лексем *один* и *one* как *первый, чрезвычайный, определенный* в русском языке и *specified, certain, the number one* в английском языке.

Исследуя категорию количественности, Т.В. Игошина отмечает: «Понятие "один" зародилось гораздо раньше по времени не как начало счетного ряда, а как автономность, выделенность одного предмета из ряда подобных, отделенность одного предмета от другого, одного человека от другого и от окружающего мира...» [Игошина : 2004].

Такие элементы толкования лексем *один* и *one* как *единый, неделимый, целостный* в русском языке и *united* в английском языке репрезентуют наличие категориально-лексической семы 'единство'.

Элементы толкования данных лексем *определенный, некий* в русском языке и *specified, certain, indefinite* в английском языке обуславливают наличие категориально-лексической семы 'определенность' / 'неопределенность'.

Элементы толкования *одинаковый, тот же самый* в русском языке и *identical, the same* в английском языке актуализуют процедуру установления тождества, что, так же как и указание на место единицы в натуральном ряду (элементы толкования *первый* в русском языке и *the number one* в английском языке) и установление точного количества (элементы толкования *единственный* в русском языке и *unique, the only* в английском языке), относится к процедуре квантификации и позволяет характеризовать данный компонент значения рассматриваемых лексем как категориально-лексическую сему 'квантитативность'.

Изучение парадигматических связей лексем *один* и *оде* выявило общность их базовых категориально-семантических характеристик в сопоставляемых языках, что подтверждает тезис об универсальном характере категорий, имеющих онтологическую обусловленность [Акуленко 1990: 42].

По определению А.М. Пешковского, категория представляет собой ряд форм, объединенных со стороны значения [Пешковский 1956]. Таким образом, за критерий выделения языковой категории мы принимаем общность семантической функции языковых элементов, которые, взаимодействуя на различных уровнях языковой системы, образуют ФСП соответствующей категории.

Отражение универсально-понятийного аспекта категории единичности в языке, по нашей гипотезе, составляют выделенные категориально-семантические значения лексемы *один* и ее форм (*одна/одно*) и лексемы *оде* как ядерных составляющих ФСП единичности в сопоставляемых языках.

Данные категориально-семантические значения соотносятся с универсальными логико-семантическими категориями.

Понятия отдельности, выделенности и единства принадлежит категории предметности, которая понимается как отдельность, индивидуальность существования, наличие четко очерченных границ объекта, т.е. резкое отличие одного предмета от другого.

Категориально-лексическая сема 'определенность/ неопределенность' коррелирует с логико-семантической категорией определенности / неопределенности.

Категориально-лексическая сема 'квантитативность' соотносится с категорией количества.

Соотнесение категориально-лексических сем лексем *один* и *оде*, представляющих, по нашей гипотезе, ядерные компоненты ФСП единичности в рассматриваемых языках, позволяет представить категориально-семантическое значение единичности как результат семантизации логико-мыслительного понятия единичности.

Определение модели производится на основе логико-семантической функции элементов, которые определяются на базе дефиниционных характеристик ядерных для поля единичности лексем *один* и *оде*.

Таким образом, анализ позволяет сформулировать категориально-семантическое значение единичности (см. схему 3).

Схема 3

Категориально-семантическое значение единичности

Данная структура представляет собой, на наш взгляд, синоптическую схему, своеобразную модель, следование которой определяет актуализацию функционально-семантической категории единичности в языке.

Представление функционально-семантической категории в виде определенной модели понятийной основы согласуется, в частности, с представлением А.В. Бондарко об аспектах интерпретации ПК в языке: «Интерпретация ФСК на мыслительно-языковом уровне, в отличие от мыслительно-речевого, предполагает обозначение существующих в данном языке и в сознании его носителей способов, типов, моделей преобразования понятийных категорий в языковые семантические функции [разрядка наша], т.е. свойственных данному языку (его системе и норме) потенциальных возможностей передачи определенной понятийной категории теми или иными способами» [Бондарко 1978 : 84].

Итак, в качестве содержательных компонентов категории единичности мы выделяем логико-семантические категории предметности, количественности, определенности / неопределенности.

2.2.2. Квантитативные смыслы единичности

Семантика категории единичности дает нам основание выделить в структуре ФСП единичности систему квантитативных смыслов, соотносящихся с категориально-семантическими компонентами функционально-семантической категории единичности в языке.

Квантитативные смыслы как семантические модификации категории единичности образуют, по нашему представлению, следующую иерархическую структуру. Категориально-семантический компонент определенности / неопределенности обуславливает разделение первого порядка на квантитативные смыслы определенной и неопределенной¹

---

¹ Сами термины используются вслед за М.М. Копыленко.

единичности. Квантитативные смыслы определенной единичности подразделяются на нумеральную единичность (соотносится с категориально-семантическим компонентом количества), выделенную единичность (соотносится с категориально-семантическим компонентом предметности как выделенности объекта из общей массы) и подчеркнутую (соотносится с количественной определенностью выделенного объекта), что образует разделение второго порядка.

Представим систему семантических отношений внутри категории единичности схематически:

Схема 4

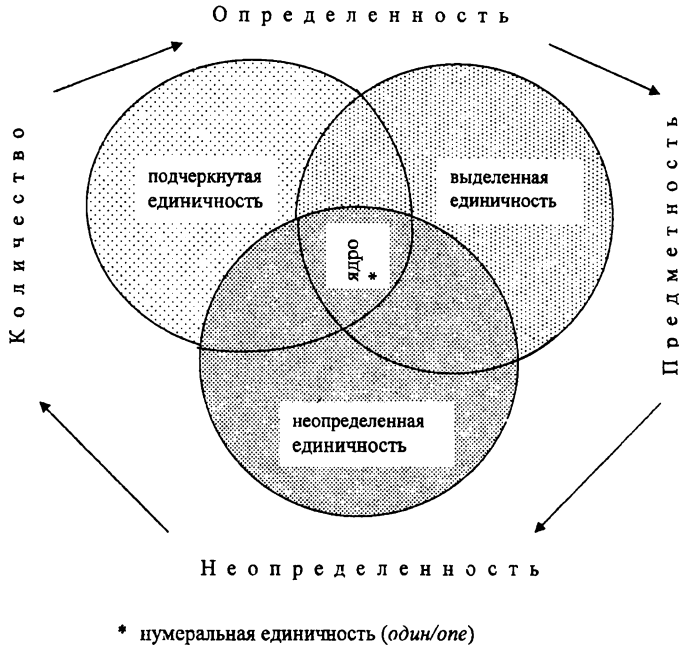
Семантические модификации категории единичности

Наложив систему семантических модификаций внутри категории единичности на определяющие ее состав как функционально-семантической категории компоненты, можно представить ФСК единичности в виде понятийного поля (см. схему 5 на с. 75).

Понятийное поле – это система понятий, организованных вокруг центрального понятия. В области понятий лингвистика пересекается с логикой.

Структура ФСП единичности в понятийном аспекте
как система квантитативных смыслов
в соотнесении с категориально-семантическими
признаками единичности.

← предельность

беспредельность →

В целях дальнейшего исследования ФСК единичности считаем необходимым обозначить системно-языковой статус логико-семантических категорий предметности и определенности/неопределенности.

Для этого необходимо выделить инвентарь языковых средств, используемых для отображения данных категорий (а также категории

количественности), который, следуя нашей гипотезе, и будет представлять собой средства формализации категории единичности в языке.

При этом мы считаем целесообразным рассматривать выражение данных категорий не изолированно, а в их взаимосвязи, т.к. они объединены на основе общей семантической функции, и именно своим комплексом отображают онтологическое понятие единичности в языке, на что обращают внимание языковеды, называя основным дифференциальным признаком выявления ПК – системность средств ее выражения [Гухман 1985 : 9].

2.3. Логико-семантические категории предметности, количественности, определенности/ неопределенности как средства формализации категории единичности в языке

Из трех выделенных нами содержательных компонентов категориально-семантического значения единичности в данном разделе мы не рассматриваем категорию количественности, так как она была описана нами выше (см. раздел 1.1.3).

Подчеркнем лишь, что категория количественности в языке является концептуальным аналогом количества, понимаемого как онтологическая сущность, свойство объектов внешней действительности. Количественность в языковом преломлении представляет собой результат отражения в сознании людей количественных параметров окружающей действительности.

2.3.1. Языковой статус лингвистических категорий предметности и определенности / неопределенности в русском и английском языках

Категория предметности – одна из основных категорий языкового

членения мира, она базируется на прочных онтологических и гносеологических основаниях.

Онтологическая категория предмет представляет собой идею целостности объекта, наличия у него некоторой стандартной формы, стабильных материальных границ. В понятийном плане предметность предстает как момент статичности, стабильности в отличие от динамики действия, процессуальности, выражаемой глаголом. Этот момент стабильности очень важен для языковой системы в целом: семантически относительно стабильные объекты играют важную роль на различных уровнях языка.

Предметность как лингвистическая категория содержит сему 'дискретность' и сему 'целостность, единство объекта'.

Оппозиция сем 'дискретность' / 'недискретность' в языке соотносится с понятийными категориями прерывности и непрерывности, которые, как и такие ПК как движение, покой, единое и множественное, конечное и бесконечное являются средством постижения противоположных универсальных сторон, аспектов чувственной действительности [Прерывное и непрерывное 1983 : 161].

Дискретная величина определяется как «единая величина, определенностью которой есть “одно” и которое есть граница в единице» [Прерывное и непрерывное 1983: 164]. Таким образом, единица как основополагающий компонент онтологической категории количества и количественности как языковой категории, в то же время отражает категориальный признак предметности.

Дискретность как понятийная категория существует во взаимосвязи с континуальностью. Нет абсолютно изолированных объектов, лишенных каких-либо связей.

Дискретное выражает относительное постоянство бытия (устойчивость, покой, отсюда – статический аспект семантики), непрерывное – его изменчивость, переходы.

Сема 'целостность' репрезентует идею того, что объект в языковом отражении воспринимается как целое, а не совокупность частей.

Такой объект обладает качествами целостных систем – внутренние элементы объекта связаны прочной функциональной связью. Примеры целостной системы: *лошадь, тигр, кактус, an oak, a table, a ladder* и т.п. Элементы целостной системы воспринимаются как ее специфические части.

Суммативные, собирательные единства типа *куча, гора, a forest, a sea* в противоположность цельным в языковом представлении объектам воспринимаются как некоторое множество однородных или даже неоднородных самостоятельных элементов. Части таких объединений остаются в представлении человека самостоятельными, и суммативные единства имеют очень подвижные границы величины, в рамках которых они сохраняют свое качество. Так, *гора / a mountain* может быть высотой как 400 метров, так и 8 тысяч метров, *куча / a pile* – от *кучи бумаг / a pile of papers* на столе до *кучи песка / a pile of sand* и т.д.

Таким образом, главным основанием восприятия суммативных единств как целостных являются не столько стабильные пространственные границы, сколько их некоторые внешние признаки, форма [Кузьмин 1966 : 5].

Системный характер предметности как языковой категории обуславливает то, что универсальным свойством языков признается выражение противопоставления объекта и процесса: «каждый язык проводит его [противопоставление] как противопоставление имени и глагола в рамках своей собственной системы, ибо каждый раз можно с уверенностью сказать, является ли данное нечто в данном языке именем или глаголом, а следовательно, объектом или процессом» [Степанов, Эдельман 1976 : 235]. Однако в семантической системе языка доминирующей стороной является дискретное [Руденко 1990 : 16].

В концепции У. Куайна лингвистическая важность имен целостных материальных объектов, то есть предметов, обосновывается тем, что они

наиболее тесно связаны с познавательными процедурами индивидуализации и исчисления объектов [Quine 1973 : 86-88].

А.М. Пешковский говорил о категории предметности в языке как о «категории сущительности» [Пешковский 1956: 62], что отражает традицию рассмотрения частей речи в отечественном языкознании как служащих обозначению разных сущностей предметного мира. Близкое понимание мы находим у Е.С.Кубряковой, В.В.Виноградова.

Итак, общекатегориальным значением имени сущительного как части речи признается предметность, что обуславливается семантической природой имени, которое ориентировано на выделение тех или иных дискретных единиц в континууме действительности и «обладает отчетливо выраженной денотативной ориентацией» [Руденко 1990: 26].

Сущительное наиболее ориентировано на выражение количественных смыслов, которые предполагают возможность исчисляемости, то есть отдельного материального представления неких сущностей, что и является основой семантики предметности.

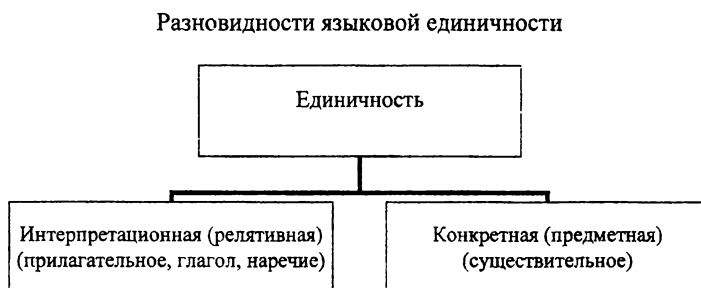
Из сказанного следует, что смысл вычленения класса сущительных в особый тип номинативных знаков состоит в том, что любое выражаемое сущительным понятие можно представить в виде независимой самостоятельной сущности. Употребление сущительного в качестве имени объекта является показателем того, что объект включается в ономаσιологический класс предметов.

При переходе мыслительных категорий в языковые признаки отдельности и пространственной выделимости, осознаваемые в качестве главных признаков предмета действительности, заменяются признаками более отвлеченного характера, что позволяет представить любое понятие как опредмеченное [Кривченко 1988: 8].

Таким образом, номинативная специфика сущительных определяет их в качестве выразителей категории предметности на частеречном уровне.

Имена существительные как часть речи обладают способностью непосредственно выражать категорию количества в языке, что обусловлено онтологическим статусом их денотатов. Таким образом, именно имена существительные могут передавать конкретную единичность в противоположность другим основным частям речи. На этом базируется представление о разновидностях языковой единичности (см. схему 6).

Схема 6

Завершая анализ категории единичности, следует отметить, что типовые значения, описанные Г.А. Золотовой при анализе «сопряжения» таких категорий как предмет и его качество; субъект и его состояние, позволяют сделать вывод об исключительной значимости самих исходных категорий типа предмет, состояние и др. для построения языковых единиц [Золотова 1973].

Перейдем к анализу категории определенности/неопределенности. Категория определенности/неопределенности до недавнего времени подвергалась анализу в основном в связи с изучением артиклей и не являлась объектом специального исследования в языках, не имеющих артиклей, в частности, в русском языке. Эта категория не рассматривается ни в грамматиках Академии наук, ни в учебных пособиях по русскому языку для школы и вуза.

Однако отсутствие специализированного формального грамматического показателя (артикла) для выражения функции определенности / неопределенности не означает того, что данная категория не представлена в языке. Изучение вопроса о наличии данной категории в современном русском языке рядом исследователей (А.В. Бондарко, О.Г. Ревзиной, Т.М. Николаевой, В.В. Ивановой, Е.В. Падучевой, И.И. Ревзиным и др.) дает положительный ответ на данный вопрос. При этом обозначаются разноуровневые средства выражения категории определенности/неопределенности, подчеркивая ее метаязыковой и имплицитный характер в русском языке.

В лингвистическом энциклопедическом словаре данная категория определяется как одна из категорий семантики высказывания [ЛЭС 1990: 349]. Данной категории присущи функции актуализации и детерминизации имени, демонстрации его единственности в описываемой ситуации (определенность), либо выражения его отношения к классу подобных ему феноменов (неопределенность) [ЛЭС 1990 : 349].

Л.В. Щерба отмечал, что в русском языке выделяются аспекты имени существительного, отвечающие главнейшим функциям артиклей в артиклевых языках: «Когда я говорю философ, то это может значить “какой-нибудь философ” (*хотелось бы напечатать статью и философа...*), или “всякий философ”...(*с этим поспорит философ*) или “данный философ” (*философ подошел к собеседнику...*)» [Щерба 1974 : 278].

По мнению У. Чейфа, категория определенности/неопределенности стоит в одном ряду с некоторыми другими категориями, которые «относятся скорее к способу передачи содержания, чем к самому содержанию...в частности, все они связаны с тем, как говорящий оценивает способность слушающего понять то, что говорится, на основании определенного контекста» [Чейф 1982 : 278].

Суть оппозиции определенность/неопределенность состоит в том, что, выражая значение определенности, отправитель сообщения

предполагает (или делает вид, что предполагает), что адресат речи способен идентифицировать референт данного языкового выражения с некоторым референтом, который благодаря предшествующему тексту, ситуации общения или общему фонду знаний уже имеется в его сознании.

Значение неопределенности, напротив, показывает, что отправитель не рассчитывает на подобную идентификацию и информирует адресата лишь о том, к какому классу относится обозначаемый объект [Чейф 1982 : 276].

В артиклевом английском языке категория определенности / неопределенности является эмплитной грамматической. Основным показателем данной категории является артикль. В артиклевых языках наиболее распространена троичная система “определенный артикль – неопределенный артикль – нулевой артикль”. Вследствие этого, при разработке частных теорий определенности на том или ином языковом материале основное внимание уделялось именно артиклю, а также установлению характера связи, существующей между категорией определенности-неопределенности и системой артиклей данного языка, и той роли, которую играют эти категории в функционировании конкретной языковой системы в целом.

В настоящее время в сферу категории определенности / неопределенности включаются не только формальные показатели – артикли, но и языковые единицы, характеризующиеся как “коммуникативные”: местоимения, прилагательные, описательные конструкции, особого типа придаточные предложения, просодические средства.

Таким образом, определенность / неопределенность – это функционально-семантическая категория, ориентированная на выражение субъективных намерений участников коммуникации и опирающаяся на субъективное восприятие коммуникантами факторов и событий окружающей действительности. Данный тип категории характеризуется совокупностью разноуровневых языковых средств для выражения названной семантики.

Есть ли в русском языке функциональные языковые единицы,

выполняющие семантическую функцию выражения категории определенности/неопределенности, аналогичную функции артикля в английском языке?

Понятие определенности / неопределенности очень важно для языковой логики. На неопределенность в русском указывают неопределенные местоимения (*какой-то, некий, некоторый*), на определенность – указательные местоимения (*этот, тот, такой*) и уточняющие слова (*данный, упомянутый, указанный*). Они несут дополнительную лексическую нагрузку и не являются специализированным грамматическим формальным средством для выражения отношения существительных к классу подобных.

Роль, сходную с ролью неопределенного артикля в английском языке, может играть лексема *один* и ее формы *одна, одно* в определенных контекстах, когда они утрачивают количественное значение: *Встретил я на днях одного человека.*

В русском языке противопоставление значений определенности и неопределенности также находит формальное выражение, однако эти средства разрозненны, они не концентрированы в единую систему с однородными компонентами, какими являются в английском языке формы артикля; поэтому применительно к русскому языку нельзя говорить о морфологической категории определенности/ неопределенности.

Основной семантической оппозицией категории определенности/ неопределенности признается противопоставление единичности и неединичности [Шмелев 1992]. Это определяет ее связь с категорией количественности, для которой количественная оппозиция единичность/ множественность является первичной.

Следовательно, в естественном языке для выражения этих двух семантических категорий, и, в частности, значения единичности, иногда служат одни и те же формальные средства, разграничение которых осуществляется в конкретной ситуации или в контексте.

2.3.2. Формализация категорий предметности, количественности, определенности/ неопределенности на морфо-семантическом уровне

Вслед за Б.Ю.Городецким [Городецкий 1969 : 45] мы принимаем, что в плане содержания языковых единиц имеются два основных уровня: морфо-семантический и лексико-семантический (на первом единицами являются значения морфем, на втором – значения слов). Из единиц этих двух уровней с помощью семантических отношений строится план содержания любого речевого отрезка.

Достаточно ли выделение двух этих уровней для исследования реализации значения категории единичности в предложении? Общеизвестно, что «семантический анализ начинается с морфемы и кончается связной речью» [Nida 1962:58]. Однако переход к плану содержания «связной речи» осуществляется с помощью семантических отношений между единицами данных двух семантических уровней.

Рассмотрение плана содержания формальных единиц, меньших, чем морфема, представляется возможным как изучение звукового символизма, однако мы считаем, что эта область должна стать предметом специального исследования с применением особых методик, поэтому в настоящем исследовании уровень языковых единиц меньше морфем мы не рассматриваем.

Морфемная семантика является первоосновой для лексической семантики, но последняя развивается в соответствии со своими собственными законами при большой консервативности морфемной семантики.

В соответствии с инвариантными морфо-семантическими элементами имеются лексические единицы, связанные особыми лексико-семантическими

корреляциями. Такое соотношение объясняет неограниченные возможности языковой семантики в организации информации о мире.

При распознавании речевых отрезков происходит определение плана содержания одновременно на двух уровнях: морфо-семантическом и лексико-семантическом, причем распознавание на первом, более детальном уровне, опережает распознавание на втором.

Важность выделения морфо-семантического уровня для исследований, проводимых в коммуникативном ракурсе, определяется в частности тем, что часто выбор синонимичных слов определяется именно их различием на морфо-семантическом уровне.

Еще один довод в пользу большой роли морфо-семантического уровня – факт словотворчества, образования неологизмов. План содержания новых слов строится в значительной степени на основе уже существующих в языке морфем и отношений между ними.

1. Предметность на морфологическом уровне выражается суффиксами разнообразных предметных значений. Предметно-характеризующая словообразовательная семантика в различных словообразовательных типах существительных реализуется по-разному [РГ-1980], однако их можно условно сгруппировать по семантическому содержанию: названия лиц и нелиц.

В русском языке названия лиц образуются с помощью суффиксов – *ик/ник* (*школьник, умник*); *-щик/-чик* (*барабанищик, газетчик*); *-ец* (*думец, делец*); *-ист* (*тракторист, моторист*); *-ант* (*музыкант, оркестрант*); *-ор* (*киоскер, режиссер*); *-арь* (*пекарь, аптекарь*); *-ач* (*бородач, силач*); *-'ак* (*бедн'ак, рыбац*); *-тель* (*мечтатель, читатель*) и др. [СРЯ 2003].

В названиях нелиц употребляются суффиксы: 1) со значением вместилища: *-ник* (*чайник*); *-ница(а)* – *салатница*; 2) со значением места: *-н'(а)* – *колокольня*; 3) со значением орудия: *-л(о)* – *пугало, кадило*; 4) разнообразные предметные значения : *-к(а)* (*шоколадка, циска*), при этом

семантически существительное может быть эквивалентно словосочетанию :
овсяная крупа – овсянка.

В английском языке суффиксы как показатели предметности не так употребительны, как в русском языке. Названия лиц образуются с помощью суффиксов *-ster* (*songster*); *-wright* (*playwright*); *-an* (*pagan*); *-ian* (*librarian*); *-ain* (*chieftain*); *-en* (*warden*); *-ant* (*assistant*); *-ent* (*agent*); *-ar* (*vicar*); *-or* (*author*); *-ier* (*collier*); *-eer* (*engineer*); *-er* (*usher*); *-ee* (*employee*) [A Comprehensive Grammar of the English Language by R.Quirk, S. Greenbaum Longman 1985].

Названия неодушевленных предметов образуются с помощью суффиксов *-ary* (*glossary, dictionary*); *-ing* (*pening, farming*).

Значение предметности, повторяющееся в семантических дефинициях однотипных по своей структуре производных, может рассматриваться как лежащее в основе единых формул мотивации, действенных в пределах определенных словообразовательных моделей.

В русском языке сема единичности представлена как материально выраженными морфемами (для существительных среднего рода *-о, -е, -мя* как в *окно, море, зная*; для существительных женского рода *-а, -я* как в *река, стая*), так и нулевыми морфемами как в *город, дом, дверь, стол, сарай, ручей* и т.д.

Сема единичности, представленная нулевой морфемой, противопоставлена маркированному члену оппозиции – формам множественного числа, которое выражается формально.

Таким образом, в плане содержания перечисленные морфемы, выражающие одну и ту же сему единичности, аналогичны, они отличаются планом выражения.

Значение единичности также выражено в морфемах падежных словоформ, куда они входят вместе с семами падежа и рода, например, в оппозиции *столом – столами* в морфеме *-ом* выражены семы единичности, предметности, падежа, рода; в морфеме *-ами* выражены семы

множественности, предметности, падежа. Следует подчеркнуть, что в русском языке эти грамматические категории не могут быть выражены по отдельности, они являются связными сочетаниями граммем, при этом сами граммемы определяются как «инвариантные пучки грамматических значений существительных в языке и речи, соотносимые с более или менее варьирующимися компонентами плана выражения» [Хаймович 1968 : 28].

В отличие от русского языка, значение единичности в английском языке представлено нулевой морфемой и артиклем *a (an)*: *a table, a basket, an apple*. Множественное число образуется с помощью морфемы *-s* и ее разновидности *-es*, однако и здесь возможны случаи образования множественного числа другими способами: чередованием гласных в корне (*foot-feet*); флексиями *-ae (formula-formulae)*; *-a (datum-data)* и др.

В русском языке ряд существительных, имеющих значение единичности, производится от основ вещественных существительных с помощью суффиксов *-ин(а)* (*горошина, виноградина*) и *-инк(а)* (*снежинка, соломинка*); во втором случае значение единичности совмещается со значением уменьшительности.

В английском языке нет суффиксов, функционирующих в качестве актуализаторов категории единичности, эту роль выполняют различные партитиваторы, например, в следующих словосочетаниях: *a grain of sand* (*песчинка*), *a blade of grass* (*травинка*), *a flake of snow* (*снежинка*) и т.д.

Префиксы со значением единичности *моно -, уни-* в русском и *моно-, uni-* в английском языках являются заимствованными из латинского и имеют научный характер, поэтому иногда требуют пояснения в неспециализированных контекстах употребления :

Любой может не только на велосипеде, но и на уницикле (одноколесном велосипеде) научиться ездить, было бы желание (Запись LiveJournal с комментариями 2004).

Monoplane is a name for an airplane with only one pair of wings (Stamford L. FlyPast).

2. Морфологическим средством формализации категории определенности/ неопределенности в русском языке признается **оппозиция винительного и родительного падежей**.

Различие между формами винительного и родительного падежа может заключаться в том, что первый указывает на определенный предмет, а второй – на предмет неопределенный: *жду поезд Петербург – Москва* (определенный, прибывающий в такое-то время по расписанию) – *жду поезда* (одного из поездов), *просить денег* (сколько дадут) - *просить деньги* (определённую, известную сумму). Родительный падеж употребляется при значении неопределённости зависимого существительного: *ждать указаний, ждать результата, ждать ответа* [Граудина 2004].

Чаще конкретные существительные при глаголе *ждать* и других подобных употребляются в форме винительного падежа, а существительные отвлеченные – в форме родительного падежа: *жду почту, жду свою сестру – жду случая, жду решения вопроса*. В винительном падеже выступают существительные со значением лица: *ждать сестру, искать учительницу*.

Падеж существительного определяется не только способностью глагола подчинять себе форму как родительного, так и винительного падежа, но также детерминируется и значением определённости или неопределённости предмета, называемого управляемым существительным.

Таким образом, понятие определенности/неопределенности передается в русском языке на морфологическом уровне специальной формой глагола, относящегося к рассматриваемому существительному, то есть образующего с ним синтагму.

3. В английском языке категория определенности /неопределенности выражается детерминативной синтагмой, образованной существительным и артиклем (определенным либо неопределенным).

Следует отметить, что проблема языкового статуса артикля – одна из

самых сложных и дискуссионных в английской грамматике. Существуют две точки зрения: 1) артикль – это слово (возможно, отдельная часть речи) и сочетание “артикль + существительное” является фразой; 2) артикль – это составной элемент в системе существительного, и, таким образом, это разновидность морфемы. В этом случае сочетание “артикль + существительное” является морфологическим образованием.

Ученые Р. Квирк, С. Гринбаум [Quirk, Greenbaum 1985] и профессор М.Я. Блох [Blokh 2000] сходятся во мнении, что артикли оформляют имена существительные, поэтому рассматривать их нужно в тесной связи. Семантическим назначением артикля является указание референции существительного, определение его наиболее общим образом.

Мы придерживаемся мнения, что конструкция артикля со своими сегментными свойствами занимает положение между свободным синтаксическим сочетанием слов и сочетанием грамматического аффикса с основой существительного в морфологическом составе неделимого слова; это определяющая единица особого рода.

Так как основное формальное назначение артикля в английском языке – функция морфологического показателя имени, мы рассматриваем артикль как средство выражения категории определенности / неопределенности на морфологическом уровне.

В коммуникативной грамматике Дж. Лича и Я. Сварвика [A Communicative Grammar of English 1975] употребление артиклей связывается с вопросом о референции имен существительных, при этом выделяются три типа референции: родовая (generic), конкретная (specific), и единичная (unique). Референция понимается здесь как отношение имени к объекту независимо от характера (конкретного или абстрактного) объекта.

При родовой референции возможно употребление как определенного, так и неопределенного артиклей или их отсутствие.

А.И. Смирницкий [Смирницкий 1957] называет такую референцию классифицирующим значением артикля, то есть наличием указания на

предмет, но не выделение его из множества. При этом он отмечает, что степень конкретизации предмета может быть различной, что четко прослеживается на примере вторичной номинации того же предмета в последующем контексте.

Так, одно и то же существительное *a book* в предложении *Bob wants a book* в зависимости от намерений говорящего может обозначать какую-то конкретную книгу или любую книгу. В первом случае при вторичной номинации используется местоимение *it*, во втором – *any*:

Bob wants a book. Its title has escaped me.

Bob wants a book. Any will do.

Конкретная референция предполагает предварительное знакомство коммуникантов с именуемым предметом – он либо упоминался ранее, либо составляет часть общечеловеческого опыта. Средством выражения этого вида референции является определенный артикль.

Единичная референция свойственна именам собственным, обычно не употребляемым с артиклями. Нехарактерность употребления с артиклями имен собственных объясняется семантикой этих существительных: имя собственное принадлежит индивиду, отдельному конкретному объекту, и никак не соотносено с понятиями группового, совокупного множества, скорее, противостоит им.

Значение имен собственных могут приобретать и нарицательные существительные при употреблении с определенным артиклем, что создает сему индивидуализированной идентификации: *the Channel* – Ла-Манш, *the River* – Темза.

При неопределенной референции с исчисляемыми существительными в единственном числе употребляется неопределенный артикль, а с неисчисляемыми существительными и исчисляемыми во множественном числе – нулевой артикль, либо, по другому определению, значащее отсутствие артикля [Рейман 1988 : 10].

Неопределенный артикль часто переводится на русский язык такими словами как *один из, один, некий, какой-либо, неизвестный* и т.д.

I had come down from London looking for a job (Devonald R. Basil Rocke: *artist and teacher*). / Я приехал из Лондона в поисках *какой-нибудь работы*.

In a minute and a half the French detective was joined on the opposite pavement by a man in plain clothes (Mackenzie D. *The truth of stone*). / Через минуту сыщик стоял на другой стороне площади и к нему присоединился *неизвестный человек в штатском*.

Понятие расчлененности, передаваемое семой дискретности, находит эксплицитное выражение в неопределенном артикле, имеющем осознаваемую носителями языка связь с числительным *one*.

Генетически неопределенный артикль *a* происходит от лексемы *one* в функции неопределенного местоимения, что объясняет возможность их взаимозаменяемости в определенных контекстах:

I heard of one/a case when a 12-year-old boy was sent to prison (Wiat P. *The child bride*).

One/a passenger said he had been waiting for 10 hours (*The Economist* // *London: The Economist Newspaper Ltd, 1993*).

Комбинация существительного с неопределенным артиклем создает обобщенные наименования единиц, классифицируемых на основе признаков количества (*a song*), однократности (*a slam, a look*), меры (*a fraction*), несущественности точной количественной оценки варианта (*a dividend*), обобщенной оценки (*a routine*), общей характеристики отдельных параметров вещи (*a sound, a smile, a feeling, a child*) и др.

Неопределенный артикль служит подчеркиванию признака отдельности в семантике существительного, следствием чего является его отсутствие при существительных в форме множественного числа.

Употребление неопределенного артикля в силу элемента отдельности и дискретности в его семантике сообщает этот смысл и сочетанию артикля с существительным в целом:

*Jo was offered a lemonade or a Muscat or a portvein, but she said quickly :
–No, no! I need a vodka (Williams N. The Wimbledon poisoner).*

Здесь названия веществ (жидкостей) сопровождаются неопределенным артиклем, что является обозначением некой дискретной единицы объема.

Признаку отдельности обычно сопутствует признак дискретности. Но он может нивелироваться, тогда отдельность может быть представлена как целостная совокупность:

Not a drop could he draw from it for a full five minutes (Anderson J. R. L. Death in the City).

The thought of a possible five shillings spent unnecessarily spurred her to action (Kelly C. The forest of the night).

Таким образом, артикли в английском языке эксплицитно выражают как категорию определенности/неопределенности, так и количественные характеристики референтов, т.е. категорию количественности.

Итак, мы описали формальные средства выражения категорий предметности, количественности, определенности / неопределенности на морфологическом уровне; перейдем к рассмотрению собственно семантической наполненности этих материальных элементов языковой системы, которая, вместе с формальной стороной морфемных показателей, и составляет единый морфо-семантический комплекс.

4. Для описания семантики морфологического уровня введем понятие семантической единицы. Семантическая единица – это такой сегмент информации, который связан с определенной формальной единицей и является элементом плана содержания языковой структуры [Городецкий 1969:136]. Семантические единицы являются средством членения информации в языке.

Сегменты информации, естественно, варьируются по объему информации и степени ее обобщенности. Соотношение этих факторов определяется видом семантической единицы, который, в свою очередь,

детерминируется связью с той или иной формальной единицей – морфемой или словом.

Выделим семантические единицы морфем, выражающих категории предметности, количественности, определенности / неопределенности.

В первую очередь, это семантическая единица, которую можно обозначить как ‘связь с соответствующей понятийной сферой’; далее, семантические единицы ‘связь с предметной областью’, ‘отдельность (обособленность)’, ‘дискретность (возможность исчисляемости)’, ‘цельность (объект является не суммой частей, а неразрывным единством)’.

Проведем сопоставление роли морфо-семантического уровня в формализации категорий предметности, количественности, определенности / неопределенности в русском и английском языках.

В русском языке в сравнении с английским языком обнаруживается большая функциональная нагруженность морфо-семантического уровня для выражения значений предметности, количественности, определенности/ неопределенности. В ряде случаев в русском языке при комбинации определенных морфем с основой слова (преимущественно суффиксальных морфем), слово по семантическому объему становится эквивалентно словосочетанию, что говорит о повышенной самостоятельности морфо-семантического уровня в русском языке.

В русском языке велика роль падежных словоформ, которые актуализируют значения как количественности, так и определенности/ неопределенности.

В английском языке существует особая форма морфологического показателя имени – неопределенный артикль *a* и его форма (*an*). Неопределенный артикль имеет у носителей языка осознаваемую связь с числительным *one* (*один*), то есть показателем количественности, а также репрезентует неопределенность.

Следует подчеркнуть, что нулевые морфемы, использующиеся для

выражения количественности как в русском, так и в английском языках, не означают «отсутствие информации»: они семантически самостоятельны только в рамках оппозиции единственность / множественность, которая на уровне предложения обозначается как эксплицитным противопоставлением имен с морфемными показателями единственности и множественности, так и другими средствами (контекст, пресуппозиция и т.д.).

2.3.3. Формализация категорий предметности, количественности, определенности/неопределенности на лексико-семантическом уровне

План содержания слова как языковой единицы имеет два уровня. С одной стороны, он образован морфемами. Этому факту соответствует та часть плана содержания слова, которая состоит из морфо-семантических единиц и отношений между ними. С другой стороны, план содержания языка располагает семантическими единицами, которые соотносятся со словом как с цельным образованием. Эти единицы определяют вторую, лексико-семантическую часть плана содержания слова.

Заметим, что, говоря о лексико-семантической единице (о значении слова), мы понимаем слово как совокупность словоформ. Значения же словоформ одного и того же слова различаются на морфо-семантическом уровне.

1. Далее обозначим, что производные слова с корневым элементом, обладающим семантикой количественности (а именно единичности), мы рассматриваем **на лексико-семантическом уровне**, т.к. считаем, что они актуализируют такой тип семантических отношений и объединяются в такого рода группировки, которые определяются именно лексической семантикой слов как цельных образований. Морфемы в данном случае являются оформителями категориальной принадлежности обозначаемых сущностей, что подробнее будет рассмотрено ниже в терминах ономаσιологического базиса и ономаσιологического признака.

Одна из важнейших особенностей лексико-семантического уровня – его ориентированность на синтагматику. Характер границ, размеров и взаимоотношений лексико-семантических комплексов принципиально иной, чем аналогичных морфо-семантических образований. Границы лексико-семантических комплексов более подвижны, одни комплексы могут входить в другие, комплексы могут быть многоэлементными. Значение слова является менее связанным, чем значения морфем, и этим объясняется большее разнообразие семантических связей и отношений на лексико-семантическом уровне.

Переходя к рассмотрению реализации комплекса категориальных значений предметности, количественности, определенности и неопределенности на лексико-семантическом уровне, следует отметить следующие особенности единиц этого языкового уровня. С одной стороны, лексемы непосредственно направлены на выражение различных онтологических понятий, они являются базовыми единицами сферы языковых знаков, которые непосредственно обнаруживают номинативную деятельность. С другой стороны, на синхронном уровне языка чисто лексическое значение предмета, по-видимому, существует в качестве своего рода архисемы, способной порождать прежде всего понятийные (например, отражаемые в идеографических словарях), но не формально-языковые группировки лексем [Руденко 1990 : 64].

Лексическое значение отражает действительность более непосредственно, конкретно, целостно, менее схематично, чем значение на морфологическом уровне и других языковых уровнях.

Лексическим и грамматическим значением количества обладают, конечно, числительные. В противоположность существительным, прилагательным, глаголам и наречиям, числительное осознается как таковое не потому, что ему свойственно особое грамматическое значение «числительности», о котором мы узнаем благодаря его морфологическим и синтаксическим свойствам, являющимся внешним показателем этого

грамматического значения, но потому, что оно имеет своим лексическим значением число, количество [Стеблин-Каменский 1974 : 19-34]. Числительное - это всегда слово, которое обозначает число.

Итак, соотносительные числительные *один* и *оно* обладают ярко выраженным лексическим значением единичности. Эти лексемы представляют числительные в узком смысле, выделяемые как лексико-грамматическая группировка, на основании определенного лексического значения в сочетании с некоторыми морфологическими и синтаксическими особенностями. Однако наряду с “собственно числительными” грамматистами также выделяются и числительные в широком смысле, т.е. слова с лексическим значением числа. Это слова типа *тройка (лошадей)*, *десятка (червей)*, *пятерня*, *twins*, *a double* и т.д.

Система лексических единиц образует семантическое поле. Денотатом семантического поля единичности является все, что можно сосчитать, и что при этом представлено в одном экземпляре.

Центральное место в системе отражения категории предметности на лексическом уровне занимают имена свободно исчисляемых предметов, то есть конкретные имена типа *стол*, *стул*, *a room*, *a door* и т.д. Так, в языках с развитой морфологической категорией числа, к которым относится исследуемая нами пара языков, полным набором формальных показателей предметности (единственным и множественным числом) обладают главным образом имена онтологических предметов.

Центром именной единичности в языке являются также предметные имена широкой семантики – *предмет*, *вещь*, *штука*, *член*, *элемент*, *отдел*, *объект*, *единица*, *тело*, *носитель*, *экспонат*, *экземпляр* и т.д. в русском и *thing*, *item*, *article*, *object*, *body* и другие в английском. Данные лексемы являются отчасти десемантизированными, то есть, по сути, являются семантически “пустыми”, не воспринимаются как самостоятельные полнозначные слова в предложении. Так как их основным лексическим содержанием является предметность, семантическая “пустота” индиви-

дуальной семантики слов этого разряда часто требует контекстуального указания на материал, из которого сделан предмет, указания на определенные его свойства:

*Максимович резонно возразил: **предмет из батиста**, увы, не мистика, а улика (Давыдов Ю. Синие тюльпаны).*

*Эта **вещь из чистого золота**, видно по тяжести (Булгаков М. Мастер и Маргарита).*

*Will you please identify **this bronze item** found at a depth of 4in? (She. London: The National Magazine Company Ltd, 1989).*

Индивидуальная семантика слов данного разряда может также уточняться путем указания на функциональную направленность вещи:

*Единственный **предмет туалета**, в котором я мог действительно пощеголять (Харитонов М. Игра с собой // "Знамя", 2004)*

*It was **some kind of a medical thing**; he'd seen the bracelets before, and this was just another variation (Gallagher S. Rain).*

Нередки случаи коннотативно характеризованных употреблений предметных имен широкой семантики, когда говорящий выражает субъективное отношение к объекту:

*Есть у меня такая **удивительная штука** - красный череп (Домбровский Ю. Обезьяна приходит за своим черепом).*

*Already his stomach heaved at the prospect of swallowing and digesting **the hateful thing** (Highsmith D. Frankie).*

На базе устойчивой сочетаемости имен этого разряда с определенными понятиями образуются устойчивые сочетания:

В конце концов, решил я, его победа на море только еще раз доказывает, что я правильно выбрал себе предмет обожания (Фазиль Искандер. Мой кумир).

*It would be **an article of faith** with him to believe that (Barnes, J. History of the world in 10½ Chapters).*

Предметные имена широкой семантики могут выполнять в предложении функцию указательных слов, что демонстрирует связь с категорией определенности:

Он даже притих и попросил, чтобы самому нести сумку со шторой, прижимал ту сумку к груди и нет-нет да залазил в сумку рукою, пальцами щупал красивую вещь (Виктор Астафьев. Затеся // "Новый Мир", №2, 1999).

*We met in Bologna and while discussing the painting I informed him that the original had turned up at Wildenstein's in New York, and had recently been sold to a New York private collector and that **an article of mine was in proof**, publishing the New York picture as the original* (The Art Newspaper. London: Umberto Allemandi & Company, 1992).

Реализуя значение определенного количества (единичность какого-либо объекта), в речи они противопоставляются множеству, неопределенному количеству:

Среди этих масс – какой-то черный предмет (Обручев В. Земля Санникова).

*A death by gunshot is **only one item** on many programmes of a Friday night* (Lyall G. Conduct of Major Maxim).

Предметные имена широкой семантики выполняют также функцию счетных слов при указании на предметы, что отражает непосредственную связь категориальных компонентов предметности и количественности в семантике единичности:

На улице в палатке продают, открывалки эти. Двадцать копеек штука (Горин Г. Чем открывается пиво?).

*His paintings are also found in museums in Australia and New Zealand, though one show in New York failed to sell **a single item** because, at the time, his work was considered too English* (Northern Echo. Arts material, 1999. – №2).

*That is, the retailer can decide how much profit he wants to make **on an item*** (Leach H. Retailing: a manual for students).

Выступая в функции счетных слов, предметные имена широкой семантики могут служить дискретизаторами денотатов неисчисляемых имен:

Тут они уже договаривались до полной хрипоты, а мы отправляли их записи в архив и писали: «Фонд хранения такой-то, единица хранения такая-то» (Юрий Домбровский. Хранитель древностей, часть 2 (1964)).

«Наша главная цель - не только сделать наказание реальным, - пояснил председатель Народной партии Геннадий Райков, - но и внести в него элемент воспитания, обратить разрушение в созидание, а нравственный упадок - в подъём» (Андрей Гусев. Проституток накажут метлой // "Аргументы и факты", 2003.06.11).

The first the Movement knew of Beno's trouble was when a sharp-eyed refugee worker spotted a news item in the Evening Standard (Turner B. And the policeman smiled).

Firstly, the surveyor receives from his client a 'brief'; which will usually represent a fundamental item of communication between client and surveyor; the partner or manager responsible will then communicate his understanding of that brief to the surveyor who will then progress the instruction (Construction refurbishment & design. London: Estates Gazette Ltd, 1986).

Soon afterwards every valuable item or service; by definition in short supply in Romania was available at a price calculated in packets or cartons of Kent (Almond M. The rise and fall of Nicolae and Elena Caeusescu).

Доминантное значение предметности в смысловой структуре таких слов позволяет "опредмечивать" даже абстрактные понятия:

Культурное – это очень тонкая вещь (Беседа с Д. Арбениной // "Школа злословия", канал "Культура" 2003.12.08).

Youth is a wonderful thing (Bow J. Jane's journey).

Итак, предметные слова широкой семантики на лексическом уровне выражают идеи предметности и определенного количества (в функции счетных слов).

Наряду с именами существительными, выделим группу прилагательных, имеющих номинативное значение единичности (т.е. отражающими количественный аспект в своей семантике). Это прилагательные типа *единичный, единственный, уникальный, одинокий, изолированный, отдельный, целостный, единый, single, only, unique, united, lonely, isolated, integral*.

Прилагательные с номинативным значением единичности либо происходят от лексем со значением единичности (лексемы *один* в русском языке и лексемы *one* в английском языке), то есть являются их смысловыми дериватами, обладают значением «без других, в одиночестве» и отражают ряд коннотативных значений (пейоративных или мелиоративных), либо обладают смысловым компонентом целостности, отдельности, определенности границ, что составляет языковое отражение категории предметности.

На синтагматическом уровне семантика этих прилагательных диктует необходимость форм единственного числа определяемых слов или слов, опосредованно связанных с этими прилагательными:

Вечером накануне я осмотрел свой единственный костюм (Окуджава Б. Искусство кройки и житья).

Василиса устала в свой единственный глаз в Павла Алексеевича (Улицкая Л. Путешествие в седьмую сторону света).

Домработница Нюра занимала отдельное помещение (Трифонов Ю. Предварительные итоги).

Gordon is the only person I know who actually enjoys going to the dentist (Murdoch I. The message to the planet).

Sarah hated the lonely days in the empty house (Dah, R. Matilda).

Мы придерживаемся точки зрения, что глаголы и наречия обладают не номинативным, а синтаксическим значением количественности, и, таким образом, не отражают понятия единичности или множественности в своем лексическом значении.

Местоимения как субституты существительных, по нашему мнению, обладают номинативным значением количественности, т.к. отражают реально существующее различие денотатов, а не воспроизводят числовую характеристику существительного. То, что местоимение – группировка, перекрывающаяся с существительными, прилагательными и наречиями – не подлежит сомнению. Об этом ясно свидетельствует даже общепринятая терминология, согласно которой местоимения делятся на «местоименные существительные», «местоименные прилагательные» и «местоименные наречия» или «существительные-местоимения» и т.д. Характерно, что Л.В. Щерба не выделяет местоимения в особую часть речи, а растворяет его в существительном и прилагательном [Щерба 1958: 5].

Личные местоимения *я, ты, он, они, I, he, they* обладают общей семей 'лицо', хотя в некоторых специфических контекстах могут иметь референтную отнесенность к животным, неодушевленным предметам и т.д.

На единичность референта указывают личные местоимения *я, он, она* в русском языке и *I, he, she* в английском языке.

Объекты, являющиеся референтами ряда неопределенных местоимений, также являются единичными, а значение неопределенности создается в силу того, что данный объект входит в множество объектов того же класса, но он по какой-то причине не выделен из этого множества, так как не идентифицирован с каким-то одним определенным объектом этого множества.

Не наказывал ли брат кому-нибудь что-нибудь передать на случай ареста? (Домбровский Ю. Хранитель древностей).

Длилась песня всего-то минуты две, но струны многое успевали сказать — многое, а всё ж не всё, жаль было, что кончилось, больные молча слушали, Печенегин заканчивал, кто-нибудь просил: ещё (Слаповский А. Гибель гитариста).

There was somebody at the door (Binchy M. Circle of friends).

Таким образом, в разряде неопределенных местоимений семантика единичности сочетается с семантикой неопределенности, при этом категория неопределенности является членом бинарной оппозиции в рамках категории определенности/неопределенности.

2. Следуя ономаσιологическому направлению исследования, т.е., идя от плана содержания к плану выражения языковых единиц, мы считаем, что описание средств выражения категории количества на данном уровне анализа было бы неполным без рассмотрения устойчивых выражений, которые обладают либо полностью, либо частично переносным значением, т.е. фразеологических единиц (ФЕ).

Языковой статус фразеологизмов является дискуссионным вопросом в современной лингвистике. Трудности определения ФЕ и их отграничения от других языковых единиц не преодолены до сих пор.

Вслед за А.И. Молотковым [Молотков 1978], в целях нашего исследования мы акцентируем целостность значения фразеологизма, десемантизацию компонентов ФЕ и наличие у данных языковых единиц конкретного лексического значения. Поэтому мы рассматриваем фразеологизмы в рамках актуализации выражения категории количества, а именно единичности, на лексико-семантическом уровне.

Основной особенностью фразеологизмов, по мнению В.В. Виноградова, является то, что в ФЕ реализуются не только формальные связи между планом выражения и планом содержания языкового знака, но и ассоциативно-семантические [Виноградов 1986 : 243].

Фразема – это устойчивое выражение, как правило, образного характера, обобщенно-целостное значение которого не сводится к сумме значений составляющих его слов [Алефиренко, Золотых 2008 : 5].

Фразеологизм имеет свои категориальные признаки: если для знаменательных частей речи важны категориальные значения предметности, действия, состояния или признака, что обеспечивает их номинативную

функцию, то в случае с ФЕ ослабление этой функции происходит за счет усиления эмоциональной и образно-экспрессивной.

Итак, выделим группы фразем в русском и английском языках, которые обладают лексико-семантическим значением единичности.

Стержневые компоненты, ФЕ, выражающие единичность, семантически могут быть подразделены на следующие основные группы:

1) Части тела человека, которые характеризуются представленностью в единственном экземпляре: *пуп земли, один как перст, the apple of your eye*.

2) представители животного мира, обычно ведущие не стадный, обособленный образ жизни или животное как нетипичный представитель своего вида:

Одинокый волк, как медведь в берлоге, белая ворона, horse of a different color, the black sheep (of the family);

*My father was **the black sheep** - he ran away at 16 to become an actor and his parents never forgave him (Houston J. In search of happiness);*

*The typical role for Bogart was the Casablanca character, **a lone wolf**, cynical but heroic (Mackenzie, D. The truth of stone).*

3) один элемент, составная часть чего-либо:

*в чужих руках **ломоть** велик; a morsel always looks big in other people's hands; a cog in the machine / wheel.*

Основным лексическим компонентом данных фразеологических единиц (ФЕ) являются, как правило, предметные имена, выражающие исчисляемые объекты, представленные в единственном экземпляре и выделяемые по какому-либо признаку. При этом эмоционально-экспрессивный компонент фраземы может быть направлен как на выражение единичности как таковой, в противоположность множественности объектов (подчеркнутая единичность), так и на выделение единичного объекта из

какого-либо множества объектов того же класса по какому-либо уникальному признаку (выделенная единичность). В ряде случаев эти смысловые компоненты комбинируются, что позволяет отнести ряд фразем к смешанной разновидности подчеркнутая + выделенная единичность.

Выражение смысла подчеркнутой единичности ограничено довольно немногочисленной группой фразем, в состав которых входит наиболее эксплицитное средство выражения единичности в сопоставляемых языках: числительные один и one:

***одна** ласточка весны не делает*

***в один** голос*

***в одной** лодке*

***в одной** упряжке*

***все как один** (человек)*

***как одна** копейка (копеечка)*

***на один** покрой*

***на одно** лицо*

***на одну** колодку сделаны*

***один** в поле не воин*

***один** как порох в глазу*

***один** конец*

***одним махом** семерых убивахом*

***Один** гусь поля не вытопчет*

***И одна** корова, да жрать здорова*

***В одну** ночь зима становится*

One-off

One-shot

One-stop

One-track

One-to-one

As one man

One-man band

One-trick pony

One of the kind

One swallow doesn't make summer

One chick keeps a hen busy

Better one-eyed than stone-blind

If one sheep leaps over the ditch, all the rest will follow

Также ФЕ, выражающие подчеркнутую единичность, строятся вокруг лексем с доминирующей семой 'единичность'. Стержневым компонентом данного типа фразеологизмов являются типизированные единичные представители какого-либо класса объектов без каких-либо особых отличительных характеристик:

Без копейки рубля нет

Ино от комара да в две руки не отмашешься

бирюком жить

капля в море

на шаг

A lone seep is in danger of a wolf

A bad bush is better than an open field

A small spark makes a great fire

Единичность может выражаться эксплицитно с помощью прилагательного *одинокий* и его форм в русском языке и прилагательных *lonely*, *single* в английском языке, слов-партитивов и слов широкой предметной семантики в двух языках:

Одинокое дерево ветер легче валит

Одинокий не одолеет толпы, слабый не одолеет сильного

A lone seep is in danger of a wolf

to plough a lone furrow

as lonely as sin

Типично противопоставление одного объекта двум объектам того же класса:

Один и дома горюет, а двое и в поле воюют

*You cannot kill **two** birds with **one** stone*

один объект противопоставляется множеству объектов того же класса:

*Один глаз, да зорок, не надобно **сорок***

Две головы лучше, чем одна -

*Один и камень не поднимешь, а **миром** и город передвинешь*

*Один улей-улей, а **пять** – пасека*

*Kill **one** to warn a **hundred***

*Two **heads** are better than **one***

*One father is more than a **hundred** schoolmasters*

В русском языке в сочетании с числительным *один* и его формами во ФЕ со значением единичности могут употребляются существительные с суффиксами уменьшительности, что подчеркивает незначительность единичного объекта:

*Один **ручеек** моря не замутит*

*Одна **шелковинка**-не нить, одно **дерево**-не лес*

Однако подчеркнутая незначительность объекта может реализовывать и противоположное значение важности маленького объекта в составе какого-либо объекта или в осуществлении определенного процесса:

*Не**величка** **капля**, а камень долбит*

*Приложи **копейку** – так калач купишь*

*Just as **the twig** is bent, the tree is inclined*

Смысл выделенной единичности репрезентуется ФЕ, стержневым компонентом которых является единичный объект, выделенный из множества по какому-либо признаку. При этом образно-смысловые компоненты фразем и устойчивых выражений могут быть совершенно разнообразными: это может быть выделение по признаку нетипичности, “аномальности” объекта:

белая ворона

белый аран

black sheep

Выделение объекта по признаку его превосходства над другими объектами из множества за счет каких-либо особых характеристик:

большая шишка

жемчужное зерно (в навозной куче)

лакомый кусок (кусочек)

bigger fish to fry

cream of the crop

feather in one's cap

king of the castle

Объект может выделяться по признаку значимости, “знаковости” – в данном смысловом компоненте очень силен культурологический аспект, так как в разных культурах картина мира строится на основе различных символов:

корень зла

проходить красной нитью

зерно истины

звездь программы

Saigon moment

tipping point

cutting edge

light bulb moment

Выделенная единичность представлена многочисленными ФЕ с разнообразным символизмом, который основывается на этимологических образах:

белая кость

камень преткновения

краеугольный камень

глас вопиющего в пустыне
заблудшая овца (овечка)
звезда первой величины
звездный час
козел отпущения
колосс на глиняных ногах
лебединая песня
лошадиная сила
пальма первенства
персона грата
персона нон грата
пуп земли
путеводная звезда
синяя птица
яблоко раздора
августейшая персона
аленький цветочек
бич божий
блудный сын
богатенький Буратино
болевая точка
больное место
вечный город
великий немой
военная косточка
вольная птица
генератор идей
голова дубовая
голубая мечта
гордиев узел

жар-птица
журавль в небе
запретный плод
золотая рыбка
золотое руно
золотой век
золотая жила
ложка дегтя в бочке меда
луч света в темном царстве
отрезанный ломоть
первая ласточка
первый среди равных
перст божий
последний день Помпеи
последний их могикан
последний и решительный бой
последний из людей
придать изюминку
пробный шар
проглотить пилюлю
путеводная нить
редкая птица
сизифов камень
травленный волк
столичная штучка
стреляный воробей
тертый калач
теплое (тепленькое) местечко
троянский конь
укромный уголок

фиговый лист
филькина грамота
царское око
черная кость
черная страница
apple of one's eye
fly in the ointment
red letter day
thorn in your side
first out of the gate
diamond in the rough
arrow in the quiver
canary in a coal mine
cold fish
a lost ball in the high weeds
day in the sun
elephant in the room
nail in the coffin
silver bullet
nest egg
notch on one's belt
piece of cake
queen bee
the penny dropped
tip of the iceberg
white elephant
cuckoo in the nest
a cloud on the horizon

Выделение достигается такими языковыми средствами как прилагательные, причастия, порядковые числительные.

Смысл подчеркнутой + выделенной единичности создается в том случае, когда из какого-либо множества выделяется единичный объект на основе каких-либо характеристик, присущих данному объекту.

Один битый двух небитых стоит

лучше всех смеется тот, кто смеется последним

один битый двух небитых стоит

одна паршивая овца все стадо портит

лучше синица в руках, чем журавель в небе

одно дитя, как семя цветка, а пятеро - как семена терновника

одно нынче лучше двух завтра

капля, переполнившая чашу

последний день Помпеи

первый среди равных

последний и решительный бой

one bad apple spoils the barrel

one, but that one a lion

stitch in time saves nine

an ounce of prevention is worth a pound of cure

an apple a day keeps the doctor away

bird in the hand is worth two in the bush

One drop of poison infects the whole tun of wine

Комбинированный смысл подчеркнутой + выделенной единичности реализуется также в ФЕ, указывающих на уникальность, единственность объекта в какой-либо ситуации: *козырный туз, шапка Мономаха, козел отпущения, священная корова, queen bee, king of the castle*.

Наряду с ФЕ с эксплицитным выражением единичности, в ряде случаев единичность имплицитно выражается ситуацией или контекстом:

Я не считаю, что это было гвоздем программы, там были гораздо более сильные вещи. (А. Ковалева, Т. Миткова: «Мы в прямом эфире штурм

не показывали»/ Миткова. Скандал с сурдопереводом (2002) // «Известия», 2002.11.14)

Однако бывают случаи, когда муж не уместается ни в какие законы и рамки, когда он сам не знает, чего хочет, и всю жизнь — как алхимик философский камень — стремится найти **Женщину своей мечты**, что-то среднее между Джокондой и Брижит Бардо. (В. Шахиджанян. 1001 вопрос про это).

Чехов дает яркую картину «свадьбы», заставляющей участников и гостей на краткий срок забыть свою тяжелую долю, и рядом изображает местного мирового судью, ощущающего радостное и своеобразное удивление, когда среди переполняющих сахалинскую жизнь побегов, разбоев и убийств ему приходится встретиться, как с **редким оазисом в пустыне**, с делом о простой, «совершенно простой краже (А. Ф. Кони. Воспоминания о Чехове).

I see a small cloud on the horizon of evangelicalism. That cloud is the widespread interest in recovering the Gospel of Jesus Christ. Donald S. Whitney A cloud on the horizon

You know, Mandy, I think you could find a bright spot in the middle of a black hole one shining summer (Q. Wilder. Richmond, Surrey).

Широко используется исторический контекст: *серый кардинал*, философский камень, *the Newton's apple* и контекст, связанный с христианской традицией: *нести свой крест, глас вопиющего в пустыне; demon weed, a fig leaf.*

Рассматриваемые ФЕ имеют различные оценочные характеристики, однако в исследованном материале в обоих языках преобладают фразеологизмы с отрицательной оценкой: единичность объекта рассматривается как количественная недостаточность и неполноценность объекта в силу этого.

ФЕ, выражающие единичность, характеризуются наличием субстантивного компонента, что еще раз обнаруживает предметность как

неотъемлемую характеристику феномена единичности. В ФЕ, выражающих единичность, широко используются слова - партитиваторы: *капля в море, изюминка сезона, a piece of cake, a drop in the bucket, a drop in the ocean*.

Вследствие своей функциональной направленности на выражение экспрессивных, оценочных, эмоциональных значений, главным компонентом фразем являются коннотативные семы. Поэтому смысл чистой нумеральной единичности на лексико-фразеологическом уровне не манифестируется: значение единичности во фраземах и устойчивых словосочетаниях осложнено множественными созначениями.

Образы, лежащие в основе фразем, могут различаться и манифестироваться различными языковыми средствами, однако они вызывают схожие ассоциации благодаря наличию у них общего свойства или явления.

Итак, проанализированный материал свидетельствует, с одной стороны, о возможности и достаточной профилированности манифестации категории единичности средствами фразеологии, но, с другой стороны, об ограниченности этой возможности через сужение количественных смыслов единичности, выраженных фраземами: невозможность выражения чистой нумеральной единичности.

3. Ономазиологические категории предметности, признака и т.д. элементарны в том смысле, что на выбранной глубине анализа они далее не разложимы на другие составные части и, следовательно, предельны. Иерархически им подчиненные ономазиологические словообразовательные категории уже не элементарны. Их реализуют производные единицы, ономазиологическая структура которых двучленна и состоит из двух компонентов – базиса и признака [Языковая номинация 1977 : 60].

Базисом производного является то, что фиксирует его принадлежность к классу предметов, признаков, действий или признаков признака, т.е., к наиболее общей из тех понятийных категорий, которые

выражаются данным словом. Так, базисом слова *добряк* является понятийная категория предмета как носителя определенного свойства.

Ономасиологическим признаком, который всегда имеет более конкретную сравнительно с базисом семантику, является переменная для каждой словообразовательной модели величина, способствующая уточнению или конкретизации базиса. Ономасиологический признак в слове *добряк* выражен основой прилагательного.

Ономасиологический признак фиксирует понятие, отношением с которым связан базис, а в структуре деривата функцию ономасиологического базиса обычно выполняет словообразовательный формант [Широкова 1968:136]. Изучение этих ономасиологических величин является важным для понимания сущности мотивации и выбора определенных средств при номинации.

Разные способы словообразования отличаются друг от друга своей ономасиологической направленностью: полученные единицы обладают разной ономасиологической структурой.

Производное слово, в отличие от простого слова, передает свое значение посредством указания на другое, уже имеющееся в языке наименование. Словообразовательная модель фиксирует место опорного компонента – ономасиологического базиса. Интерпретация деривата начинается с опознавания его ядра и восприятия прочих компонентов модели как его признаков.

Рассмотрим лексические поля слов, мотивирующим словом которых являются лексемы *один* и *оде* в значении количества, точнее – единичности. Лексическое поле представляет собой гнезда слов, производных от одного объединяющего слова.

Порядок рассмотрения слов данного лексического поля обусловлен ролью основ *один* и *оде* в семантической структуре производных.

В разнообразных суффиксальных производных производящие основы *одн-* и *оде-* выступают как ономасиологический признак, передающий

понятие единичности.

Представим гнезда суффиксальных производных от лексем *один* и *оде* в виде словообразовательных парадигм (см. таблицы 1 и 2 на с.116 и 117), которые, подобно морфологическим парадигмам, образующим словоформы спряжения и склонения, способствуют выявлению парадигматических отношений между словами, представляя собой совокупность производных от одного и того же слова [СРЯ 2003: 392].

Семантическая дефиниция производного слова не полна без указания на тип связи, который фиксирует производное слово относительно производящего, поэтому мы указываем также семантическое содержание связи мотивирующего слова и его производных.

Как свидетельствуют таблицы 1 и 2, флективный тип русского языка обуславливает большее разнообразие суффиксов, используемых для словопроизводства. В языках флективного строя кардинальные части речи характеризуются обязательным наличием в реализующих их структурах (особенно в их назывных формах) специальных морфологических признаков их принадлежности к определенному классу слов, тогда как для английского языка более характерно явление транспозиции. При транспозиции языковой знак, полностью сохраняя свое семантическое значение, может изменить грамматическое значение, приняв на себя функцию какой-нибудь лексической категории (существительного, глагола и т.д.), что мы видим на примере производного *only* (см. таблицу 2 на с. 117).

Сравнение гнезд производных слов от соотносительных лексем *один* и *оде* показывает сходство в наборе основных семантических связей.

В производных аффиксального типа один из самостоятельных элементов исходного мотивирующего суждения заменяется абстрактным связанным элементом – аффиксом, который выражает деривационное значение. Так, мотивирующим для производного *одиночник* является суждение «спортсмен, выступающий один, не в составе команды», понятие

Семантические связи суффиксальных производных лексемы *один* на базе значения единичности

часть речи производного	семантическое содержание связи	исходное существительное
		<i>один</i>
существительное	оценка (пейоративность)	<i>одинешенек</i> <i>одинехонек</i> <i>один-одинешенек</i> <i>один-одинехонек</i>
существительное	оценка(мелиоративность)	<i>один-единственный</i> <i>один-разъединственный</i>
существительное	Указание на лицо, характеризующееся признаком единичности (относительно к любому лицу); наименование помещения по количеству людей, для которых оно предназначено	<i>одинец</i> <i>одинокча</i>
существительное	Указание на лицо, характеризующееся признаком единичности (относительно к спортсмену)	<i>одинокник</i> <i>одинокница</i>
существительное	Указание на состояние лица, характеризующееся признаком единичности + оценка (пейоративность)	<i>одинокчество</i> <i>одинокость</i>
прилагательное	Указание на обладание признаком единичности	<i>одиноккий</i> <i>одинокный</i> <i>одинарный</i>
наречие	Указание на действие, характеризующееся единичностью производителя	<i>одинокко</i> <i>по-одинокче</i> <i>одинокчно</i>
наречие	Указание на действие, характеризующееся однократностью	<i>однажды</i> <i>одинокжды</i>

Таблица 2

Семантические связи суффиксальных производных лексемы *one* (на базе значения единичности)

часть речи производного	семантическое содержание связи	исходное существительное
		<i>one</i>
существительное	Указание на лицо, характеризующееся признаком единичности + оценочность (мелиоративность)	<i>oner</i>
существительное	Указание на состояние лица, характеризующееся признаком единичности	<i>oneness</i>
прилагательное	Указание на лицо, характеризующееся признаком единичности	<i>only</i>
наречие	Указание на действие, характеризующийся признаком единичности	<i>only</i>

единичности реализует ономаσιологический признак основы, суффикс *-ник* передает значение лица мужского пола.

В производном *oner* английский агентивный суффикс *-er*, обозначая принадлежность референта к классу живых существ мужского пола, является носителем ономаσιологического базиса.

Итак, производное слово является не только выразителем индивидуальной (лексической) семантики, но и представителем серии слов с аналогичной смысловой структурой.

Основы *одн-* и *оле-* чрезвычайно продуктивны при образовании сложных слов.

В русском языке сложные производные с квантитативным значением единичности образуются от основы *одн-* посредством интерфикса *-о-* и относятся к различным частям речи: существительным (*однобокость, однодневка, однолюб*), прилагательным (*однолетний, однамачтовый, одномоторный*), наречиям (*одноголосно, однословно, одноцветно*).

В английском языке сложные производные с квантитативным значением единичности образуются сложением основы *one-* с другими основами без интерфиксов, при этом производные также разнообразны. Они представлены существительными: *one-actor, one-upmanship, one-off, one-liner*; прилагательными: *one-piece, one-sided, one-way, one-star, one-stop, one-man, onefold* и т.п. Для английского языка характерна аналитическая номинация (несколькословные образования): *one-armed bandit, one-horse race, one-man band, one-way mirror* и т.д.

В сложениях именного типа (*однолюб, one-liner*) четко выражен признаковый характер первого компонента композита.

Сложное слово всегда указывает на наличие семантической связи между обозначенными сущностями, а о характере связи судят, опираясь на естественное знание логики вещей. Сложные слова – семантические структуры, служащие расчлененному описанию обозначаемого предмета, процесса или явления, они эксплицитно указывают на класс предметов и его признак по отдельности [Кубрякова 1981: 66]. В структуре лексикализованного производного значения принадлежат к числу имплицитных, в сложном слове – эксплицитных.

Единственным способом маркирования таких латентных предикатов является само построение словообразовательной модели. Так, в английском языке морфологическая структура, строящаяся путем сочетания основы прилагательного с основой существительного и суффиксом *-ed*, служит выражению отношений принадлежности и обладания сложным признаком; например, *one-storied building* – здесь здание характеризуется признаком наличия одного этажа.

В сложных словах типа *однолетний*, *one-star* представлено два равноценных ономасиологических признака, ономасиологический базис же фиксируется самой словообразовательной моделью и ее принадлежностью к определенному классу производных.

Рассмотрев лексические поля слов, мотивирующим словом которых являются лексемы *один* и *оде* в значении количества (единичности), можно отметить, что в соотносительных лексических полях двух языков наблюдается значительное сходство в наборе семантических связей, что объясняется семантической общностью мотивирующих основ.

Деривационное значение предметности в русском языке получают производные слова, образованные с помощью субстантивации, которая является разновидностью конверсии. Формально значение предметности выражается преобразованием парадигмы словоизменения производящего. Согласовательные флексии исходного слова преобразуются в независимые аффиксы существительного: «Окончания прилагательных, попадая в категорию предметности (разрядка наша), там функционально преобразуются. Они становятся окончаниями-суффиксами существительного, переставая быть знаками качества» [Виноградов 1986 : 164]. Так образуются субстантиваты типа *сладкое*, *первое*; *бобовые*, *цитрусовые*; *учительская*, *бильярдная*, *душевая* и т.д.

Таким образом, выражают ли субстантиваты единичность или множественность, представляется возможным определить по морфологическому показателю числа, а также по формам числового согласования субстантивата с глаголом, прилагательным и другими частями речи.

Ономасиологическая специфика конверсии состоит в том, что она выражает видение, восприятие, понимание обозначаемого в новом ракурсе, в новой категориальной проекции. Конверсия направлена на выражение самых общих – грамматических, категориальных, частеречных значений (например, категории предметности) теми основами, для которых

первично выражение процессуальности или признаковости. Смена морфологических показателей имеет глубокие семантические основы. Так, использовать глагол со всеми признаками процессуальности в качестве выразителя категории предметности можно, только лишив его этих свойств глагольности, или, по крайней мере, нейтрализовав те из них, которые противоречили бы его предметному восприятию [Языковая номинация: 1977 : 63].

В английском языке переход глагола *buy* / *покупать* и других в категорию предметности маркируется обязательным употреблением производного с артиклем как показателем принадлежности к классу существительных а *buy*/ *покупка* и приобретением всех функций существительного в предложении.

Следовательно, смена морфологических показателей и словоизменительной парадигмы является способом формального выражения категориальных значений кардинальных частей речи в русском языке, в рассматриваемом нами случае – категории предметности.

Ономасиологическим базисом субстантиватов является такой понятийный класс, как часть речи, а их ономасиологическим признаком – категориальный признак данной части речи.

Категория определенности / неопределенности на лексико-семантическом уровне в русском и английском языках, как было показано, выражается с помощью словосочетаний с указательными и неопределенными местоимениями, словами широкой предметной семантики.

Кроме того, в сопоставляемых языках имеется ряд слов с лексико-семантическим ядром “определенность” и “неопределенность”: *определенный, некоторый, конкретный, точный, известный, неизвестный, ясный, неясный; certain, particular, specific, definite, indefinite, unspecified, uncertain, clear, unclear.*

После этого случая посетители предпочитают обходить всемирно известный ресторан стороной (Ползущая месь // "Криминальная хроника",

2003.07.08).

Lambda is also variable, but of uncertain type (Moore P. Exploring the night sky with binoculars).

На лексическом уровне средства выражения категории количества непосредственно взаимодействуют со средствами выражения определенности / неопределенности. Эта взаимосвязь формализуется в словосочетаниях с количественными и порядковыми числительными:

Десять британских фильмов, снятых в последние два года, показали в Екатеринбурге, Нижнем Новгороде, Самаре, Ярославле и Санкт-Петербурге (Плюс-минус гамбургер // "Экран и сцена", 2004.05.06).

Поскольку **первая модель** не согласуется с наблюдениями ($p = 0, 01$), для последующего анализа была выбрана **вторая модель** (Куравский Л. С., Малых С. Б. Применение марковских моделей для анализа эволюции психологических характеристик в популяции // "Вопросы психологии", 2003.07.22).

There are seven missions in total and the first is in two parts (Articles from Practical PC. – London: HNL Publishing group, 1992).

Таким образом, лексико-семантический уровень формализации категорий предметности, количественности, определенности / неопределенности в русском и английском языках демонстрирует сходство моделей репрезентации данных понятийных категорий в сопоставляемых языках: обнаруживаются аналогии в мотивационных словообразовательных характеристиках, в характере и направленности семантических связей в лексических полях производных слов и синонимических рядов. Данный факт репрезентует универсальность как ментального представления данных категорий, так и их представления в языковом мышлении.

Различие в формализации рассматриваемых категорий наблюдается в их материальной реализации в языках: тяготению к флексивным

образованиям в русском языке и тенденции аналитического представления понятий, транспозиции в английском языке.

Слова, выражающие единичность на лексическом уровне (в своей лексической семантике), обозначают материально целостные объекты, определенные по количеству (представленные в одном экземпляре), что подтверждает наличие категориальных компонентов предметности и определенности в семантике единичности.

2.3.3. Формализация категорий предметности, количественности, определенности / неопределенности на лексико-грамматическом уровне

Как было показано в предыдущем разделе, категория единичности относится к семантическим категориям, получающим реализацию на уровне слова. Вместе с тем, она, безусловно, актуализируется и на уровне грамматической формы слова, так как языковая категория числа является обязательным компонентом реализации категории единичности.

Исследуемая категория относится к именным семантическим категориям. Выше было показано, что свое прототипическое выражение она получает в формах имени, главным образом – в формах имени существительного.

Итак, специализация в предметной функции объединяет разные в семантическом плане разряды существительных. Возможность их сочетаемости с морфемами, выражающими количественные значения, приводит нас к рассмотрению лексико-грамматических разрядов слов.

1. Лексико-грамматические разряды слов – это грамматически значимые группировки слов в рамках данной части речи, которым свойственен общий семантический признак, также они могут характеризоваться определенным морфемным показателем. Лексико-

грамматические разряды взаимодействуют с морфологическими категориями, связанными с ними семантически, и, в частности, могут определять соотносительность и несоотносительность компонентов данной категории [Бондарко 1976 : 157].

Если части речи отличаются по составу свойственных им морфологических категорий, то лексико-грамматические разряды внутри определенной части речи могут отличаться лишь отношением к компонентам определенной грамматической категории, к граммемам, которые выражаются на морфологическом уровне.

Актуальность рассмотрения категории единичности в ракурсе лексико-грамматических разрядов имен существительных высока. Е.В. Клобуковым подчеркивается: «Некоторые из именных семантических категорий, в том числе определяющих функционирование всех других категорий имени, традиционно вообще не включаются в число релевантных для функциональной грамматики явлений, хотя они объективно относятся к числу важнейших семантических категорий».

К числу таковых должна быть в первую очередь отнесена до сих пор не осмысленная в плане ФГ и поэтому даже не имеющая своего имени фундаментальная субстантивная категория, связанная с противопоставлением имен предметных (*дом, кот*), событийных (*закат, революция*), вещественных (*сахар, аспирин*), собирательных (*детвора, аппаратура*), отвлеченных (*перелёт, белизна*). Между тем категориальная природа данного противопоставления была очевидна уже для Л.В.Щербы [Клобуков 2002 : 48].

Актуальной задачей является проведение анализа соотношения имен существительных различных типов к морфологическим показателям числа как выразителя идеи количества на грамматическом уровне. Это позволит выявить семантические характеристики имен существительных различных типов по отношению к количественности, и, следовательно, семантические характеристики разрядов существительных по отношению к единичности.

Формирование понятия о числе происходит на основании идеи дискретности бытия [Кубрякова 1986 : 171]. Поскольку количество получается через присущую ему определенность “одно”, постольку оно дискретная величина [Прерывное и непрерывное 1983 : 165].

В целях соотнесения морфологических показателей и лексико-грамматических разрядов по структуре и семантике целесообразно проводить сопоставления двоякого рода: либо сопоставление морфологических показателей с оппозицией лексико-грамматических разрядов или их группировок, либо сопоставление показателя морфологической категории с отдельным разрядом или отдельной их группировкой [Бондарко 1976: 163]. Мы будем придерживаться первого из упомянутых подходов.

У существительных число отражает реально существующее различие денотатов, т.е. число существительных – категория с семантической доминантой отражательного типа [Брусенская 1986]. Оно не передает отношений между словами, т.е. не содержит синтаксический компонент значения.

Грамматической категории числа на уровне глубинной семантики соответствует понятийная категория плюральности [Брусенская 1986], здесь противопоставлены дискретность (расчлененность) как значение множественного числа и целостность (нерасчлененность) как значение единственного числа.

Поскольку “одно” есть определенность в дискретном, грамматическое значение множественности связано с количественной неопределенностью, а значение единичности – с количественной определенностью.

Отношение различных типов имен существительных к категории количественности (в целях нашего исследования, в первую очередь к единичности) отражает номинативные функции данных типов имен существительных, что позволяет рассмотреть проявления механизма номинации в рамках данной части речи в когнитивном ракурсе.

Как известно, номинация – комплексный речемыслительный процесс

[Кубрякова 1986 : 6], составляющими которого являются как логико-гносеологические, так и языковые основания. Мы считаем целесообразным рассматривать этот процесс с учетом двух вышеуказанных оснований в комплексе, единстве, как они сосуществуют в языковом преломлении.

Акт номинации как ономаσιологическое понятие направлен на «обозначение сущности, понятой как нечто единое» и фиксирует «пучок смыслов, соответствующих отражению единого (одного и отдельного) объекта» [Кубрякова 1986 : 4]. Таким образом, в определении акта номинации присутствуют основные сущностные атрибуты предметности – понятия единого, одного, отдельного, что позволяет заключить, что предметность реализуется в акте номинации.

Традиционным является разделение имен существительных на предметные (*concrete thing nouns*) типа *лимон, цыпленок, утюг, a lemon, a chicken, an iron* и непредметные, обозначающие феномены, не являющиеся физическими телами.

Такая классификация представляется нам слишком общей для целей нашего исследования, и мы считаем необходимым рассмотреть различные разряды имен существительных с точки зрения их способности выражать идею предметности.

Мы исходим из положения, что языковое выражение предметности как языковой категории предполагает экспликацию дискретности на лексико-грамматическом уровне.

Лексико-грамматические разряды охватывают лишь определенные группы лексики внутри части речи и могут быть чувствительными к различиям между лексическими значениями группировок слов и отдельных лексических единиц [СРЯ 2003]. В этой связи необходимо подчеркнуть, что разряды имен существительных выделяются нами по денотативной отнесенности, поэтому лексико-семантические варианты (ЛСВ) одного слова могут относиться к разным разрядам, т.к. имеют разную предметную

направленность, и соответственно находятся в различных корреляциях к семе дискретности.

Наиболее распространенными соотношениями ЛСВ, различающимися по денотативной отнесенности, на исследованном языковом материале были выявлены:

- 1) действие и его результат: *опрос учеников – социологические опросы; He came to rescue me – He made four rescues that day;*
- 2) качество и предмет, обладающий этим качеством: *емкость бака – обе емкости были заняты; white dress – a white of the egg*
- 3) вещество/ материал и изделие из этого материала / предмет из этого материала: *Нодо погрузить кирпич – клади кирпичи ровно; Bronze is an alloy – A fine collection of bronzes*
- 4) в английском языке: действие, процесс и субъект или объект действия: *This house does not fit for habitation. – There was not a single human habitation there.*

Начнем с рассмотрения имен собственных, которые часто трактуются как единичные. «Собственные имена существительные – это названия отдельных лиц, единичных предметов» [Русский язык 1989 : 54]. Данный класс слов составляют антропонимы, топонимы, собственные наименования.

Неисчисляемыми по экстралингвистическим основаниям являются референты топонимов типа *Европа, Южная Америка, English Channel, Japan* и существительных, обозначающих уникальные объекты, такие как астрономические тела: *Солнце, Земля, the Moon, Venus*; существительные, называющие понятия, традиционно персонифицирующие референты, представленные в единственном экземпляре типа *Бог, the Devil* и т.д.

Исследователи подчеркивают их сущностное отличие от общих имен и необходимость их рассмотрения в прагматическом аспекте [Katz 1977 : 2-3].

Основной функцией имен собственных, безусловно, является функция референции, обозначение одного конкретного объекта:

Из российских композиторов американский дирижер остановился на Д. Шостаковиче, потому что он один из его любимейших сочинителей (Гулина А. Знакомство с мировой музыкой // "Богатей" (Саратов), 2003.05.22).

For Mike Pill and his colleagues at Oxfordshire ambulance service if the video can save one life, it'll be worth it (Central News autocue data).

Однако в некоторых случаях имена собственные используются для обозначения нескольких или многих объектов одновременно и утрачивают свою наиболее важную функцию идентификации референтов, указания на единичность объекта:

В нашей группе несколько Александров (Горин Г. Остановите Потапова).

I know a few Anns (Rogers J. Her living image).

Собственные имена рассматриваются в качестве своего рода *singularia tantum* [Sorensen 1958 : 134-138], однако их плюрализация, в отличие от типичных *singularia tantum* – абстрактных и вещественных имен, не порождает сдвига в семантике. Их использование в различных числовых формах носит семантико-прагматический характер: «Сема единичности [разрядка наша], приписываемая собственным именам... также приобретает прагматический оттенок» [Категория количества в языке 1996 : 210].

Имя собственное указывает на объект, не характеризуя его по каким-либо параметрам, которые могли бы дать представления об этом объекте:

Меня зовут Аня.

He is from Japan.

Таким образом, имена собственные в узуально-языковом плане лишь указывают на определенный тип сущностей, в этом плане они схожи с «дейктическими элементами языка, местоимениями в широком смысле слова» [Категория количества 1996 : 212].

Итак, важнейшим свойством имен собственных является свойство референции, при этом особую значимость приобретает контекст – понимаемый не только как лексическое окружение слова, а шире, как социально-культурный контекст в соотнесении с прагматической ситуацией общения. Это свойство проявляется в варьировании форм имен собственных в зависимости от позиции, статуса говорящего в ситуации общения.

Учитывая вышесказанное, следует подчеркнуть, что первичными для имен данного типа все же являются такие употребления, в которых они используются для обозначения отдельно-единичных объектов.

В классе нарицательных имен существительных, или апеллятивов, исходной дихотомией является узуально-языковая оппозиция имен по отражению денотата либо как целостного, исчисляемого, либо как лишенного отдельности и обособленности, что в лингвистических терминах представляет собой противопоставление конкретных и абстрактных существительных.

Конкретные существительные могут сочетаться с числительными и употребляться в форме различных чисел:

В ходе тайного голосования "за" согласование кандидатуры Фатыхова было подано 17 бюллетеней, столько же оказалось голосов "против", один бюллетень был признан недействительным (Депутаты Законодательного Собрания не согласовали кандидатуру министра имущественных отношений области // "Нижегородские ведомости", 2003.01.15).

If one compares the latest exhibition at the Pushkin with those of the 1970s, the differences are only too obvious: then it was still possible in Odessa to buy a signed picture by Jacob van Ruysdael; several of Matisse's works from his widow, or two pictures from the school of Pieter Coeck van Aelst (The Art Newspaper. London: Umberto Allemandi & Company, 1992).

В разряд абстрактных существительных входят как собственно абстрактные (отвлеченные) имена типа *доброта, белизна, beauty, liberty*,

так и вещественные имена типа *вода, железо, sugar, copper*. Абстрактные существительные не могут вступать в сочетания с количественными числительными.

Два выделенных разряда имен существительных, конкретные и абстрактные, базируются на разных типах понятийной категории количества: прерывное количество, число, эксплицируется в разряде конкретных существительных, а непрерывное количество, величина – в разряде абстрактных существительных.

В гносеологическом ракурсе к конкретным существительным применимо понятие счета, тогда как абстрактные соотносятся с понятием измерения.

Рассмотрим, можно ли включать абстрактные существительные в парадигму категории единичности, учитывая то обстоятельство, что единичность – одно из проявлений числа, она базируется на понятии дискретности, а абстрактные имена в свою очередь выражают значение неисчисляемости, недискретности.

Денотат абстрактных существительных предстает в виде недискретной сущности: признака, свойства, вещества, которые в онтологическом плане лишены числовой идентификации, так как онтологическое условие стабильной исчисляемости объектов – их устойчивая материальная отдельность.

О. Есперсен замечает, что отсутствие множественного числа и исчисляемости у некоторых существительных связано с тем, что для них невозможно представление о некоторой определенной вещи с четко очерченными границами или определенной формы [Есперсен 1958].

Однако в языковом преломлении разряд абстрактных существительных не однороден. Тогда как большинство имен данной группы принадлежат к *singularia tantum*, т.е. лишены числовых противопоставлений, некоторые типы имен, которые можно идентифицировать по логико-семантическому критерию, могут представлять

абстрактные сущности (в определенных контекстуальных условиях) как отграниченные друг от друга, обладающие свойством обособленности и дискретности.

Так, имена действий (событий), в отличие от имен свойств или состояний, могут отграничиваться друг от друга, так как имеют достаточно четкие временные рамки: *крик – крики, шторм – шторма, war – wars, battle – battles*.

Отмечается, что событийные имена обозначают явления в виде целостных, предельных фактов [Яцкевич 1987:79], т.е. номинализуют событие как относительно дискретное, целостное “звено” временной цепи, а также имеют семантический компонент результативности.

Отдельные события часто обозначаются не всеми значениями многозначного имени действия. Например, имя *прием* может употребляться во множественном числе только в значении «собрание приглашенных лиц» (*Он часто бывает на приемах в посольстве*) и в значении «упражнения, действия» (*приемы самообороны*); нельзя, однако, сказать:

Ему везде оказывали хорошие приемы.

Таким образом, в сфере абстрактных имен выделяется группа имен, обладающая возможностью исчисления в языковом плане.

Д.И.Руденко делает предположение, что вариативность языкового представления объектов определенных типов по признаку дискретности/недискретности обусловлена прежде всего «диффузностью некоторых фрагментов общей концептуальной картины мира... отсутствием в ней четкого разграничения всех без исключения объектов на дискретные и недискретные» [Руденко 1990: 115].

Логичным представляется предположение, что в определенных контекстуальных условиях абстрактные имена могут приобретать свойство исчисляемости, поэтому мы включаем абстрактные существительные в парадигму категории единичности.

Вещественные имена обозначают сущности, которые в гносеологическом плане являются материальными образованиями, т.е., в отличие от референтов абстрактных существительных, являются зрительно и сенсорно воспринимаемыми, обладают пространственной отдельностью.

Однако их имманентным свойством является недостаточная устойчивость пространственных характеристик, они лишены четких границ, что, видимо, препятствует их языковому “опредмечиванию”: «Достаточным условием для именования термом массы является отсутствие характерной формы» [Pulman 1983:70].

В то же время, языковая система позволяет наименовать отдельные “порции” веществ – *глоток воды, бутылка молока, a slice of cheese, a glass of wine*.

Интенционал имени задает как денотативное пространство референтов имени, так и способ членения его составляющих, например, их устойчивую дискретность. Интенционал вещественных имен подразумевает возможность дискретного представления веществ, но это не естественное членение на отдельные дискретные элементы субстанции, а некоторое условное деление вещества в определенной ситуации: так, *молоко* можно налить в стакан, и тогда меротивом данного вещества будет стакан, равным образом возможно наполнить молоком бутылку, и тогда уже она выступит в качестве меротива.

Отсюда следует, что форма ограничивает определенные участки реальности и превращает их в исчисляемые сущности [Wiezbicka 1986: 367]. Любой наблюдаемый предмет воспринимается реально лишь в той мере, в какой его удастся подогнать под какую-то организованную форму [Арнхейм 1973: 41]. Под формой объекта понимаются границы соответствующей массы.

Это свойство имен веществ отмечает Г. Бант: «Имена массы относятся к сущностям, имеющим структуру “часть–целое”, но не выражают каких-

либо представлений о минимальных частях или элементах этих сущностей» [Bunt 1981: 161]. Таким образом, референт вещественного имени может быть потенциально локализован в пространстве как отдельная часть, “порция” вещества, что создает возможность исчисляемости таких объектов.

Конкретные имена в своей структуре наиболее эксплицитно выражают категориальное значение предметности имен существительных, т.к. дискретность денотатов прямо отражена в их семантике: *дом – дома, дорога – дороги, a table – tables, a lamp-lamps*.

Такие имена являются своего рода образцовыми для системы естественного языка, т.к. их семантическая структура наиболее максимально отражает онтологическую сущность референтов данных имен, их пространственную и материальную дискретность.

Однако в разряде конкретных имен есть группа имен *pluralia tantum*, которая, имея формальные признаки множественного числа, в гносеологическом плане представляет собой цельные, нерасчлененные объекты, как правило, парные, состоящие из двух функционально равноправных частей: *брюки, очки, scissors, tweezers, tongs*.

Единичность денотатов таких имен проявляется не через их внутрисловные показатели (флексию числа), а в синтагматике: *Подъехали сани, и из них выскочил посыльный (Толстой Л. Война и мир)*. В приведенном примере единичность *саней* обусловлена контекстуально: посыльный не мог выпрыгнуть из нескольких саний сразу. *There was a pair of scissors on the table (Caine M. A coward's chronicles)*. – В данном предложении *scissors* согласуется с глаголом в единственном числе и таким образом референт имени рассматривается как один, цельный инструмент. Возможность употребления имен такого типа с числительными – *двое саней, three different scissors* позволяет рассматривать их в качестве исчисляемых и, следовательно, конкретных имен.

В группу собирательных имен входят существительные, называющие множества лиц и предметов: *молодежь, детвора, студенчество, сырье, family, police, gentry*.

Множества, характеризуемые как собирательные имена, представлены в языке как лишённые внутренней дискретности.

Данное положение подтверждает тот факт, что конструкции выделения объекта из множества в приложении к собирательным именам оказываются малоприемлимыми: *один из студенчества, one of gentry*. В то же время, такие конструкции приемлемы в отношении объектов, обозначенных конкретным именем во множественном числе: *один из студентов, one of the gentlemen*. Формы множественного числа, таким образом, в отличие от собирательных имен, «направлены на выражение индивидуализированной, расчлененной совокупности, в которой не утрачено внимание к индивиду» [Дегтярев 1982 : 71]. Семантически доминирующая идея множественности обуславливает сочетаемость собирательных имен с квантификаторами и числительными, выражающими идею множества: *много молодежи, many gentry, 80 000 cattle, a dozen fruit*.

Однако и в случае с собирательными существительными язык предоставляет средство дискретизации множества. В качестве дискретизаторов в таких случаях используются счетные слова: *десять голов скота, a piece of apparatus*.

Наряду с именами, лишёнными форм числа, в данную группу некоторые исследователи включают также общие имена со значением совокупности: *армия, народ, отряд, family, jury*, которые обладают полной числовой парадигмой, однако форма множественного числа данных имен выражает не противопоставленность единичному объекту; ее смысловое содержание можно обозначить как “множество множеств”: *народ – народы, family-families*.

Имена *singularia tantum* типа *мебель, одежда, посуда, furniture* и *pluralia tantum* типа *деньги, овощи, фрукты, clothes, goods* – однозначно не

принадлежат к какому-либо подклассу имен, занимая некое промежуточное положение между собирательными и вещественными именами. С собирательными именами их сближает то, что их референт осознается в качестве множества, включающего объекты различных видов, т.е. представляет собой «совокупность разнородных предметов» (с этой точки зрения их можно назвать родовыми именами), с названиями веществ, субстанций – то, что видовой состав множества не фиксирован четко [Исаченко 1954: 118]. Такие имена можно обозначить как родовые [Руденко 1990].

Таким образом, лексическая семантика родовых имен накладывает ограничения на выражение единичности, и дискретное представление денотатов таких имен возможно только с помощью особых классификаторов: *предмет мебели, an article of clothes*.

Представление денотатов как целостных, неделимых, хотя и состоящих из множества членов, кроме множеств, представленных собирательными именами, характерно и для ряда других имен в языке. Например, названия животных, живущих стаями, или растений, образующих густой покров, формально представляют собой *singularia tantum*, т.к. языковое сознание воспринимает их в массе, и обычно в окружающей действительности они не представлены по одиночке: *капн, вереск, perch, tamarisk, honeysuckle*.

Та же закономерность применима и к некоторым конкретным существительным: так, своего рода *singularia tantum* у существительного *ski* в предложении *We traveled on ski*, когда доминирует идея множественности, и употребление множественного числа, когда важно выразить дискретность (доминирует идея раздельной множественности): *Two broken skis were lying on the ground*.

Аналогично, имена типа *песок, сахар, кына, salt, gravel* признаются в качестве условно недискретных [Кацнельсон 1972: 29-30]. Языковое сознание не воспринимает элементы подобных множеств как самостоятельно ценные ввиду их чрезвычайно малых размеров, и множественность единиц, составляющих эти совокупности, остается номинативно не выраженной.

Как отмечают исследователи [Ревзин, Ревзина 1977], предмет в языке может мыслиться как точка или резко отграниченная область в системе пространственно-временных координат, что обуславливает важность выражения идеи отделенности, обособленности, которая вербализируется не только противопоставлением по числу, но и смысловой структурой имени.

Свойством обозначать отдельные/особые в языковом представлении объекты обладают имена, денотатом которых являются отдельные объединения объектов по параметру “время” (*група, row*) и по параметру “пространство” (*ивняк, colonnade*).

В этой связи при рассмотрении разрядов имен существительных мы стараемся избегать ориентации только на формально выраженные числовые показатели и стремимся учитывать онтологические характеристики референтов имен рассматриваемого класса и их отображение в семантике языка.

По своим морфологическим (грамматическим) признакам имена типа *человек, a table* и *идея, a dream* сходны: они находятся в одинаковом отношении к категории числа. Однако они расходятся по семантическим признакам – лексемы *человек, a table* указывают на реально наблюдаемые, материальные объекты, и относятся к разряду конкретных имен, тогда как лексемы *идея, a dream* выражают определенные, прямо не наблюдаемые понятия, не выражающие предметность как отдельность, индивидуальность существования в действительности и относятся к разряду абстрактных имен. Понятия типа *идея, a dream* являются предметами (их предметность создается морфологическими показателями) в познании человека, что и отражается в их языковой семантике: они могут использоваться в формах как единственного, так и множественного числа.

Таким образом, важно учитывать способ представления денотата имени в языке и соотносить его с логико-семантическим критерием представления о единичности.

Соотнесение денотативного содержания разных классов имен с семами дискретности (наличие данной семы предполагает выражение формой имени: либо единичности, либо множественности) и недискретности (числовые противопоставления не релевантны для имен с такой семой) позволило объяснить случаи обозначения онтологически единичных предметов типа *вилы*, *scissors* формами множественного числа или реально множественных предметов типа *песок*, *вереск*, *perch* формой единственного числа.

Наблюдающиеся в языке расхождения между формальной выраженностью числовой формы и структурой денотатов в действительности демонстрируют сложность природы категории числа: она обладает развитой смысловой системой и включает не только значения множественности и единичности как проявления семы дискретности, но и сему недискретности [Руденко 1990 : 124]. Учет сложного смыслового содержания категории числа позволяет объяснить наличие особых классов конкретных и абстрактных существительных, числовая форма которых не может быть интерпретирована только по семе дискретности. Учитывая это обстоятельство, можно определить, что в словоформах *очки*, *furniture* выражается внутренняя расчлененность данных предметов, а в собирательных существительных *студенчество*, *family* – нерасчлененность множества.

Мы показали, что в языковом представлении подклассы исчисляемых /неисчисляемых существительных не всегда обусловлены онтологическим, денотативным аспектом.

Грамматическая категория числа имен существительных является результатом формализации понятийной категории количественности. Таким образом, языковая категория числа соотносится с количеством опосредованно, через понятийную категорию количественности.

Количественность в языковом мышлении «представляет собой вторичное явление к количеству, понимаемому как онтологическая сущ-

ность, свойство объектов внешней действительности» [Худяков 1989 : 161]. Поэтому единственное число не синонимично единичности, равно как и множественное число словоформы не всегда соотносится с расчлененностью денотата в реальной действительности.

Итак, имена совокупностей, вещественные и абстрактные имена представляют объекты как неделимые недискретные сущности. В этом случае единичность отсутствует, т.к. не предполагается противопоставление ее множественности.

Однако, как уже отмечалось, в определенных контекстуальных условиях язык способен представлять денотаты вещественных и абстрактных имен в качестве отдельных объектов.

При анализе существительных *singularia tantum* должны быть выделены два разряда: относительные *singularia tantum*, т.е. слова, допускающие образование форм множественного числа, хотя и специфических по значению (*песок-пески, боль-боли, vine – vines*), и абсолютные *singularia tantum*, т.е. слова определенной словообразовательной структуры, у которых образование множественного числа не возможно (*сырье, доброта, whiteness*) [Слово и грамматические законы языка. Имя. 1989: 6].

Для имен собственных характерна референция к единичному объекту, однако представление денотатов данных имен зависит от прагматического аспекта высказывания и может варьироваться в зависимости от ситуации общения.

Конкретные имена наиболее последовательно отражают категориально-семантическое значение предметности имен существительных, однако и в рамках данного класса имен присутствует асимметрия в числовом оформлении и единичностью / множественностью реальных референтов (имена *pluralia tantum*).

Итак, имена со значением дискретности наиболее полно воплощают в себе значение предметности, т.е. универсально-семантические признаки имен существительных.

Взяв за основу ономасиологические критерии, мы попытались избежать “узкой” трактовки дискретности, шире – предметности как выражающей отдельность, обособленность только применительно к материальным предметам (вещам).

Отражательные механизмы языка обладают своей спецификой, и корреляция между онтологическими и языковыми сущностями не представляется однозначной.

Мы исходим из принципа “фактичности”, т.е. учета всего многообразия установившихся в языке идентифицируемых значений и их связей, независимо от того, по каким – эмпирическим или каким-либо другим – основаниям осуществляется идентификация и установление связи [Бессонов 1987 : 110].

В этой связи считаем уместным провести аналогию с известной проблемой обозначения референтов, не существующих в реальной действительности, типа *русалка, кентавр, dragon, elf*. Хотя онтологически данных объектов не существует, однако, рассматривая их в ономасиологическом плане, можно прийти к выводу, что в языковом представлении они принципиально не отличаются от имен, которые имеют в качестве референтов реальные предметы и таким путем становятся значимыми, осмысленными в языке.

Общий способ представления денотата – важный аспект семантики имени, а категория расчлененности/нерасчлененности признается в качестве «основной, базовой категории значения существительного любого семантического класса»[Гуренко 1987: 2].

По определению Ю.С. Степанова, философия имени представляет собой прежде всего семантическую парадигму [Степанов 1985а : 5], поэтому экспликация единичности в лексической семантике слова представляется первостепенно важной.

Предметность / непредметность как элемент языковой семантики обусловлен онтологическими причинами – тяготением объекта к тому или

инному полюсу оппозиции прерывное/непрерывное.

Классификация имен существительных по ономастическим разрядам позволит схематизировать их функциональный статус относительно выражения семы дискретности, и далее – относительно исследуемой нами ФСК единичности.

Сгруппируем рассмотренные номинативные классы имен существительных, выделяемые по узואальным семантико-грамматическим характеристикам, по способности отображать категорию предметности как категориальный компонент семантики единичности. Расположим градации значения по нарастанию “веса” семы дискретности как выразителя категории предметности, от минимального до доминирующего, что, соответственно, определяет характер единичности, передаваемой соответствующими группировками слов – от абстрактного до конкретизированного (см. схему 7 на с.140).

Итак, возможность выражения единичности в значительной мере зависит от подкласса существительного, от характера его денотата, т.е. характера представления какого-либо онтологического объекта в языковой семантике.

Сущностная характеристика категории предметности – материально-пространственная отдельность – системно отражается в языке в семантической структуре слова через сему ‘дискретность’. Дискретизация действительности в языке имеет два направления: пространственная локализованность (например, по форме, что характерно для дискретизации вещественных имен) и локализованность по времени (имена действий).

Связь трех категориальных компонентов единичности осуществляется через сему ‘дискретность’: определенное количество всегда носит расчлененный характер [Тураева, Биренбаум 1985 : 128], в то время как неопределенное количество может быть расчлененным (*a few books*) и нерасчлененным (*much time*).

**Ономасиологические разряды существительных
по способу представления денотата
в соотношении с выраженностью семы дискретности**

2. Как обозначалось ранее, языковая категория числа является обязательным компонентом реализации категории единичности. Грамматические категории – важнейший и самый регулярный фактор экспликации универсалий [Руденко 1990 : 116]. Грамматическая категория

числа является одним из важнейших компонентов системы предметности и языковой количественности.

Грамматическая категория отражает базисные аспекты картины мира наиболее схематично. “Объективность” грамматической категории определяет черты их сходства в различных языках, а “общие морфологические формы” сравнимы по статусу с общечеловеческими категориями мышления [Хаймович 1968 : 15].

Установление формальной организации грамматической категории очень важно, это один из существенных признаков, отличающих грамматическую категорию от других грамматических явлений.

Грамматические значения принципиально отличаются от лексических значений. Структура лексических значений характеризуется понятием семантического поля, поэтому они не обязательно требуют определенных противопоставлений. Принципом структурной организации грамматического содержания является обязательное наличие противопоставленных друг другу рядов морфологических форм.

Категория числа в русском и английском языках реализуется в формах словоизменения. Каждая из морфологических форм в оппозиция единственного и множественного числа – компонентов данной категории – конституируется на основе общности содержания; противопоставление этих рядов основано прежде всего на противопоставлении их содержательных признаков.

В русском языке есть ряд существительных, называющих предметы, являющиеся единственными, конкретными, связанными с идеей счета, однако не имеющих формальных внутрисловных средств для выражения единственности или множественности. Такие существительные можно разделить на две группы.

Референты первой группы – неодушевленные предметы типа *брюки, сани, часы, счеты*, которые ряд исследователей [Зализняк 1970]

относят к парному роду.

Вторая группа представлена заимствованными словами типа *пальто, кенгуру, кофе*. У таких существительных имеются омонимичные формы выражения числа, у них нет формального средства выражения номинативного аспекта, т.е. указания на внеязыковую реальность: *Он показал мне новые часы*. Содержательно число здесь не выражено, неизвестно были ли это одни часы или несколько разных объектов, выражает ли словоформа *часы* единичность или множественность денотата.

Формальным средством указания на число существительных в русском языке являются окончания.

Однако в ряде случаев множественное число может образовываться не с помощью флексии, а от другой основы: *ребенок – дети, человек – люди*.

Иногда флексии, служащие для образования множественного числа, несут другую смысловую нагрузку и выступают выразителями иных отношений. Это могут быть отношения вещества и вида вещества: *вино – вина*; действия и его результата: *посадка деревьев – молодые посадки* и т.д.

Функции и значения формы единственного числа в английском языке тесно связаны с возможностью употребления существительных с неопределенным артиклем и со смысловой наполненностью такого употребления.

Подчеркнем, что морфологическая категория числа не полностью включается в план выражения ФСП количества. Некатегориальное значение форм числа представляют случаи типа *вино-вина, пески Сахары, а man is mortal* и т.д. Они обозначают не реально единичные денотаты, а обобщенно-собираательные названия классов предметов или репрезентуют другие, неколичественные отношения.

Таким образом, в ряде случаев, как в русском, так и в английском языках, компоненты грамматических, в частности морфологических, категорий характеризуются весьма разнообразным, пестрым формальным

выражением, лишенным внутреннего единства и осложненным явлением синкретизма.

Что же касается содержания грамматической категории, то оно является постоянным и обязательным фактором, конституирующим компоненты данной категории и их противопоставление. Основной семантический признак формы множественного числа – ‘расчлененность’, единственного числа – ‘нерасчлененность’, т.е. ‘общность’.

Итак, содержательная сторона грамматической категории является главенствующей над формально-структурной [Бондарко 1976 : 31].

Расхождения между формальной выраженностью числовой формы и реальной структурой денотатов демонстрируют сложность природы категории числа в языке: она обладает развитой смысловой системой и включает не только значения множественности и единичности как проявления семы ‘дискретность’, но и сему ‘недискретность’, что уже было отмечено ранее.

Грамматическое число – один из существенных способов передачи противопоставления единичности/множественности.

Существительное в форме единственного числа может служить:

- 1) обозначением одного отдельного материального объекта;
- 2) обозначением единого, целостного совокупного образа (форма единственного числа не является коррелятом формы множественного числа);
- 3) обозначением уникальных предметов; этой цели также служат *собственные имена*, которые в логике носят наименование *единичных имен*, ориентированы на отнесенность к одному объекту, таким образом выделяя его по совокупности признаков от других объектов;
- 4) обозначением вещества, субстанции; субстанция понимается как определенный материальный состав с совокупностью присущих ему свойств (несоотносима с формой множественного числа) или

обозначением разновидности данного вещества, сорта, вида и т.п. (соотносима с формой множественного числа);

- 5) обозначением нематериальных понятий – чувств, эмоций, умственной деятельности (обычно не соотносимы с формой множественного числа, употребляются только в значении отдельных проявлений чувств/эмоций); также воплощенных в предметном облике свойств, качеств объекта (не соотносимы с формой множественного числа);
- 6) обозначением неполной предметности, совокупности свойств, качеств (форма единственного числа не является коррелятом формы множественного числа).

Таким образом, форма единственного числа семантически многозначна, она служит обозначением и отдельного предмета, явления, сорта, и качественно-существенного в предмете, будь то отдельное выделенное качество или совокупность качеств.

Кроме того, форма единственного числа может представлять структурный тип существительных, лишенных категории числа вообще или в определенных значениях (например, раздельно-собирательных), а также тех, у которых формы двух чисел омонимичны.

Квантификационные значения некоторых конструкций могут быть амбивалентны, что приводит к релятивности их функционирования (*березняк* – как совокупность берез, т.е. в значении “много берез”, и *березняк* как оппозиция к слову *березняки*, что обозначает наличие одной, а не множества совокупностей).

Онтология и язык опосредованы сферой понятий. Этот факт позволяет рассматривать гетерогенную морфологическую представленность категории числа как опосредованный результат отражения свойств объективного мира и непосредственный результат формализации соответствующей понятийной категории – категории количественности.

Итак, при рассмотрении языковых парадигматических средств выражения функционально-семантической категории единичности мы использовали ономаσιологический подход к изучению семантики: в качестве исходного мы принимали определенное понятие, непосредственно относящееся к языковой актуализации ФСК единичности (сему 'дискретность' как показатель категории предметности), а предметом анализа служили пути и средства ее выражения.

В плане содержания словоформ, в частности, в плане выражения ФСК единичности, грамматическое значение является формальной, подчиненной стороной лексическому значению. Лексическая семантика слова накладывает ограничения на способность его выражать числовые противопоставления, однако оба этих компонента значения словоформы представляют собой неразрывное единство.

В самом понятийном содержании языковых явлений, в частности, ФСК единичности, мы, вслед за А.В. Бондарко [Бондарко 1978], выделяем два аспекта: системно-категориальный и конкретно-смысловой. Последний из упомянутых аспектов представляет конкретные смыслы, передаваемые и воспринимаемые в отдельных актах речи. Другой же аспект – это иерархическая система понятийных категорий и их категориальных сочетаний, которую мы и попытались охарактеризовать в отношении содержания ФСК единичности в языке.

Для систематизации смысловой структуры ФСК единичности мы структурировали ее в виде комплекса категориально-семантических значений, т.к., согласно представлению о понятийных категориях как уровне обобщенных языковых значений, языковые семантические функции реализуются прежде всего на основе системы категориальных значений.

Категориально-семантические значения, составляющие содержание ФСК единичности, формализуются на различных языковых уровнях. Языковые семантические функции представляют собой результат языковой интерпретации понятийных категорий.

Категориально-семантическое значение предметности создается системой морфологических, словообразовательных и лексических показателей на частеречном уровне, уровне лексико-грамматических разрядов, лексическом уровне как в русском, так и в английском языках, что отражает системность категории предметности в языке.

Категориально-семантическое значение количества в языке сопутствует выражению предметности, так как они связаны прочными общегносеологическими основаниями, понятием дискретности, которое служит базисом предметности и основой категории числа в языке.

Взаимосвязь категориальных компонентов единичности показательна на различных уровнях языковой системы: так, слова, выражающие единичность на лексическом уровне, также имеют ярко выраженное предметное значение.

На частеречном уровне категория количественности пересекается с категорией предметности прежде всего в имени существительном, т.к. идея количества заложена в нем уже лексически. Таким образом, категория предметности реализуется в именной количественности.

Категориально-семантическое значение определенности / неопределенности формализуется как в русском, так и в английском языках, но различается по статусу: в русском языке оно не представляет собой морфологической категории.

ФСК единичности мы рассматриваем как семантическую основу интеграции и функционального взаимодействия различных средств ее выражения в сопоставляемых языках.

Выделенные средства формализации категориально-семантических значений ФСК единичности представляют собой инвентарь узуально-языковых средств выражения категории единичности.

Рассмотрев парадигматический аспект функционирования ФСК единичности в системе номинаций, мы переходим к рассмотрению ее реализации в синтагматике, в динамическом аспекте языка.

2.4. Выводы по второй главе

1. Функционально-семантическая категория единичности – единство, имеющее семантическую природу. Она представляет собой взаимосвязанную иерархическую систему, которая в языке имеет различные уровни выражения. Система семантических отношений внутри категории единичности представлена на схеме 4 (с.74), ФСК единичности как понятийное поле представлена на схеме 5 (с. 75).
2. Грамматические и неграмматические языковые средства являются поверхностной реализацией определенных глубинных понятийных категорий. Категория единичности в языковом отражении представляет собой комплекс категориально-семантических значений предметности, количества, определенности / неопределенности.
3. Рассматриваемая категория по своей структуре в языке представляет собой полевое образование. Оно порождается элементами разных уровней языка: семантическая база ФСК единичности в языке манифестируется на морфо-семантическом, лексико-семантическом и лексико-грамматическом уровнях, при этом обнаруживается большая функциональная нагруженность морфо-семантического уровня в русском языке; два других исследуемых уровня манифестации ФСК единичности соотносимы по выполняемой ими функциональной нагрузке в сопоставляемых языках.
4. Модели репрезентации ФСК единичности в сопоставляемых языках обнаруживают аналогии в мотивационных словообразовательных характеристиках, в характере и направленности семантических связей в лексических полях производных слов и синонимических рядах, что подтверждает

универсальность как ментального представления данных категорий, так и их представления в языковом мышлении.

5. Соотнесение категориально-лексических сем лексем *один* и *оде*, представляющих, по нашей гипотезе, ядерные компоненты ФСП единичности в рассматриваемых языках, позволяет представить категориально-семантическое значение единичности как результат семантизации логико-мыслительного понятия единичности. Определение модели категории единичности в языке производится на основе логико-семантической функции элементов, которые определяются на базе дефиниционных характеристик ядерных для поля единичности лексем *один* и *оде*.
6. Единичность в языке имеет преимущественно номинативный характер, т.к. отражает статический момент действительности. Она формализуется преимущественно в имени существительном, которое может передавать конкретную единичность в противоположность другим основным частям речи.
7. Возможность выражения единичности в значительной мере зависит от подкласса существительного, от характера его денотата, т.е. характера представления какого-либо онтологического объекта в языковой семантике.
8. Функции и значения формы единственного числа в английском языке тесно связаны с возможностью употребления существительных с неопределенным артиклем и со смысловой наполненностью такого употребления.
9. Языковые семантические функции выражения функционально-семантической категории единичности реализуются не только на основе значений лексических единиц, потенциала грамматических форм и других параметрах собственно языковой системы, но, в первую очередь, на основе системы категориальных значений.

Глава 3. Система количественных значений единичности в русском и английском языках и их манифестация в русскоязычном и англоязычном дискурсах

В задачу данной главы входит исследование манифестации количественных значений единичности в сопоставляемых языках. Система количественных значений единичности выделяется через анализ русскоязычного и англоязычного дискурсов.

3.1. Исходные положения как инструментальный исследования

3.1.1. Значение и смысл как семиологические и лингвистические понятия

Поскольку в нашей работе основания межъязыкового сопоставления носят семантический характер, считаем необходимым определить понятия значение и смысл, которые являются основными при исследовании структуры ФСК единичности.

Позиция отечественных и зарубежных лингвистов по этому вопросу парадоксальна. С одной стороны, подчеркивается первостепенность понятия значение для языка и лингвистики: «...значение является центральным понятием для языка, и языковым можно признать лишь то, что тем или иным образом связано со значением» [Звегинцев 2007 : 76].

«Если в лингвистике существует что-либо, что можно назвать базовым понятием, – пишет Хольгер Сёренсен, – им является понятие значения. Наличие значения является обязательной предпосылкой для наличия лингвистического знака» [Цитируется по: Звегинцев 2007 : 77].

Однако, с другой стороны, основной вопрос, связанный со значением, звучит следующим образом: «Что такое значение?». Он в полной мере относится к разряду вечных и, несмотря на вековую историю, до сих пор не получил не только общепризнанного, но даже хотя бы достаточно ясного ответа. Более того, в рамках современной лингвистики в такой общей

форме он по существу вообще не рассматривается [Кронгауз 2001 : 71]. Потому характерно, что в «*Лингвистическом энциклопедическом словаре*» нет отдельной статьи на термин значение, как, собственно говоря, и на термин смысл. Однако в предметном указателе этого словаря содержится 91 рубрика с первым термином и 27 – со вторым. Это свидетельствует о том, что под эти общие термины подводятся «совершенно разные объекты» [Кронгауз 2001 : 71], а термин значение «равноупотребителен по отношению ко всем языковым знакам» [Там же : 75], их содержательной стороне. Причем в традиционной лингвистике термины значение и смысл используются как синонимы [Кронгауз 2001 : 36, 48].

Заслуга разграничения этих двух терминируемых понятий принадлежит выдающемуся немецкому логик, математику и философу Готлибу Фреге [Фреге 2000 : 230-246]. Рассуждения о тождестве и различии он иллюстрирует на примере именных выражений *Утренняя звезда* и *Вечерняя звезда*, задавшись вопросом, насколько совпадают и совпадают ли вообще эти выражения. Г. Фреге заключает, что тождество задается здесь по референции к одному и тому же объекту – планете Венера, а различие – по способу представления объекта в мысли. Так вводится в научный оборот принципиальное для анализа содержательной структуры слова и других языковых единиц различие между значением (нем. *Bedeutung*) и смыслом (нем. *Sinn*). Со значением связывают отныне обозначение, а со смыслом – способ, которым выражается значение, способ представления этого значения в языковом выражении [Бочкарев 2007 : 22].

Чтобы избежать многозначности, заложенной в терминах значение и смысл (см. об этом: Кронгауз 2001 : 71-78 и 128-144; Бочкарев 2007 : 107-153), лингвистическая семантика “приняла” более точную логическую терминологию: интенционал и экстенционал. Интенционалом имени называют свойство, данным именем выражаемое, его же экстенционалом называют множество объектов, которые могут данным именем обозначаться.

Термин интенционал фактически является синонимом термина “смысл” по Г. Фреге.

Следовательно, слово как единица языка имеет интенционал и экстенционал, а слово как единица речи, т.е. актуализированное слово, называет конкретно референт. Тем самым можно утверждать, что полная референциальная характеристика есть только у слова в речи, но никак не у слова в языке. Слово в языке может иметь лишь определенный потенциал, позволяющий приобретать ту или иную референциальную характеристику, описать которую, с нашей точки зрения, возможно с позиции интенциональной теории значения [Соссюр 1977; Степанов 1998 : 709; Растье 2001 : 58; Патнэм 2002; Бочкарев 2007 : 203 и др.].

Все сказанное позволяет нам обобщить наши представления обозначаемых в этом разделе лингвистических понятий путем их сопоставления.

Итак, значение представляет собой содержательную сторону определенной единицы языка, тогда как смысл может быть передан разными единицами, кроме того, он может быть выражен и неязыковыми средствами. Значение той или иной единицы представляет собой элемент языковой системы, тогда как конкретный смысл – явление речи, имеющее ситуативную обусловленность [Уфимцева 1974 : 3-34; 1986]. Смысл – ситуативная характеристика знака в контексте. Значение – инвариантно, обязательно, узуально, тогда как смысл знака в акте коммуникации – величина вариативная, окказиональная [Бондарко 1978 : 38; 2004].

В речи, помимо окказиональных, выделяются и узуальные смыслы. Каждому значению соответствует набор узуальных смыслов. При восприятии текста по его символам опознаются значения, по значениям – узуальные смыслы, по узуальным смыслам – окказиональные.

В соответствии с этим, как уже было указано, в самом мыслительном содержании мы различаем разные аспекты, в частности системно-категориальный и конкретно-смысловой.

Первый аспект представляет конкретные смыслы, передаваемые и воспринимаемые в отдельных актах речи. Второй – это иерархическая система понятийных категорий и их категориальных сочетаний. Связь этих аспектов заключается в том, что конкретные смыслы строятся на базе понятийных категорий, т.е. при категоризации [Бочкарев 2007 : 197]. С другой стороны, понятийные категории и их основные категориальные значения представляют собой абстракции от конкретных смыслов.

Языковая семантическая функция может быть названа языковой семантической интерпретацией понятийных категорий. Значения единиц разных языков могут не совпадать по содержательным характеристикам, по объему, по месту в системе. Смысл не зависит от различий между языками, представляет инвариантное содержание отражательной деятельности человека. Взаимосвязь значения и смысла можно обозначить как взаимосвязь средств и цели: языковые значения служат средством для выражения смысла в высказывании.

Итак, от анализа категории единичности в системно-категориальном аспекте, реализуемом через лексические и грамматические значения языковых единиц (см. главу 2), перейдем к анализу квантитативных смыслов единичности, манифестированных в русскоязычном и англоязычном дискурсах.

3.1.2. Предложение/высказывание в дискурсе как единица исследования

Как было уже показано в предшествующем разделе, в этой главе в качестве единицы исследования мы принимаем предложение, что считаем оптимальным для выбранного направления исследования с семантической доминантой.

При этом отдаем себе отчет в том, что в наши дни «самые сложные проблемы современной лингвистики – проблема языка и речи и проблема предложения. Встреча этих проблем не случайна и не носит эпизодического

характера – пути их уже многократно пересекались, иногда шли параллельно, но так и не достигли сколько-нибудь удовлетворительного и однозначного решения» [Звегинцев 2007 : 3]. Мы не ставим своей задачей дать ответ на дискуссионный вопрос о месте предложения в языке и речи. Тем более, что для нашего исследования вполне достаточно того обзора точек зрения отечественных (Н.Д. Арутюнова, Бодуэн де Куртенэ, Т.Г. Винокур, В.А. Звегинцев, О.С. Иссерс, Г.А. Золотова, С.Д. Кацнельсон, Г.В. Колшанский, М.А. Кормилицына, Н.Г. Комлев, Т.П. Ломтев, Е.В. Падучева, А.М. Пешковский, А.И. Смирницкий, А.А. Шахматов, Л.В. Щерба) и зарубежных исследователей (Ш. Балли, Э. Бенвенист, Л. Блумфилд, А. Гардинер, Л. Ельмслев, Дж. Лайонс, А. Мартине, Д. Рис А. Сеше, Ф де Соссюр, Э. Сэпир, М. Хале, Н. Хомский, Б. Уорф, Р. Якобсон и др.), которые представлены в книге В.А. Звегинцева *«Предложение и его отношение к языку и речи»* для того, чтобы понять природу предложения.

Прежде всего мы принимаем тот “методологический ключ” (соотношение трех звеньев: языка – мышления – объективной действительности), который предложен В.А. Звегинцевым для решения лингвистической проблемы предложения и который определяет направление исследования, стремящегося использовать те средства, которые современная наука дает в распоряжение лингвиста [Звегинцев 2007 : 305].

Во-вторых, мы, как и В.А. Звегинцев, считаем удачным классическое определение предложения Л. Блумфилда, данное им в монографии “Язык”: «Каждое предложение есть независимая лингвистическая форма, не включаемая посредством какой-либо грамматической конструкции в никакую большую лингвистическую форму» [Bloomfield 1933: 170].

Несколько перефразируя Л. Блумфилда, В.А. Звегинцев так обосновывает свою позицию предложения как языковой единицы верхнего уровня языка и основной единицы лингвистического анализа: «... предложение есть наибольшая единица лингвистического описания. Это обуславливается разными причинами. В первом случае даже без всяких

объяснений – просто грамматическое описание, начинаясь с фонетики, заканчивается синтаксисом. Так принять, такова традиция – и все. В другом случае предложение знаменует переход из языка в речь...И, наконец, в третьем – ...“точкой отсчета” для лингвистического анализа опять-таки является предложение» [Звегинцев 2007 : 157].

В этом плане особую конструктивную функцию предложений в системе языка отмечает Н. Хомский: «Под языком мы будем понимать множество (конечное или бесконечное) предложений, каждое из которых имеет конечную длину и построено из конечного множества элементов» [Хомский 1962 : 152] (выделено нами), т.е. предложение как единица языка имеет определенные структурные типы, схемы, модели.

В-третьих, В.А. Звегинцев показывает, что «в противоположность первому пути, “причисляющем предложение к языку”, по второму пути предложение выносится за его пределы и признается “единицей речи”» [Звегинцев 2007 : 137]. Свойство предложений выступать в речи в качестве минимальных самостоятельных единиц общения В.А. Звегинцев объясняет так: «Процесс речевого общения представляет обмен мыслями...но не обмен морфемами, словами или словосочетаниями. Когда мы говорим, что предложение есть основная единица общения, мы фактически утверждаем, что оно способно передавать мысль и что это мысль по поводу определенного предмета, т.е. ситуативно привязанная. Ни одна из единиц других лингвистических уровней не способна на это. Таким образом, особые качества предложения заключаются в наличии у него смысла и ситуативной привязанности» [Звегинцев 2007 : 172-173] (выделено нами).

Именно это «превращает предложение в мост, по которому идет дорога из мира языка “в другой мир” (говоря словами Э. Бенвениста) – “мир мысли”» [Звегинцев 2007 : 174]. Такое актуализированное предложение, употребленное в реальной речевой ситуации, принято называть высказыванием.

Таким образом, с семантико-коммуникативной позиции, принятой нами в исследовании, противопоставление предложения и высказывания как «конкретной реализации полностью охарактеризованного семантически и прагматически предложения» [Кронгауз 2001 : 231] является нерелевантным.

И если это учитывать, то «пресловутая двойственность предложений вовсе не будет вырисовываться как характерная черта загадочности их натуры, а скорее как верный путь к постижению природы предложений. Этим путем мы и пойдем» [Звегинцев 2007 : 174].

Наконец, в-четвертых, учитываем то, что, как было уже указано во введении и теоретической главе (раздел 1.3.), эмпирической базой нашего исследования являются национальные корпуса русского и английского языков, поскольку «корпусный анализ является максимально объективным – ведь языковой материал отчужден от исследователя и не зависит от него... и является отмеченным в реальной коммуникации языковым материалом» [Кронгауз 2001 : 95]. Потому опираемся на сложную иерархию, предложенную В.А. Звегинцевым: текст – дискурс – высказывание / предложение – синтаксическая конструкция [Звегинцев 2007 : 147].

3.2. Квантитативный смысл нумеральной единичности и его языковая манифестация в дискурсах

Мы считаем целесообразным начать рассмотрение квантитативных смыслов единичности с ее нумеральной разновидности, так как «центральное место в семантическом поле количества занимают языковые средства, характеризующие мощность множества» [Новицкая 1978 : 3].

Под нумеральной единичностью мы понимаем выражение квантитативного смысла единичности, не отягощенное дополнительными созначениями и коннотациями, представленное языковыми единицами с доминирующей числовой семой, функционально направленных на выражение точного количества.

Точное количественное значение актуализуют, в первую очередь, назывные формы имен существительных как в русском, так и в английском языке, так как представление объекта без показателей множественности указывает на немаркированный член числовой оппозиции, и, таким образом, представленность референта в количестве, равном единице:

Стул, стол и старый комод – вот и всё, что было в комнате (Гончаров И. Иван Савич Поджабрин).

Письменный стол и гардероб стояли в другой комнате, дверь в которую была открыта (Гончаров И. Иван Савич Поджабрин).

В английском языке исчисляемые в языковом представлении денотаты обозначаются формой имени существительного с артиклем, который служит показателем определенности/ неопределенности:

Anyway, they dismantled the bed and I was left with a strip blanket, a sheet of heavy material designed to be almost impossible to tear; and a mattress, one heavy black mattress (Insiders: women's experience of prison. London: Virago Press Ltd, 1988).

Представляется оправданным утверждать, что нумеральной семантикой обладают числительные, выделяемые в особую часть речи именно по данному семантическому критерию, а также языковое обозначение соответствующего математического понятия множества, представленного объектом в одном экземпляре.

Итак, нумеральную единичность выражают конструкции *один + N* в русском языке и *one + N* в английском языке, где лексемы *один* и *one* функционируют в качестве числительных:

В миске ещё много было курятины: одна ножка, одно мясистое крыло и ещё несколько бескостных кусков белого мяса (Искандер Ф. Чит чит обычаи).

У самочки обычно рождается один детеныш (Шимпанзе // "Мурзилка", №7, 2000).

За один присест шимпанзе может съесть 50 бананов! (Шимпанзе // "Мурзилка", №7, 2000).

Program comes on one disk (Goods adverts).

They made a big depot there, and put one large black flag on top of it (Vicary T. The coldest place on earth: Oxford Bookworms edition).

The land is rented to the village by Ian MacDonald for the annual rent of one white rose (The East Yorkshire village book // Newbury, Berks: Countryside Books, 1991).

В синтагматике здесь отсутствует какая-либо сочетаемость, кроме логической: во всех контекстах лексемы *один* и *one* можно заменить любыми другими нумеративами типа *три, четыре, two, four* и т.д.

Сочетаясь с исчисляемыми именами существительными, числительные *один* и *one* указывают на то, что какое-то дискретное множество представлено единственным объектом. При этом в контексте нередко имеется противопоставление с другим, большим множеством, или указание на неединичность других объектов.

Лексема *единица* (ЛСВ 1) обозначает число, указывающее на мощность некоторого дискретного множества, представленного объектом в одном экземпляре, а также соответствующую цифру, изображающую это число; *единица* (ЛСВ 2) обозначает величину, которой измеряются другие однородные величины: *денежная единица, единица силы тока* и т.д.; *единица* (ЛСВ 3) обозначает отдельную самостоятельную часть в составе целого, отдельный предмет (человек) в группе подобных: *боевые единицы флота, штатные единицы*; *единица* (ЛСВ 4) обозначает отдельные предметы или людей, немногих по числу: *таких людей единицы* (очень мало).

Таким образом, данная лексема, являющаяся языковым обозначением математического термина, в ЛСВ 1, ЛСВ 2 и ЛСВ 3 реализует абстрактное, математическое значение единичности. Как показывает анализ словоупотреблений, денотатом *единицы* в ЛСВ 2, ЛСВ 3 и ЛСВ 4 может

быть не только один предмет или явление, но и дистрибутивное множество предметов:

*При этом диагностируются как **единичные дефекты**, так и их комбинации, число которых, практически, можно считать бесконечным (Для диагностики тепловоза комплекс "Магистраль" // "Локомотив", 2001.07.26).*

*Отдельные случаи нехватки сахара переходят в его тотальный дефицит, поэтому и **единичные стычки** перерастают в широкомасштабные столкновения (Волос А. Недвижимость).*

Прилагательное *единичный* также обладает ярко выраженной числовой семой и имеет следующие ЛСВ: ЛСВ 1 – представленный в единственном экземпляре; ЛСВ 2 – отдельный, обособленный; ЛСВ 3 – редкий, нехарактерный. Соответственно, *единичный* в ЛСВ 1 и ЛСВ 2 обладает нумеральной семантикой, на что нередко указывает эксплицитное противопоставление определенному множеству объектов:

***Единичный** человек, уже биологически, по своему происхождению, обязан своим существованием соединению **двух других людей** – его родителей (ЛСВ 1) (Франк С. Непостижимое).*

*На территории этого биотопа были зарегистрированы **старые дубы и березы** (*Betula pendula* и *Betula pubescens*), а так же встречен **единичный экземпляр лиственницы европейской** (*Larix deciduas*) высотой около 40 м (ЛСВ 1) (Дробина М. Основные направления реконструкции пейзажного парка-усадыбы Братцево // "Биология", 2003).*

*Поскольку каждый дом **единичный**, а понятие "дом" – это дом вообще? (ЛСВ 2) (Мамардашвили М. Введение в философию).*

При описании действий *единичный* обозначает разовое действие, противопоставляется повторяющемуся действию:

*Любое данное конкретное действие имеет **разовый, единичный** характер и не воспроизводимо как объект для **повторных наблюдений** (Савельева М., Полетаев А. Знание о прошлом: теория и история).*

*При этом мифотворчество есть не **единичный**, но многократно повторяющийся акт (С.Н. Булгаков. Свет невечерний).*

Синонимичный ряд прилагательного *единичный* составляют лексемы *единый, отдельный*, в которых помимо семы нумеральности выделяются сема 'дискретность' и сема 'целостность', которые составляют содержание как лингвистической категории предметности, так и ее понятийного аналога.

Регулярные смысловые связи лексем *единичный, единый* и *отдельный* подтверждают общность их семантики: *единичный* объект в языковом сознании воспринимается как выделенное из какого-либо множества целое, а не совокупность частей. Цельность *единичного* объекта в ряде случаев эксплицитно подчеркивается в высказывании:

*Вселенная как целое – объект принципиально **единичный**, и даже просто заявить, что видишь этот объект, а не какую-то малую, случайную его часть, - требовало изрядной интеллектуальной смелости (Горелик Г. Андрей Сахаров. Наука и свобода).*

Единичное как целое противопоставляется с собирательным, суммативным единством:

*Действительный субъект совершенствования, или нравственного прогресса (как и исторического вообще), есть **единичный человек** совместно и нераздельно с человеком собирательным, или обществом (Соловьев В. Оправдание добра).*

Для обозначения числа, указывающего на объем множества в одну единицу, в английском языке используется лексема *one*:

*If both floppy drive lights are lit then **one floppy connector** is reversed (Articles from Practical PC // London: HHL Publishing group, 1992).*

*The pound is down at **one dollar**, forty-three and down at two marks, thirty-six (Central News autocue data).*

One в значении нумератива общего языка указывает на исчисляемость денотатов.

Название цифры, близкое к терминологическому, также имеет нумеративную семантику:

*Your **one** is like seven (General practitioner's surgery: medical consultation (Public/institutional) // Recorded).*

Функционируя в качестве прилагательного, *one*, среди прочих ЛСВ, имеет ЛСВ нумеральной единичности (не отягощенные значениями):

*I bought three T-shirts – do you want one? (Forrester H. The latchkey kid).
There was one vacant place (James W. The other side of heaven).*

Сочетаясь с исчисляемыми именами существительными, *one* в данном ЛСВ указывает на то, что какое-то дискретное множество представлено единственным объектом. При этом в контексте нередко имеется противопоставление с другим, большим множеством или указание на неединичность других объектов.

Синонимичный ряд прилагательному *one* в нумеральном значении образуют лексемы *singular, unique, individual, solitary, sporadic, unitary, simple, isolated, single, sole, lone*, а также сочетания из нескольких компонентов с дефисным написанием *one-of-a-kind, one-off, single-unit*.

Наиболее интенсивной семей нумеральной единичности характеризуются лексемы *single, solo*:

Instructors should test every student before allowing them to go solo (Piggott D. Gliding safety).

*Faced with these problems, computer scientists began in the mid 1970s to experiment with using many processors in a **single machine** to work in parallel on a **single problem** (Independent, electronic edition of 1989.10.09 // London: Newspaper Publishing).*

Они устойчиво противопоставляются в контекстуальном употреблении лексемам, обозначающим неединичность:

*However no-one had ever heard of dancing in Church, except in Seville in Spain, so we had to stick to **choral and solo singing** (Saunders-Veness, F. Oh! sister I saw the bells go down).*

*Assuming a normal split of **dual and solo** hours within this total, the flying cost is typically just under 6 000 dollars (Pilot // London: Pilot Publishing Company Ltd, 1992).*

*Whilst this is a clear tax advantage to be considered when forming a company, there are tax advantages to **sole trading or trading as a partnership** (Pannet A. Principles of hotel and catering law).*

*Markedly more men than women were **single**, while considerably more women were **married or cohabiting** (British journal of social work. Oxford: Oxford University Press, 1991).*

Близкими синонимами *single* являются лексемы *alone* и *solitary*, о чем свидетельствуют перифразы в высказываниях:

*In Britain every member of the population is registered with a doctor whose circumstances may range from working **alone** (a **single-handed practice**) to working within a large health centre consisting of several GPs working in concert (Victor, C. Health and health care in later life).*

*From there, she peeped at his tall muscular figure, so **solitary**, always **alone** (Cox J. Don't cry alone).*

Нумеральность семантики лексем *alone* и *solitary*, в частности, проявляется при противопоставлении их лексемам со значением множественности:

*From 1632, first in **partnership with** William Frizell and then, after disputes with Frizell, **alone** from 1634, he held the office of postmaster for foreign posts (The Dictionary of National Biography: Missing persons. Oxford: Oxford University Press, 1993).*

*Demonstration of **multiple metastases** may be particularly important when planning surgical resection or localised **radiotherapy for an apparently solitary metastasis** (Gut: Journal of Gastroenterology and Hepatology // London: British Medical Association).*

Лексема *солитарный* в русском языке, образованная от той же основы, что и *solitary*, является узкоспециальным термином и требует пояснения при использовании в неспециализированных контекстах:

Эффектно смотрится солитерная (одиночная) посадка декоративно-лиственной яблони (Заводяная Н. Стильные крошки // "Сад своими руками", 2002.11.15).

Как показывают словоупотребления, сема 'нумеральность' в лексемах *alone* и *solitary* не является доминирующей, так как ей сопутствует ярко выраженный коннотативный компонент отчужденности, покинутости, а в случае с *solitary* – сема 'обособленность, отдельность', которая достигает максимума в лексеме *isolated*.

В семантической структуре остальных лексем синонимичного ряда сема нумеральной единичности имеет характер сопутствующей.

Наряду с количественными конструкциями *один + N* в русском языке и *one + N* в английском языке, функцию выражения нумеральной единичности в языке выполняют предметные имена широкой семантики – *предмет, вещь, штука, член, элемент, отдел, объект, индивид* в русском и *thing, item, article, object, member, individual, entity, digit* в английском. Сигнификативным значением данных лексических единиц является обозначение материально целостных объектов; их функционирование обусловлено связанностью с познавательными процедурами индивидуализации, отождествления, исчисления объектов.

Данная группа имен выполняет функции лексемы *единица* в ЛСВ 2 и ЛСВ 3, то есть используется в качестве меротивов и дискретизаторов некоего множества.

Таким образом, *единица* и *one* как лексемы, репрезентующие понятие более высокого уровня абстракции, выступают как гиперонимы по отношению к группе предметных имен широкой семантики, которые, в свою очередь, выступают по отношению к ним как гипонимы.

Доминирующая сема ‘дискретность’, ‘предметность’ в смысловой структуре данной группы имен обуславливает их роль в предложении в качестве указательных и счетных слов:

Вот я держу в своих руках вещь, которой, может быть, касались руки маркизы Помпадур или самой королевы Антуанетты... (Куприн А. Гранатовый браслет) (указательная функция).

*The second exception is subdivided into features of shape or configuration of an article which: i) enable **the article** to be connected to, or placed in, around or against, **another article** so that **either article** may perform its function (the "must-fit" exception), or ii) are dependant upon the appearance of **another article** of which **the article** is intended by the designer to form an integral part (David I. Introduction to computer law)* (указательная функция).

*Зыбин, забыв обо всем, осторожно **штука за штукой** брал пластинки и бляшки в руки и опускал обратно на вату в коробочку (Домбровский Ю. Факультет ненужных вещей)* (счетная функция).

*That is, the retailer can decide how much profit he wants to make on **an item** (Retailing: a manual for students // Leach, Helen. Oxford: Basil Blackwell Ltd, 1989)* (счетная функция).

Эти имена лишены собственной индивидуальной лексической семантики, они являются отчасти десемантизированными, то есть, по сути, являются семантически “пустыми”, не воспринимаются как самостоятельные полнозначные слова в предложении, поэтому только их контекстуальное окружение в предложении задает их семантическое наполнение:

*Да, ещё одна вещь была в комнате - на стуле, около кровати, лежал **раскрытый атлас птиц** и на нём карандаш - дядя, очевидно, листал его перед сном (Домбровский Ю. Обезьяна приходит за своим черепом).*

*Если данный **объект** по тем или иным причинам не подходит (например, **ближайший банкомат** оказался принадлежащим "чужому" банку), запрос необходимо повторить - система выдаст на дисплей*

телефона очередной вариант (Потресов С. SIM-SIM, откройся Операторы мобильной связи нашли новый источник доходов // "Известия", 2002.02.19).

Where **one unit** is usually sufficient to satisfy the appetite and desire, we tend to keep to just **one unit: one apple, one pear, one orange** (Eyton A. The complete F plan diet).

A **large item** in the contemporary bill of lading-letter of credit practice missing from this list is **the letter of indemnity** issued by banks to prompt the release of goods that arrive prior to the arrival of the original bill of lading (B.Kozolchyk. Evolution and present state of the ocean bill of lading).

Предметные имена широкой семантики устойчиво сочетаются с прилагательными со значением нумеральной единичности:

Разные виды декоративного творчества и ранее стремились к синтезу, к стилистическому единству, к формированию среды (это в их природе), но в общем контексте всегда господствовал **единичный объект**, самоценное произведение (Игры с пространством // "Культура", 2002.04.08).

Выполняя задачу "классификация объектов", больные не только не объединяют в одну группу диких и домашних животных, но каждое из домашних животных выступает для них как **одионый экземпляр** (Зейгарник Б. Патопсихология).

So what happens if we do something similar and look at the world through a **single object** – the apple, for instance? (Healy T. New latitudes).

The body is made from a **single piece of mahogany**, which came as quite a surprise, because at a casual glance you'd think it was ash (Guitarist. Ely, Cambs: Music Maker Publications, 1992).

Прилагательные, образованные от ряда основ предметных имен широкой семантики, передают значение отдельности и единичности объекта:

Индивидуальный предприниматель обратился с иском к Инспекции Министерства по налогам и сборам о признании недействительным ее решения (Состязательность при пересмотре судебных актов арбитражных

судов в кассационном и надзорном порядке // "Арбитражный и гражданский процессы", 2004).

Тренер высокого класса - **штучный товар** (Тренеры и фабриканты. Исторические хроники: 12-18 февраля // "Известия", 2002.02.11).

Для уникальных музыкальных инструментов будет выделено **отдельное помещение** с необходимым микроклиматом, системой охраны (Зачем Страдивари рама? // "Культура", 2002.03.25).

В английском языке такую функцию имеет прилагательное *individual*, образованное путем конверсии от соответствующего существительного:

*It is a personal activity at best, an aid to **the individual teacher, the individual child and the parents** (Managing the national curriculum. // Longman Group UK Ltd, 1991).*

*As well as little headroom, there is less support for **the individual manager** either laterally or vertically (Harvey-Jones J. Making it happen).*

В английском языке для выражения смысла нумеральной единичности характерна аналитическая номинация, несколькословные образования (предложные конструкции) типа *by piece, for item, in one piece, by oneself, on one's own* и т.д.

Онтологический признак целостности как признак единичного объекта выражается аналитически; таким образом, ономаσιологический признак единичности, в отличие от русского языка, вынесен за пределы собственно назывной формы лексемы. Так, одно и то же понятийное содержание выражается разными типами номинации: в пределах одной лексемы, самой лексической семантикой слова в русском языке и несколькословным образованием в английском языке, что иллюстрирует пример соотносительных языковых единиц *платье* и *one-piece garment*:

*Она достала что-то из кармана **платья** (Блинова Е. Время не имеет значения) / She took something from the pocket of her **one-piece garment**.*

Денотативная ориентация определенной лексемы на обозначение в конкретной ситуации целостного, единичного предмета подчеркивается

контекстуальным окружением:

This year, Armani is pairing longer-than-ever cardigan jackets with tiny little shorts in matching suiting, sometimes weaving the two together in a one-piece coat-dress (Clothes Show. London: Redwood Publishing Company, 1991).

Значение нумеральной единичности, передаваемое нумеративами общего языка *один* в русском языке и *one* в английском языке, сохраняется большей частью в их производных и сложных словах, образованных от основ *одн-* и *one-*.

В русском языке производные от основы *одн-* со значением нумеральной единичности представлены аффиксальными (преимущественно суффиксальными) и сложными производными: *одинарный, одиночник, одиночница, одиночно, по-одиночке, однобортный, новинтовой, одnogолосный, одnogoleyка, одnogoletка* и т.д.

Лексема *одинарный* имеет значение «состоящий из одного» и в речи противопоставляется другим лексемам, репрезентующим счетный ряд типа *двойной, тройной, четверной* и т.п.:

*"Бабочки" - это когда фигурист вместо **тройного прыжка** делает **одинарный** (Тарасова Т., Мелик-Карамов В. Красавица и чудовище).*

*И в эту звенящую паузу вдруг проник с воли бронзовый звук рынды - **двойной удар и одинарный** (Конечкий В. Начало конца комедии).*

Лексема *одиночный* имеет следующие ЛСВ: ЛСВ 1 – действующий, существующий в одиночку или совершаемый кем-либо одним; ЛСВ 2 – предназначенный для одного; ЛСВ 3 – отдельный, единичный, обособленный.

*Через несколько лет нас ждут проблемы в **одиночном катании** (Тарасова Т., Мелик-Карамов В. Красавица и чудовище) (ЛСВ1).*

***Одиночная камера**, куда меня привезли этим утром первого августа, чиста, как больничная палата, а надзирательница похожа на кастеляншу дома отдыха (Гинзбург Е. Крутой маршрут) (ЛСВ 2).*

*При этом даже **одиночное попадание** зажигательной ракеты в*

воздухоплавательный аппарат с тонкой мягкой оболочкой, наполненной водородом, практически гарантировало его уничтожение (Алексей Лашков. Ракетами по аэропланам и дирижаблям // "Воздушно-космическая оборона", 2003) (ЛСВЗ).

В сложных словах от основы *одн-* в русском языке второй компонент характеризует денотат как таковой, то есть является носителем ономаσιологического базиса, а основа *одн-* указывает на количественный параметр, является носителем ономаσιологического признака:

*К середине 90-х гг. была закончена прокладка **одноколейной** железнодорожной ветки (недавно железная дорога продлена ещё на 300 км севернее Яньани до города Юйлинь) (Памятные места Китая // Яньань 2002.12.30).*

*Построена аналитическая модель развития ВРМБ в **одномодовом** световоде с учетом ФСМ (Влияние фазовой самомодуляции на вынужденное рассеяние Мандельштама - Бриллюэна в волоконно-оптических линиях связи // "Журнал технической физики", 2004).*

*Полюсом мира стали Соединенные Штаты Америки, но эта **однополярность** предоставляет некую свободу для стран третьего, четвертого порядка, стран с религиозной идеологией, транслирующими ее как главную составляющую своего государственного устройства (Козлова М. Свобода совести и светскость государства: проблемы и решения (1 часть) // Адвокат).*

Функциональную нагрузку, аналогичную основе *одн-* в русском языке, реализуют соотносительные основы *one-* и *single-* в английском языке.

От основы *single-* путем безаффиксального словопроизводства образуются существительное *single* и прилагательное *single*. Ономаσιологическая специфика безаффиксального словопроизводства в том, что оно выражает видение, восприятие обозначаемого в новом ракурсе, в новой категориальной проекции, в данном случае атрибутивная основа

используется для обозначения предмета, показателем чего является использование этой лексемы с артиклем.

Существительное *a single* имеет следующие ЛСВ: 1) комната (в отеле), рассчитанная на одного человека; 2) музыкальный диск, содержащий одну запись; 3) удар в крикете; 4) монета или купюра номиналом в один фунт стерлингов; 5) билет в одну сторону.

*No lift; 17 bedrooms; **single** available (Enterprise lakes and mountains. Enterprise Lakes & Mountains, 1990) (ЛСВ1).*

*There will be a special CD to accompany **a single** from "Out Of Time" album, containing three live songs (New Musical Express. London: Holborn Publishing Group, 1991) (ЛСВ2).*

Прилагательное *single* обнаруживает следующие ЛСВ: 1) единственный; 2) отдельный; 3) предназначенный для одного; 4) холостой, незамужняя; 5) единый:

*It has **a single parameter**: a list of free variables (The laws of Occam programming // Oxford University Computing Laboratory, 1986) (ЛСВ 1).*

*In an ideal environment all the people within **a single organisation** would use the same software (Miscellaneous articles about desk-top publishing) (ЛСВ 2).*

*If you are **single** and ambitious, then your career pattern and development will be important to you, and any prospects for promotion in the longer term are a significant factor when looking for the right opening (Morton-Cooper A. Returning to nursing. A guide for nurses and health visitors) (ЛСВ 4).*

Таким образом, лексема *single* соотносительна по семантическому объему с аналогичной лексемой *одиночный* в русском языке, при этом у них имеется несколько несходных признаков; можно констатировать, что имеет место базовая признаковая общность, пересекающееся наложение смысловых объемов.

Инвариантным значением семантических вариантов данной лексемы является количественное значение единичности.

В сложных словах со значением нумеральной единичности в английском языке элементы *one-*, *single-* выражают ономасиологический признак единичности, а второй элемент – ономасиологический базис слова:

He could make a small one-man plane (McDonald S. The adventures of Endill Swift).

Henry liked the idea of being a single-parent family (Williams N. The Wimbledon poisoner.).

В высказываниях языковые образования от основ *one-*, *single-* часто эксплицитно противопоставляются элементам, выражающим ономасиологический признак множественности: как конкретной множественности (*double*), так и абстрактной множественности (*multi-*):

The colour changer, which allows you to change yarns automatically during either single- or double-bed knitting (Machine Knitting Monthly. Maidenhead: Machine Knitting Monthly Ltd, 1992).

Bray adds that frozen pasta with good quality fillings is especially useful to caterers because it can be made up quickly into either single- or multi-portion dishes without waste (Caterer & Hotelkeeper // Reed Publishing Group, 1991).

However the cross section perpendicular to the shaft, shown in Fig.1.5, reveals the essential differences between the single- and multi-stack types (Stepping motors: a guide to modern theory & practice. Acarnley, P P. UK: Peter Peregrins Ltd, 1982).

Итак, распространенным способом выражения ономасиологического признака единичности в сопоставляемых языках является его передача с помощью лексической основы слова.

Соотношение, аналогичное соотношению ономасиологического признака и ономасиологического базиса производных от основ *одн-*, *one-* и *single-*, наблюдается у слов с префиксами нумеральной единичности: *моно-*, *уни-* в русском и *моно-*, *уни-* в английском языках.

Приставки более автономны, свободны, они независимы от влияния флексий, не несут, в отличие от флексий, информации о грамматических свойствах слова [Земская 1973 : 33], поэтому им менее свойственно бытьотягощенными созначениями и коннотативными компонентами значения, что демонстрирует употребление префиксов со значением нумеральной единичности в русском и английском языках.

Анализ словоупотреблений образований с данными префиксами обнаруживает терминологичность их семантики, преимущественное функционирование в узкоспециальных контекстах:

*Эта ассоциация минералов слагает массивную мелкозернистую горную породу кристаллобластической структуры, иногда образует практически **мономинеральные** породы (гроссуляриты) (Антонов А.. Минералогия родингитов Баженовского гипербазитового массива).*

*Where there is a **monominerallic, or near-monominerallic**, precursor fabric, as in carbonates and evaporites, replacement is commonly by a single mineral (Tucker M. Techniques in sedimentology).*

*Если принять вашу гипотезу о **моногенезе**, то тогда возникает вопрос: к какому времени теоретически, расчетно вы можете отнести возникновение этого **моноязыка**? (Старостин С., Зеленко Г.. У человечества был один праязык // "Знание-сила", №8", 2003).*

*On the other hand, there is a firmly held view on Capitol Hill that America cannot take **unilateral action** in a European theatre (The Economist // London: The Economist Newspaper Ltd, 1993).*

*HyperSparc is being offered in **uni- and dual-processor modules** with 128Kb or 256Kb of cache memory per processor (Unigram x. APT Data Services Ltd., 1993).*

Употребление лексем с этими префиксами в неспециализированных контекстах нередко требует пояснения:

Любой может не только на велосипеде, но и на уницикле (одноколесном велосипеде) научиться ездить, было бы желание (Запись LiveJournal с комментариями).

Наряду с одиночными функционально специализированными средствами выражения количественного смысла нумеральной единичности, были отмечены и случаи использования комбинированных средств передачи смысла нумеральной единичности:

Одна из форм воздействия на реципиента — вовлечение — основана на феномене присоединения индивида к теориям, разделяемым другими людьми, на желании стать такими, как они (Психологические методы воздействия на массовую аудиторию // "Вопросы психологии", 2003).

В данном примере для выражения нумеральной единичности используются агентивный суффикс (соотносится с категорией предметности), счетное слово и противопоставление множеству.

Аналогичный комбинированный набор средств представлен в английском предложении:

McBride, the single most contentious ANC prisoner, received a death sentence after planting a car bomb in 1986 which killed three white women and injured 87 people (Keesings Contemporary Archives. Harlow: Longman Group UK Ltd, 1992).

Здесь используется агентивный суффикс в имени существительном *prisoner*, лексема *single* с интенсивной семой нумеральной единичности и противопоставление множеству.

Итак, мы произвели выделение корпуса языковых единиц в русском и английском языках только с числовой семой, то есть нумеральной семантикой единичности.

Лексемы *один* и *оде* формируют инвариантное значение количественного смысла единичности. Однако функционирование данных лексем не ограничивается выражением только вышеуказанного смысла, языкового эквивалента логической единичности.

Нумеральная единичность – это количественные языковые единицы с семантикой единичности.

3.3. Количественный смысл подчеркнутой единичности и его языковая манифестация в дискурсах

Подчеркнутая единичность представляет собой противопоставление единичного объекта множеству, в данном случае к семе 'один' добавляется сема 'не два, не много'.

Единичный объект также может противопоставляться отсутствию количества или представлять собой множество, состоящее из одного члена, то есть являться уникальным в своем роде:

Бог один, только каждая культура его называет своим именем (Беседа с социологом на общественно-политические темы, Самара // ФОМ (2003.06.10)).

*He had thus made the point, while accepting the royal candidate, that the power of confirmation (which was increasingly insisted upon) lay with **the pope** alone (J. Sayers. Innocent III: leader of Europe 1198–1216).*

*It was the middle of summer, and every day **the sun** shone on the green fields, the white, baked roads, and the cool, dark woods (Jane Eyre: Oxford Bookworms edition. Oxford: Oxford University Press, 1990).*

Степень эксплицитности множества, которому противопоставляется единичность, может быть разной. Количественный состав множества может быть указан эксплицитно:

Она пришла одна, без мужа и детей (Грекова И. Перелом).

–И уху варим, – добавил я во множественном числе, хотя и был один без товарища, на двести верст кругом (Коваль Ю. Ножевик).

*I'd love to go abroad; and **without my friends!**(Mackenzie, D. The truth of stone).*

What's going to happen to you without me behind you? (Long A. *Approaches to spiritual direction*).

Объект также может быть противопоставлен неопределенному множеству:

Андрей бы и рад – но он не может угодить всем (Слаповский А. *Гибель гитариста*).

I take it, therefore, is not a single mirthless bark but a whole sequence of barks (Daily Telegraph, electronic edition of 1992.04.10).

Часто выделение единичного объекта обозначает неполное множество (норма предполагает наличие большего количества таких объектов); актуализируется сема количественной недостаточности, что выражается в основном такими лексическими средствами на уровне синтагматики как интенсивы *только, лишь, всего, всего лишь, один (одна, одно)* в русском языке и интенсивы *only, alone* в английском языке:

В ходе инвестиционного конкурса поступила только одна заявка, причем от иностранного инвестора (Миронцева Я. *Ситуация вокруг АО "Южуралзолото" // "Коммерсантъ-Daily", 1996.01.24*).

Вчера вот на дачу ездила на один только день — бабушку поздравить (Письмо студентки подруге // 2003).

Всего один ген, как установили американские ученые из Университета Мичигана, влияет на способность человека переносить боль (Ген боли // "100% здоровья", 2003).

In one county alone, around five hundred complaints a year are made against officers... but only one in ten are upheld (Central News autocue data).

Should you buy a car, register it in your name alone, that will avoid problems should the two of you ever decide to split up (Liverpool Echo & Daily Post // Liverpool: Liverpool Daily Post & Echo Ltd, 1993).

Как показал дефиниционный анализ словарных статей лексем *один* и *one*, подчеркнутая единичность выделяется как одно из основных значений обеих лексем. Так, в толково-понятийном словаре русского языка

такое значение у лексемы *один* выделяется под номером четыре: «такой, который есть только один и кроме него нет никого, ничего другого, единственный, один, уникальный, первый и последний, не имеющий аналогов» [Шушков 2003: 314].

За один ход каждый из вас может делать от 1 до 5 шагов, но только по горизонтали или вертикали (Козлята в лабиринте // "Трамвай", 1990).

Гагарин за один виток ничего почувствовать не успел, а Титов признался, что его тошнило (Лесков С. Честность понизила орбиту. Был ли счастлив космонавт номер два? // "Известия", 2001.08.07).

В толковом словаре английского языка издательства Macmillan в перечне значений лексемы *one* под номером два находим: «used for referring to a single person or thing when there are others of the same type»¹.

I advise reading this book one entry at a time, and, where possible, following up the footnotes (The Art Newspaper. London: Umberto Allemandi & Company, 1993).

Функционируя в качестве прилагательного, *one* в одном из своих лексико-семантических вариантов по значению синонимично наречию *the only* (единственный): помимо указания на единичность объекта, подчеркивается его уникальность, указывается на то, что множество представлено всего одним объектом; для указания на данное значение используется определенный артикль:

She is the one person I can trust (Houston J. In search of happiness).

Лексема *один* чрезвычайно богата производными, которые выражают значение подчеркнутой единичности, в то время как в английском языке лексема *one* не столь продуктивна, что компенсируется образованием слов со значением подчеркнутой единичности от других основ.

Производные лексемы *один* с доминантным компонентом подчеркнутой единичности и их аналоги в английском языке могут

---

¹ Используется для указания на то, что одушевленный или неодушевленный объект из ряда подобных представлен в единственном экземпляре.

выражать: 1) оценочность (пейоративность): *одинешенек, одинехонек, один-одинешенек, один-одинехонек* / *one and only, only one, just one*; 2) оценочность (мелиоративность): *один-единственный, один-разъединственный* / *one and only*; 3) состояние лица, характеризующееся признаком единичности: *одиночество, одинокость* / *loneliness, solitude*; 4) объект, характеризующийся признаком единичности: *одинокый, одиночный, одинарный* / *lonely, individual, one-man, single*; 5) действие, характеризующееся единичностью производителя: *одиоко* / *lonely*.

Наиболее частотной коннотацией, сопутствующей количественному смыслу подчеркнутой единичности, является обнаруженная нами коннотация 'покинутость, одиночество'.

Сема одиночества в русском языке реализуется:

1) субстантивированным прилагательным *один* и его формой *одна* при обозначении лица:

Впавший в безумие Коляй Коляич остаётся один: он сидит, пригорюнившись, и поёт заунывную татарскую песню (Филиппов А. Спектакль-привидение. Премьера Театра имени Пушкина напоминает о его недавнем прошлом // "Известия", 2003.01.10).

2) прилагательным *одинокый* и его формами *одинокая, одинокое*:

Одинокая цапля, откуда ты тут? (Петрусенко И. Я вдыхаю ветер воли).

Завидев одинокую машину, пьяный пешеход-милитарист ружьишко вскинул и пальнул дробью в лобовое стекло (Ночной ковбой с улицы Робеспьера // "Криминальная хроника", 2003.06.24).

Поодаль стоял одинокий киоск с какими-то дротиками, но он отнюдь не портил пейзаж (Баринов О. Зоологический сад // "Первое сентября", 2003).

В английском языке им соответствуют прилагательные *lonely, lonesome, isolated, solitary*:

*Philip had always led the **solitary** life of an only child (Vernon D. Tiller's girls).*

Сема уникальности, исключительности выражена в словоформах *единственный, один-единственный, уникальный, эксклюзивный, штучный, один-разъединственный*:

*Дружба, правда, выглядит несколько односторонней: "Золотой орёл", как известно, провозгласил себя **единственной кинопремией страны** и "Нику" полностью игнорирует (Кувшинова М. "Ника" отступает, но не сдается. Старейшая киноакадемия объявила о своих планах // "Известия", 2003.02.25).*

Дефиниционный анализ словарных статей лексем *один* и *оде* и их словоупотребления позволил установить значения данных лексем на парадигматическом и синтагматическом уровнях соответственно и выявить синонимичные средства выражения подчеркнутой единичности на лексическом уровне. Кроме того, для расширенного поиска синонимов были использованы синонимические словари русского и английского языков.

Значение подчеркнутой единичности является ядром лексической семантики лексем *единственный, уникальный, исключительный, неповторимый, одиночный, одинокий, наречия единственно, в одиночку* в русском и лексем *single, alone, exclusive, solo, individual, lone, on one's own, by oneself, unaccompanied, matchless, incomparable, in isolation, lonesome, isolated, abandoned, peerless, unequalled, unsurpassed, unique*, наречий *lonely, solely* в английском языке.

Единственный знак природы - дзен-буддистская цветущая ветка в старом облупившемся садовом кашпо, какие стояли в советских парках культуры (Спасительная эстафета игры // "Экран и сцена", 2004.05.06).

*He gave her **a single** red rose (Potter D. Hide and seek).*

*That was **a single bedroom** (for the use of one person only) (Macgregor M. Wilder's wilderness).*

*I was **solely** responsible for the accident (Leach H. Retailing: a manual for students).*

Тожественными вышеуказанным синонимам по денотативной семантике являются слова-интенсивы *только, всего, лишь, всего лишь, только лишь, еще, хоть* в русском языке и их аналоги в английском *only, just, mere, merely, nothing but, no more, purely*.

*В комплекте **всего один** нож и одна вилка, зато универсальные — подойдут для любого блюда (Орудие аристократа // "Homes & Gardens", 2004).*

*И, конечно, угощение будет — **ещё один** повод похвастаться перед подругами умением жарить, парить и печь праздничные вкусности (Обязьяна, появись! // "Уральский автомобиль" (Миасс), 2004.01.17).*

*К зданию института от метро ходит **только один** автобус (Гончаренко Е. Сад ботанического значения // "Столица", 1997.09.02).*

***Just one more minute** (Gay A. The brooch of azure midnight).*

*He sent me a card, Paz said, **just one line** (Bragg M. The Maid of Buttermere).*

Для русского языка характерно более широкое использование элементов грамматической системы для выражения подчеркнутой единичности:

*Куно Иванович выяснил: таких **отказавшихся** был всего **один человек** (Трифонов Ю. Дом на набережной).*

Прилагательное ***отказавшихся*** предполагает референциальную отнесенность ко множеству объектов, однако в данном контексте множество представлено только одним членом, и рассогласование прилагательного и существительного по числу вербализует это ситуационное расхождение.

Экспрессивность выражения единичности может поддерживаться более широким контекстом с использованием различных средств указания на единичность:

Капитан Пэ был дьявольски, отрешённо одинок. Сирота, многократно и несчастно влюблявшийся в красоток королевских родов, он единственным и верным другом своим имел кусок разумного мха по кличке Аристотель (Angels Chinese // Запись LiveJournal 2004).

В данном примере кроме краткого прилагательного *одинок* использованы наречие *дьявольски* с ярким контекстуальным компонентом степени (=совершенно одинок), наречие *отрешённо* с коннотативным компонентом отделенности, отчужденности; лексема *сирота* с семой одиночества; ситуационный компонент наличия *единственного*, только одного, в отличие от нормы, друга (выделенная + подчеркнутая единичность).

Наряду с лексическими средствами выражения подчеркнутой единичности используется такое словообразовательное средство, как образование прилагательных и наречий с помощью повторения основ, что, несомненно, повышает смысловую выделенность характеристики единичности объекта: *один-единственный, всего-навсего, один-одиношенек, один-одинохонек, один-разъединственный*.

Кроме того, в структуре таких образований часто присутствуют суффиксы или приставки субъективной оценки (*один-одинохонек, один-разъединственный*), что также повышает экспрессивность данных языковых единиц.

В английском языке то же самое значение выражается не словообразовательными средствами, а с помощью связки *and: one and only*.

Важную роль в русском языке играют морфологические средства выражения подчеркнутой единичности, что обусловлено его флективным характером: «Большая часть суффиксов существительных потенциально включает в себя указания...на категорию числа» [Виноградов 1972: 34].

Следует отметить, что единичность приобретает тем более подчеркнутый характер в выделенных нами в предыдущей главе

ономасиологических разрядах существительных, чем меньший вес имеет сема 'дискретность' в их лексической семантике.

Такая закономерность имеет онтологические основания: в окружающей действительности данные объекты не имеют четких границ, они представляют собой некую совокупность, множество, и лишь человек в целях познавательной деятельности некоторым образом "искусственно" выделяет единицы таких множеств.

Так, в русском языке существительные со значением единичности производятся от основ вещественных существительных с помощью суффиксов: **-ин(а)** – (*горошина, картофелина, штанина*); **-инк(а)** – (*пылинка, икринка*).

*Да нет, не терял он нож,— сказал я, отмахиваясь от дыма, вылавливая ложкой **картофелину** из котелка (Коваль Ю. Ножевик).*

Герасим набил трубку, выкатил из костра уголёк и, перекатывая его на ладони, вложил в трубку (Арцыбашев М. Санин).

Данный словообразовательный способ выражения подчеркнутой единичности в русском языке продуктивен, на его основе образуются различные окказионализмы:

***Железочка...** — с неожиданной для "романтика" нежностью проговорил он (Аксенов В. Романтик Китоусов, академик Великий-Салазкин и таинственная Маргарита // "Лит. газета", 1973).*

*Раздетый, он оказался белым и тонким, как **макаронина** (Грекова И. На испытаниях).*

*Какая-то **шерстинка** запомнилась на спинке дивана... (Грекова И. Летом в городе).*

Такой же способ выражения подчеркнутой единичности характерен для условно недискретных существительных и названий масс, веществ; функционально ему эквивалентен способ выражения единичности с помощью различных партитиваторов типа *зернышко, крутинка* и т.д.:

А здорово ты его !— сказал Костя, выгребая из травы зёрнышко овса (Прыг, скок - не в траву, так в мешок // "Российская охотничья газета", 2004.12.15).

Уменьшительные суффиксы обозначают не только ограниченные размеры предмета в пространстве, но и его подчеркнутую единичность, отделенность от множества, о чем говорит их совместное функционирование в контексте:

Пальчики у него были пёстрые, белые с розовым, такие крошечные, такие отделанные, и на конце каждого пальчика — малюсенький перламутровый ноготь, размером не больше рыбьей чешуйки (Трекова И. Первый налет).

Малюсенький перламутровый ноготь – прямое указание на единичность, *рыбья чешуйка* – соотносится с единичным предметом, подчеркивает единичный характер объекта.

При перечислении *пылинка* противопоставляется пыли как единичный, дискретный объект в отличии от некоторой массы *пыли*, неопределенной по своим физическим очертаниям:

Прах, пыль, пылинка, частица, тело (Битов А. Рассеянный свет).

В английском языке существительные со значением единичности производятся от основ вещественных существительных и условно недискретных существительных с помощью конструкции *partitиватор + of + N*:

Each candidate is permitted one postage-free mailing of one piece of election literature (Bruce S. God save Ulster!).

She looked down into her lap, plucked a blade of grass, and twisted it in her fingers (Chisnall E. Bell in the tree. The Glasgow story.).

При специфических условиях, которые связаны с дискретизацией предметов, можно подсчитать и нематериальные объекты, тогда относительные абстрактные имена и собирательные имена приобретают свойства дискретной квантитативности:

*But if you come to play laser quest **one word of advice**; don't wear a white shirt or everybody shoots at you (Poole D. The Lifeboat).*

***One item of evidence** in favour of these ideas is the behaviour of comets (Grant, J. The great unsolved mysteries of science).*

***Представитель коллектива** Фемиди увел коня у единоличника-миллионера (И. Ильф, Петров Е.. Золотой теленок).*

*Каждая **единица продукции** компании "ОМЕГА" имеет гигиеническое заключение, подтверждающее безопасность ее применения для производства пищевых продуктов (Высокая конкурентоспособность - путь к успеху // "Мясная индустрия", 2004).*

Таким образом, способ дискретизации относительных абстрактных и собирательных имен в русском и английском языках основан на использовании предметных слов широкой семантики.

Для родовых имен также характерен данный способ дискретного представления:

*Но и один **предмет мебели** этой марки способен задать тон убранству дома (ИКЕА заложила камень №4 // "Мебельный бизнес", 2003).*

*Yasmin Le Bon is a super model, the girl whose ability to transform **a piece of clothing** into an event means she's a favourite with top designers everywhere (Woman. London: IPC Magazines Ltd, 1991).*

Подчеркнутая единичность представляет высокочастотную разновидность из количественных смыслов единичности как в русском, так и в английском языках.

Данный факт находит объяснение в том, что познавательная деятельность связана с дискретизацией действительности, выделением определенных устойчивых статичных единиц. С этой целью человечество разработало систему разнообразных измерителей субстанций, в природе не представленных в дискретном виде.

3.4. Квантитативный смысл выделенной единичности и его языковая манифестация в дискурсах

Указание на определенный, *уникальный* объект достигается в языке с помощью выделенной единичности, когда к семе 'один' добавляется сема 'именно этот, а не другой'.

Выделение бытия (субъективно или объективно) есть становление его определенности различия «одного» [Прерывное и непрерывное : 171].

Для описания квантитативно определенного предмета он должен быть качественно охарактеризован. Большинство ученых указывает на роль категории качества, которая предопределяет форму познания квантитативности. Количество зависит от качества не только по определению, но и потому, что познание качества предшествует познанию количества.

Индивидуализация отдельного предмета возможна через соотнесение с ним системы признаков, которые в своей совокупности как бы гарантируют индивидуальность объекта [Количественность 1998 : 210].

Практическая необходимость в индивидуализирующем познании предмета возникает тогда, когда он не может быть заменен любым другим предметом того же класса. Средством выражения выделенной единичности являются квантификаторы исключения *кроме, за исключением, за вычетом, не считая* в русском языке; *except, with the exception of, minus, without taking into consideration, not taking into account* в английском языке и синтаксические конструкции с ними:

Мне никто не нужен, кроме тебя (Осеева В. Динка прощается с детством).

И ничто нам не мило, кроме поля боя при лунном свете (Гроссман В. Жизнь и судьба).

Everybody stopped except a red car (Chester P. Murder forestalled).

*I would add that toy manufacturers used a good deal of imagination and licence when they produced their models, perhaps **not taking into account the keen eye** of FlyPast readers! (FlyPast. Stamford, Lincs: Key Publishing, 1991).*

Часто для подчеркивания единичного статуса определенного объекта используется отрицание:

*Нас **никто** не любит, если не считать уголовного розыска, который тоже нас не любит (Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев).*

*He was found near Aguilares, naked, **nothing but his body** (Women of El Salvador. Thomson, Marilyn).*

*So we have **nothing but Madame Lavender's word** that the article is missing? (Hockin B. Cue Bruce).*

Следует отметить, что на употребление квантификаторов исключения для выражения идеи выделенной единичности накладывает ограничение лексическая семантика слов; так, их сочетание с именами недискретного характера не реализует значения единичности:

*Его лицо не выражало **ничего, кроме решительности** (Астафьев В. Обертон).*

*He had **nothing but the highest praise for you** (The good terrorist. Lessing, Doris).*

*They are brutally murdered yet their deaths provoke **nothing but silence** (Bennetts P. Тора.).*

Для выражения квантитативного смысла выделенной единичности в сопоставляемых языках широко используются разнообразные лексические средства: 1) Прилагательные, в том числе в превосходной степени:

*В простенке между окнами висели стек, **тропический пробковый шлем и охотничий нож в футляре** (Домбровский Ю. Обезьяна приходит за своим черепом).*

***The round, hard face** with its halo of glinting metal bolts was the first thing the animal remembered seeing on regaining consciousness in the small cage (Climber and Hill Walker // Glasgow: George Outram & Company Ltd, 1991).*

The Church of St Nicholas is the greatest Baroque church in Prague (Abel Smith, L. A guide to Prague).

2) Причастия и причастные обороты:

Увитая каприфолью беседка, стена, сплошь покрытая зеленым ковром, скамейка, спрятавшаяся за плетями душистых роз, – это именно те нюансы, которые придавали саду необычайно романтический вид (Немова Е. Садовые декорации // "Сад своими руками", 2003.05.15).

She remembered a Christmas Day evening, a fading, flickering fire, golden wrappings, a snoozing baby (Martin L. Garden of desire).

3) Порядковые числительные:

Судя по ряду признаков, предстояла ещё одна волна — третья и решающая (Трекова И. Без улыбок).

The second defendant had made a large number of deliveries to and collections from the premises on Capricorn's account (Independent, electronic edition of 1989.10.04 // London: Newspaper Publishing plc, 1989).

4) Указательные местоимения:

Эта модель сменила менее скоростную DCP-8020 (Лукияненко И. "Брам" в цвете // "Computerworld", 2004.07.02).

Will you please identify this bronze item found at a depth of 4in? (Treasure Hunting // Brentwood, Essex: Treasure Hunting Publications, 1991).

5) Другие средства, выражающие очередность:

Перед тем как покинуть остров было ещё одно последнее место, которое надо было посетить (Варламов А. Кунавна).

One is a 1963 built third-class passenger vehicle numbered 5856, and liveried in the former Great Western colours of chocolate and cream (Steam Railway News // Southport: 10A Birkdale Trading Estate, 1992).

Для выражения значения выделенной единичности в английском языке также широко используются:

1) Определенный артикль *the*:

*We're going to play with **the one team** we did not want to play (Francome C. Colin the Clown's party book).*

*She found herself in **the one spot** that gave her no shelter from the rain (Pargeter E. Bloody field by Shrewsbury).*

б) Конструкция *one + of*, которая используется для обозначения выделенности объекта из группы подобных (представитель однородного дискретного множества):

*Ours was **one of the top four boats** in the competition (Central television news scripts // Abingdon: Central TV, 1993).*

*That was **one of the buildings badly damaged** in the fire (Dogs Today // Windsor: Burlington Publishing Company Ltd, 1992).*

в) конструкция *one...the other*; при использовании этой конструкции указывается, что множество состоит из двух подобных объектов, где лексема *one* выделяет один из них: *She laid on the sofa with a glass **in one hand** and an empty bottle **in the other** (Howell B. Dandelion days).*

Часто для выражения этого значения *one* выполняет функцию номинализатора прилагательных, когда акцент делается на каком-либо признаке, по которому выделяется объект, а номинализовать прилагательное напрямую нельзя.

Речь в данном случае идет о наличии рубашек определенного размера. Номинализовать прилагательные *green* и *blue* напрямую в виде *greeny* и *blue* лексическая семантика английского языка не позволяет.

*We've got only **green one** available, no **blue one**, sorry (Devonald R. Basil Roche: artist and teacher.).*

В данной функции *one* часто обозначает людей, выделяемых из множества всех людей по какому-либо качеству, таким образом обозначая носителей данного качества:

***The clever ones** always come out on top (Dillon A. Another time, another season).*

В данном случае показательна связь значения единичности, выражаемой местоимением *one*, с категорией предметности.

Являясь словом-заместителем ранее стоящего существительного и комбинируясь с такими показателями определенности, как указательные местоимения или определенный артикль, местоимение *one* однозначно выделяет объект из множества:

–Was it Peter who you were talking with?

*–Yes, he was **the one**! (Watts, N. Billy Bayswater).*

В следующей ситуации речь идет о книгах.

*I want just **this one** (and no other)(Watts, N. Billy Bayswater).*

Следует отметить важность контекста для понимания значения, выражаемого лексемой *one*. Так как синтаксические, а также морфологические (в случае с использованием лексемы в единственном числе) характеристики лексемы *one* в функциях выражения количества и в функции индивидуализации объекта, то есть предметности, часто идентичны, только контекст может прояснить значение лексемы. В следующем примере речь идет о печенье:

*First I ate **one**, then **another one** ...(Watts, N. Billy Bayswater).*

Говорящий подчеркивает не количество съеденного, а указывает на то, что он попробовал разные виды печенья.

*First I ate **one**, then **one more** ...(Watts, N. Billy Bayswater).*

Теперь же говорящий сообщает именно о количестве съеденного печенья.

Понятия, не имеющие отчетливо дискретного экстенционала, выделяются с помощью пространственной и временной локализации. Это относится в первую очередь к абстрактным и вещественным именам:

*Дай мне молоко, **которое я купил вчера** (Улицкая Л. Пиковая дама).*

*Принеси мне молоко, **которое лежит на верхней полке холодильника** (Бакланов Г. Дурень // "Знамя", 2002).*

The riot that took place in June was the longest ever (Daily Telegraph, electronic edition of 1992.04.16 // London: The Daily Telegraph plc, 1992, World affairs material).

He was drinking the vine from the cellar (Gandolfi S. Alistair MacLean's golden girl).

Для реализации количественного смысла единичности могут быть задействованы эмпатические синтаксические конструкции:

Именно это обстоятельство помешало гонимому финишировать в тройке лидеров (Автогонки-1 // Форум forumsport.ru, 2005).

I'm sure this was a typing error but it did confuse an excellent article (Autocar and Motor // Teddington, Middlesex: Haymarket Magazines Ltd, 1991).

Таким образом, индивидуализация (дифференциация) единичных объектов может осуществляться тремя основными способами – через некоторую совокупность свойств объекта (в определенном смысле через его “материю”), пространственно-временные координаты и число.

3.5. Количественный смысл неопределенной единичности и его языковая манифестация в дискурсах

Объект, являющийся референтом количественного смысла неопределенной единичности, является единичным, а значение неопределенности создается в силу того, что данный объект входит в множество объектов того же класса, и он по какой-то причине не выделен из этого множества, так как не идентифицирован с каким-то одним определенным объектом этого множества. Таким образом, при употреблении неопределенной единичности как разновидности количественного смысла единичности к семе ‘один’ добавляется сема ‘неизвестно, какой именно’.

Ядерным средством выражения единичности на лексическом уровне являются лексема *один* в русском языке и лексема *one* в английском языке.

Данные лексемы могут выражать значение единичности наиболее однозначно, без сопутствующих созначений и коннотаций.

Лексема *один* в русском языке в одном из своих лексико-грамматических значений действует как средство выражения неопределенности, выступая в роли неопределенного местоимения:

Один человек умел присесть на месте 14 раз (Мостовщиков С. Начало // "Столица", 1997.07.29).

Один болгарский певец упал с верхнего яруса в партер и разбился (Архипова И. Музыка жизни).

Один раз попалась мне даже очень дорогая заводная игрушка – крошечный автомобильчик (Николай Ванин. Летние покатушки // "Хулиган", 2004).

I knew one person in London (Carter P. Bury the dead).

In one little shop, the lady behind the counter shouted aloud with excitement and joy as soon as she caught sight of my plastic bag (Kerridge R. Jaunting through Ireland).

On one occasion he went with Ken to visit Charlie and Lou in their basement flat in Kensington (Wilson A. S Lewis: a biography).

В первых двух примерах (и в русском, и в английском варианте) выражается неопределенность, связанная с выделением объекта из множества, в последнем из примеров – временная неопределенность.

Лексемы *один* и *one* в данном значении могут употребляться как с именем существительным или субстантивированным прилагательным, так и самостоятельно:

А из голландцев один интересуется серьёзно народами российского Севера (Письмо из зарубежья женщины сестре в Москву 2002).

Каких только гостей не принимали! Один запомнился – злой (Лев Дурнов. Жизнь врача. Записки обыкновенного человека).

Police have issued a description of one of the men (Rendei R. The best man to die).

One came running (Dewar M. Day in the life of the British Army.).

Данное употребление лексемы *один* выражает слабую неопределенность – то есть говорящий может, но не желает конкретизировать объект, выделить его из множества.

В силу закреплённости порядка слов в русском языке лексема *один* образует синтаксическую конструкцию с предлогом *один + из*, обладающую элективным значением и также передающую слабую неопределенность.

Один из концов теплосборника закупорен (Солнечная сушилка // "Вечерняя Москва", 1953.03.04).

На исходе советских времен, в начале восьмидесятых, один из руководителей одного из предприятий Барнаула ненавидел одуванчики (Это наша с тобой биография, панимашь! // "Свободный курс", 1997.01.23).

Лексема *one* в английском языке также может функционировать в роли неопределённого местоимения, выражая следующее значение: «a particular but unspecified person or thing»¹ [Longman 2001 : 175]. Очевидно, здесь мы также имеем дело со слабой неопределённостью, так как объект является определённым, выделенным из множества для говорящего, но он предпочитает не указывать на него однозначно и точно.

One woman told me she used to have a great view from her window across a local park (Wilson A. Finding a voice: Asian women in Britain).

They went to see it and came back and had a meeting one night in New York, and they made a list of the fakes (Maitland S. Three times table).

Аналогичную функцию выполняет синтаксическая конструкция *one+of*:

Here we publish one of his last interviews, made in 1966 (Cockcroft L. Africa's way: a journey from the past).

One of the guns found in West Belfast recently had been stolen from a police inspector in 1988 (Elioι T. The savage and the city).

---

¹ Определённое, но не обозначенное лицо, человек или предмет

Еще одним средством обозначения неопределенной единичности являются неопределенные местоимения типа *какой-нибудь*, *некий* в русском языке и *someone*, *something* и т.п. в английском языке в сочетании с существительным в единственном числе:

*При светлом небе громыхало неподалёку, и находил на лес пасмурный свет — только **какая-нибудь** сосна вспыхивала под одиноким лучом* (Коваль Ю. Гроза над картофельным полем).

*One day in early spring from her perch in the beech Marian saw **something white** moving in a gash in the forest where a tree had fallen in the winter gales* (Clifford D. The affair of the forest).

Значение неопределенности, выражаемое лексемой *один* в русском языке, сходно со значением неопределенных местоимений *кое-кто*, *некто*, *какой-то*, *кто-то*, *какой-либо* и т.п. Функция «один» в данном случае сходна с функцией неопределенного артикля в английском языке.

***Какой-то** человек подошел к полицейскому* (Пылаев И. Полицейское прикрытие // "Еженедельный журнал", 2003.03.17).

*Gallagher struggled; **a man** cuffed him across the mouth as one would a bucking horse* (Hayden, T. The killing frost).

Следует отметить, что само название предмета в русском языке уже указывает на его единичность, для указания на единичность не используются какие-либо особые языковые маркеры, и неопределенная единичность на этом фоне часто акцентируется изменением порядка слов:

*Я вам не **прибор какой-нибудь*** (Василий Аксенов. Звездный билет // "Юность, №6, 7", 1961).

*Я не **миллиардера какая-нибудь**, чтобы зря деньги кидать* (Грекова И. "Скрипка Ротшильда).

*Прекрасно сшитый **двубортный костюм от какого-нибудь итальянского Марко** ещё больше оттеняет дымную белизну лица с проступившей дряблостью* (Распутин В. Новая профессия).

В последнем примере имя собственное используется как нарицательное и поэтому имя *Марко* не называет конкретного человека, а неопределенного представителя группы итальянских портных. Аналогичное значение неопределенности в сочетании с именем собственным в английском языке передает неопределенный артикль [Quirk, Greenbaum, 1983 : 35-38], при употреблении с именем собственным он указывает на то, что говорящий лично не знаком с упоминаемым лицом и слышал о нем от других:

*It also brought up the art quote of the year, from **one** Ziff Fistrunk , director of the Southside Chicago Sports Council, who organised the protest (Independent, electronic edition of 1989.10.14).*

*Back in 1831 the man of the moment was **one** Squire George Osbaldeston (Bedford J. The titron madness.)*

Отличие от русского языка, в английском языке существует такое эксплицитное средство обозначения неопределенности как артикль. При неопределенной референции с исчисляемыми существительными в единственном числе употребляется неопределенный артикль, а с неисчисляемыми существительными и исчисляемыми во множественном числе – нулевой артикль, либо, по другому определению, значащее отсутствие артикля [Рейман 1988].

А.И. Смирницкий называет классифицирующее значение, то есть указание на предмет, но не выделение его из множества, основным значением неопределенного артикля [Смирницкий 1957]. При этом он отмечает, что степень конкретизации предмета может быть различной, что четко прослеживается на примере вторичной номинации того же предмета в последующем контексте.

Так, одно и то же существительное *a book* в предложении *Bob wants a book* в зависимости от намерений говорящего может обозначать какую-то конкретную книгу или любую книгу. В первом случае при вторичной номинации используется местоимение *it*, во втором – *any*:

*Bob wants **a book**. Its title has escaped me.*

Bob wants a book. Any will do. (Smith J. Fairs, feasts and frolics.).

Генетически неопределенный артикль *a* происходит от лексемы *one* в функции неопределенного местоимения, что объясняет возможность их взаимозаменяемости в определенных контекстах:

I heard of one / a case when a 12-year-old boy was sent to prison (Francis D. The edge.).

Таким образом, квантитативный смысл неопределенной единичности предполагает конкретизированное количественное значение единичности, референтную соотнесенность с одним объектом; однако этот объект по какой-либо причине эксплицитно не идентифицируется.

3.6. Взаимодействие квантитативных смыслов: синкретизм категории единичности

Квантитативные смыслы в речи активно взаимодействуют между собой, реализуя коммуникативную интенцию говорящего.

В качестве наиболее частотных типов комбинированной единичности при анализе исследуемого материала выделены следующие ее разновидности:

1) Подчеркнутая + выделенная единичность.

Данный тип комбинированной единичности реализуется в основном комбинацией указательных местоимений и различных интенсификаторов:

Из всего огромного ее фамильного имущества волной на сушу вынесло лишь эту швейную машинку, с которой она на долгие годы слилась в одно существо (Полянская И. Прохождение тени).

Теперь я приезжаю в Петербург и встречаю только эту пожилую женщину – Натэllu (Снивакова С. Не всё).

Usually the grading took place within one year only, the Upper Fifth (MacLeod, S. The art of starvation).

*Unless frequent pin points can be obtained during the descent, errors in position of 20 miles or more can easily occur, **and this factor alone** limits cloud flying to days on which large clouds are isolated so that there are clear areas between them (Piggott, D. Gliding safety).*

Частым является использование сочетания прилагательных с доминирующим семантическим компонентом подчеркнутой единичности и превосходной степени прилагательных, однозначно выделяющей объект из множества:

*Это была встреча женщины, которой был нужен я, и это была встреча меня с **единственной, самой нужной** женщиной (Эппель А. Бутерброды с красной икрой).*

*Письмо вмешалось в его жизнь, оно не давало додумать **один-единственный, самый главный** вопрос, который можно было окончательно распутать только с глазу на глаз о тем черным одноглазым, который все решит, разом освободит от всей этой по всем швам расползшейся жизни.*

*Он окончил Казанский университет по специальности "физическая химия", но лишь одна - **самая первая** - его публикация не посвящена марксизму (Горелик Г. Андрей Сахаров. Наука и свобода).*

*Lehzen was **the greatest single influence**, and that for good, in the formative period of the character of the lonely, little-loved princess (Paxman, J. Friends in high places).*

Ту же функцию выполняет комбинация лексем *один* и *опа* с различными интенсификаторами и определительные обороты:

***Один только русский сегмент** глобальной Паутины, по оценкам на конец июня 2003 года, составляет 96 миллионов уникальных документов, занимающих в общей сложности 2, 5 гигабайта (Антон Носик. Самиздат, Интернет и профессиональный читатель // "Отечественные записки", 2003).*

***Одна только маленькая девочка** осталась (Виктор Пелевин. Синий фонарь).*

Телефонного аппарата тоже не нашлось - **один только мертвый провод**, из которого никакими силами нельзя было выбить даже малой искры (Волос А. Недвижимость).

One article alone by Emily Gwathmey on the architecture of American cinemas was worth the price of admission to the May/June issue (Sallis S. Daughters of the moon).

*If you are totally fed up, **one extra bar of chocolate or cake or any one single luxury item** is not going to set you back to square one (Ashcroft J. Get slim and stay slim).*

*But I also know that Gordon Wilson's view is **the only one worth aspiring to** (The Belfast Telegraph).*

2) Неопределенная + выделенная единичность

Эта разновидность комбинированной единичности реализуется в основном комбинацией лексем *один* (*одна, одно*) в значении неопределенности с различными определительными конструкциями в русском языке и лексемы *one* либо неопределенного артикля с определительными конструкциями в английском языке:

*Он умел делать **один плохонький фокус** (Емец Д. Таня Гроттер и магический контрабас).*

*The name of **one person**, we may notice, was conspicuously absent from Benjamin's 1879 will (Titford J. The Titford family 1547–1947).*

*И если для того, чтобы спасти жизнь одного человека, научиться лечить **одно человеческое заболевание**, надо уничтожить в лабораториях сто тысяч, да сколько угодно животных, вопросов нет (Людмила Улицкая. Путешествие в седьмую сторону света).*

*I have also enclosed **an article to add to the considerable amount of reference material** you should now be holding on this subject (Miscellaneous unpublished material from Campaign for the Preservation of Rural Wales).*

Функцию лексем *один* и *one* в данном типе конструкции могут играть неопределенные местоимения какой-нибудь, некий в русском языке и *some* в

английском языке:

Нужно непременно зайти в контору и переодеться - там всегда найдется какой-нибудь бесхозный ватник и рабочие штаны (Белозеров А. Чайка).

Ранее многие исследователи христианства были убеждены, что здесь покоится некий знатный грек (Наука ищет истину в генах // "Знание-сила", 2003).

*This eighteenth century mansion was bought by **some rich** Portuguese trader (Conran S. Crimson).*

***Some large international bank** was operating separate export service subsidiary companies that made credit available to overseas buyers (Accountancy // London: Institute of Chartered Accountants, 1992).*

Выделение объекта из множества может осуществляться с помощью прилагательных в превосходной степени, однако при этом сам объект однозначно не идентифицируется:

*Нужно выделить **какую-то одну самую важную** проблему (Конузин А. Выступление на официальном заседании СБ ООН по Тимору-Лешти // "Дипломатический вестник", 2004).*

*We first met **one of the finest sunny** days last July (Daily Telegraph, electronic edition of 1992.04.06).*

Для английского языка в этой функции характерен оборот *one+of*:

*He invited **one of the two leading** Christian thinkers (Lincoln P., Kaufmann T. High risk lives.).*

***One of the most interesting** ingredients will follow (Bergan, R. Dustin Hoffman).*

Значение неопределенности в сочетании с определительными конструкциями могут создавать имена широкой предметной семантики: референция осуществляется по отношению к единичному объекту, однако сам объект точно не идентифицируется:

*Из пристройки появилось део людей; один нес какой-то **предмет из***

отполированного дерева, другой - серый фаянсовый сосуд (Ефремов И. На краю Ойкумены).

He was carrying a white plastic bag containing some large article and with the word "Halfords" printed on the side (East Anglian Daily Times // Ipswich: East Anglian Daily Times Company, 1993).

Как видно по представленным примерам, наиболее активен в плане образования комбинированных смыслов единичности количественный смысл выделенной единичности. Данный факт можно объяснить тем, что единичность в языковом мышлении прежде всего мыслится не как количественный параметр объекта (единичность объекта легко наблюдаема), а прежде всего как выделенность объекта по какому-либо признаку из общей массы или какого-либо множества объектов. Поэтому говорящий семантизирует понятие единичности, прежде всего выделяя объект по какому-либо признаку.

3.7. Статистическая характеристика количественных смыслов единичности в сопоставляемых языках

Количественный анализ представленности семантических модификаций единичности в двух языках показан в таблице 3 на с.197. Напоминаем, что в нашем исследовании использовано 10 тысяч контекстов (высказываний), примерно в равных количествах по языкам.

Из данных таблицы видно, что в целом чистые количественные смыслы равномерно представлены как в русском, так и в английском языках, а комбинированные способы выражения единичности представлены в сопоставляемых языках реже.

Однако, если в русском языке процентное соотношение количественных смыслов подчеркнутой и выделенной единичности вполне сопоставимо (22% и 26%), то в английском языке количественный

Таблица 3

Статистическая характеристика представленности количественных смыслов в сопоставляемых языках

Тип количественных смыслов	Чистые смыслы					Комбинированные смыслы		
	Нумеральная единичность	Подчеркнутая единичность	Выделенная единичность	Неопреде- ленная единичность	Неопределен- ная + выделенная единичность	Подчеркну- тая + выделенная единичность	Другие комбиниро- ванные виды единичности	
Русский язык	13%	22%	26%	23%	4%	8%	4%	
Английский язык	15%	17%	31%	15%	6%	12%	4%	

смысл выделенной единичности явно доминирует (31% и 17%), что объясняется ролью определенного артикля *the*, который, по данным словаря Longman [Longman 2001], составленного на основе данных о современном английском языке Британского национального корпуса, является самым употребительным словом как в письменном, так и в устном варианте английского языка.

Функционально-семантическое поле - это непосредственная языковая данность, лежащая на поверхности, на уровне непосредственного наблюдения.

Таким образом, анализ ФСП единичности в двух аспектах (системно-категориальном и конкретно-смысловом) позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, на основе сопоставления ФСП сопоставляемых языков, а именно, в результате обобщения инвариантных базисных признаков, лежащих в плане содержания ФСП, мы получаем представление о понятийном поле единичности (универсальной понятийной зоне).

Так как категория единичности в исследуемых языках обнаружила базовую признаковую общность, мы считаем возможным принять единую для русского и английского языков структуру ФСП единичности в понятийном аспекте. Понятийное поле рассматривается в отвлечении от плана выражения; элементами структуры понятийного поля являются количественные смыслы.

Во-вторых, сопоставляемые языки демонстрируют различия в плане собственно языковой манифестации количественных смыслов; представленность количественных смыслов в языковом отражении понятийного поля единичности различается.

3.8. Структура ФСП единичности в русском и английском языках

Вследствие несовпадения лексического и грамматического значений в ФСП единичности выделяются два ядра – лексическое и грамматическое,

одно – с лексемами *один* в русском языке и *one* в английском, другое – с категориальным значением формы единственного числа соответственно.

Ядра находятся в постоянном взаимодействии, поскольку в синтагматике форма единственного числа имени существительного может либо сочетаться с лексемами *один* в русском языке и *one* в английском, либо нет. В этих случаях одно из ядер выполняет как бы служебную, избыточную функцию, подкрепляемую значением, передаваемым другим ядром.

В английском языке неопределенный артикль в исходных числовых значениях является связующим звеном между двумя ядрами; в препозиции к именам существительным неопределенный артикль и лексема *one* для выражения значения единичности часто функционально взаимозаменяемы.

По результатам нашего исследования, в качестве лексического ядра ФСП единичности в русском языке мы принимаем лексему *один*; в английском языке ядро соответствующего ФСП представлено лексемой *one*.

Центральное положение вышеуказанных лексем в соответствующих ФСП обусловлено, в первую очередь, универсальностью их семантики: они могут выражать все основные смысловые оттенки единичности и, таким образом, в структуре ФСП единичности находятся на пересечении трех количественных смыслов единичности, выделенных по результатам анализа языкового материала.

Данные лексемы могут наиболее однозначно выражать значение единичности, не осложненное сопутствующими созначениями и коннотациями (в абстрактном, математическом значении).

В синтагматике они сочетаются с именами свободно исчисляемых предметов, которые наиболее последовательно обозначают противопоставление единичности и множественности формами числа, являются основой языковой парадигмы категории числа и выразителями ее грамматических функций.

На частеречном уровне семантика единичности концентрируется в имени существительном как основном выразителе категории предметности.

Наряду с квантитативами *один* в русском языке и *one* в английском, центром именной единичности в языке являются предметные имена широкой семантики – *предмет, вещь, штука, член, элемент, отдел, объект* в русском и *thing, item, article, object* в английском. Данные лексемы являются отчасти десемантизированными, семантически “пустыми”, не воспринимаются как самостоятельные полнозначные слова; в предложении выполняют функцию указательных и счетных слов.

Способность к десемантизации данных лексем реализуется в их использовании в предложении как словозаменителей, которые приобретают все категориальные и функциональные признаки замещаемых слов. Они обозначают материально целостный объект, связаны с познавательной процедурой индивидуализации, отождествления, исчисления объектов.

В околоядерной зоне лексических ядер ФСП единичности в двух языках сконцентрированы конституты с доминирующим компонентом единичности в семантике: прилагательные типа *единственный, одиночный* в русском языке, прилагательные типа *single, sole* в английском языке; производные и сложные слова, мотивированные основами *одн-* и *оде-* (*однолетний, одиночка, one-sided, one-man, only*); слова с префиксами *уни-, моно-* в русском языке и *uni-, mono-* в английском языке: *уницикл, monosycle*.

Периферийную зону ФСП единичности в сопоставляемых языках образуют лексические единицы с явно выраженным семантическим компонентом, тяготеющим к смежным полям определенности/неопределенности, качества и т.д.: *какой-либо, определенный, первый, the second, some, another* и имплицитные способы выражения единичности: порядок слов, выделительные синтаксические конструкции, перечисление, контекст.

3.9. Выводы по третьей главе

1. Структура ФСП единичности в русском и английском языках в конкретно-смысловом аспекте имеет базовую признаковую общность, что обусловлено универсальным характером понятийной категории единичности.
2. Категория единичности представлена в сопоставляемых языках в виде четырех основных семантических модификаций (квантитативных смыслов): нумеральной единичности, подчеркнутой единичности, выделенной единичности и неопределенной единичности.
3. Нумеральная единичность представляет собой квантитативный смысл, реализующий значение единичности в ее инвариантном проявлении, и формализуется в сопоставляемых языках определенным набором специализированных ядерных средств выражения единичности: назывными формами имен существительных как в русском, так и в английском языке, конструкциями *один + N* в русском языке и *one + N* в английском языке, где лексемы *один* и *one* функционируют в качестве числительных; лексемами *единица*, *единичный* и их синонимичным рядом в русском языке и лексемой *one* в английском языке, которая представляет словоформы, связанные отношениями конверсии и функционирующие как разные части речи; синонимичным рядом прилагательному *one*. Выразителями нумеральной единичности в сопоставляемых языках также являются предметные имена широкой семантики – *предмет*, *вещь*, *штука*, *член*, *элемент*, *отдел*, *объект*, *индивид* в русском и *thing*, *item*, *article*, *object*, *member*, *individual*, *entity*, *digit* в английском; их функционирование обусловлено связанностью с познавательными процедурами индивидуализации, отождествления, исчисления объектов. *Единица* и *one* как лексемы,

репрезентующие понятие более высокого уровня абстракции, выступают как гиперонимы по отношению к группе предметных имен широкой семантики, которые, в свою очередь, выступают по отношению к ним как гипонимы.

4. Подчеркнутая единичность представляет собой количественный смысл, который является противопоставлением единичного объекта множеству и формализуется в основном коннотативно окрашенными языковыми средствами; при этом в русском языке для выражения данного количественного смысла характерно использование суффиксов и приставок субъективной оценки, тогда как в английском языке в этой функции задействованы синтаксические конструкции типа *партиципатор + of + N*; слова интенсификаторы типа *только, всего, лишь, всего лишь, только лишь, еще, хоть* в русском языке и их аналоги в английском *only, just, mere, merely, nothing but, no more, purely*; единичность приобретает тем более подчеркнутый характер в выделенных нами ономастических разрядах существительных, чем меньший вес имеет сема 'дискретность' в их лексической семантике.
5. Выделенная единичность представляет собой количественный смысл, который выделяет единичный объект по качественным параметрам, и формализуется с помощью квантификаторов исключения *кроме, за исключением, за вычетом, не считая* в русском языке, *except, with the exception of, minus, without taking into consideration, not taking into account* в английском языке и синтаксических конструкций с ними, а также широким диапазоном лексических средств: прилагательными, причастиями, порядковыми числительными и т.д.; в английском языке для выражения значения выделенной единичности широко используется определенный артикль и различные конструкции с ним.

6. Неопределенная единичность представляет собой квантитативный смысл, репрезентующий единичный объект, по какой-либо причине однозначно не идентифицированный с определенным объектом из множества; данный смысл формализуется универсальным эксплицитным средством (неопределенным артиклем) в английском языке и разнообразными функциональными заменителями неопределенного артикля в русском языке.
7. Данные квантитативные смыслы могут взаимодействовать, выражая комбинированные квантитативные смыслы подчеркнутой + выделенной единичности и неопределенной + выделенной единичности.
8. Анализ подтверждает, что лексемы *один* в русском языке и *one* в английском языке формируют инвариантное значение квантитативного смысла единичности; их особый статус обуславливается тем, что их категориально-семантический признак квантитативности может приобретать различные модификационные значения.
9. Единичность в русском языке более лексикализована, чем в английском языке; в английском языке для формализации квантитативных смыслов единичности активно используются предложные конструкции и аналитические многословные образования.
10. ФСП единичности в русском и английском языках представляет собой структуру бинарного типа: в ней представлены два ядра – лексическое и грамматическое, причем первое часто является определяющим для семантизации информации об онтологических предметах, так как лексическая семантика слов накладывает ограничения на их оформленность показателями числа. В английском языке роль посредствующего звена между лексическим и грамматическим центрами ФСП единичности играет неопределенный артикль.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как показало изучение научной литературы, категория единичности является междисциплинарной, универсальной, и исследование данной ФСК вносит вклад в разработку кардинальной проблемы лингвистики – «категории и язык», которая, в свою очередь, входит в проблему соотношения языка и мышления, что было подтверждено исследованием эмпирического материала.

Созданная нами оригинальная методика и методология исследования, которая синтезирует функционально-коммуникативное и когнитивно-дискурсивное направления исследования и совмещает системно-категориальный (языковой) и конкретно-смысловой (речевой, дискурсивный) аспекты изучения ФСК единичности, а также использование идеологии корпусной лингвистики, дали нам возможность получить новые научные результаты, которые можно изложить в виде основных тезисов.

1. Понятия единичности и множественности составляют основополагающую оппозицию в рамках категории количества. Данные понятия противостоят друг другу по структуре референтов и оппозиции «определенность – неопределенность количества», что подтверждается анализом категории количества в философии, логике и лингвистике.

2. В системно-категориальном аспекте семантическая структура категории единичности в русском и английском языках представляет собой сложное взаимодействие трех базовых категориально-семантических компонентов: предметности, собственно квантитативности, и определенности / неопределенности, что является результатом языковой интерпретации соответствующей понятийной категории и определяет способы и модели семантизации категории единичности в языках.

3. Семантика категории единичности в сопоставляемых языках дает

основание выделить в структуре функционально-семантического поля единичности иерархическую систему количественных смыслов. Количественные смыслы выделяются по семантической доминанте как семантические модификации категории единичности. В конкретно-смысловом аспекте в русском и английском дискурсе выявлены четыре типа основных чистых количественных смыслов: количественный смысл нумеральной единичности, количественный смысл выделенной единичности, количественный смысл подчеркнутой единичности и количественный смысл неопределенной единичности. Изоморфизм количественных смыслов в сопоставляемых языках объясняется универсальным характером данной понятийной категории, имеющей онтологическую обусловленность.

4. Степень когнитивной выделенности количественных смыслов единичности, по данным лингвостатистики, близка в сопоставляемых языках: в целом чистые количественные смыслы представлены равномерно, комбинированные способы выражения единичности представлены реже. Однако, если в русском языке процентное соотношение количественных смыслов подчеркнутой и выделенной единичности вполне сопоставимы (22% и 26%), то в английском языке количественный смысл выделенной единичности явно доминирует (31% и 17%).

5. Категория единичности имеет разветвленную структуру манифестации в языках. Средства выражения количественных смыслов охватывают морфо-семантический, лексико-семантический и лексико-грамматический уровни. В русском языке функционально более нагружен морфо-семантический уровень, в английском языке в силу его аналитического характера более нагружен лексико-семантический уровень.

6. Формализация категории единичности в языке носит номинативный характер: это языковая функционально-семантическая категория с номинативным ядром. ФСК единичности в сопоставляемых языках представляет собой бинарную структуру с эксплицитно

выраженными лексическим и грамматическим центрами. При этом доминантным (ядерным) элементом ФСП единичности являются нумеративы *один/one*, их формы и производные, реализующие основной прототипический смысл абстрактной единичности.

Подводя итоги, мы отдаем себе отчет в том, что экспериментальное исследование, выполненное в русле поставленных задач, не решает всех проблем, связанных с интерпретацией категории единичности в языках. Учитывая то, что данная проблематика будет еще только расширяться¹, считаем, что перспектива в изучении данной категории широка, т.е. возможно расширение проблематики “вширь” и “вглубь”, так, изучение “вширь”: привлечение к анализу других языков, родственных и неродственных, типологически близких и далеких, подязыков и иных форм бытования языков. Не менее интересным является расширение проблематики “вглубь”. Это позволит определить степень универсальности категории единичности, с одной стороны, и этноязыковую специфику этой категории, – с другой.

Полагаем, что особый интерес представляет расширение проблематики “вглубь”. Так, расширение эмпирической базы исследования (не 10 тысяч высказываний, как в проведенном исследовании, а с позиции количественной лингвистики – 100 тысяч высказываний) позволит выявить не только основные (прототипические) смыслы категории единичности, но и их модификации в дискурсах. Особый интерес представляет анализ зоны крайней периферии ФСП единичности, где будет происходить перекатегоризация, что позволит выявить межкатегориальное взаимодействие единичности. Кроме того, расширение эмпирической базы исследования позволит получить результаты не только в именной категории единичности, но и единичности глагольных предикатов, что создаст “цельность картины” категории единичности.

Во-вторых, напомним своеобразный “заказ” О. Есперсена в его “*Философии грамматики*”: «Не раз нам придется констатировать, что

---

¹ «...Новый век вызовет и новые категории» [Татаринев 2006 : 80].

грамматические категории представляют собой в лучшем случае симптомы, или тени, отбрасываемые понятийными категориями; нередко “понятие”, стоящее за грамматическим явлением, оказывается таким же неуловимым, как кантовская вещь в себе» [Есперсен 2006 : 60].

Таким образом, видно, что нуждается в дальнейшем уточнении соотношение понятийных категорий (в нашем случае – категории единичности) с грамматическими категориями. Актуальность этого аспекта подчеркивается современными исследователями [Болдырев 2004 и 2006; Бочкарев 2007; Всеволодова 2009; Кубрякова 2004 и 2009; Лаенко 2007; Режабек 2006; Савельева 2008 и др.].

В-третьих, требуется дальнейшее уточнение сущности самой понятийной категории единичности не столько через ее взаимоотношение с суперкатегорией количества, сколько через выявление и взаимодействие с языковыми (грамматическими и лексическими) категориями. В понимании И.И. Мещанинова понятийные категории находятся где-то на полпути между грамматическими категориями и категориями сознания, почему и обладают двойственной природой. Они могут пройти полный путь своего синтаксического или морфологического оформления. Но пока они не завершат полностью этого пути, они оказываются скрытыми “категориями сознания”, в том или ином виде выражающимися в языке [Мещанинов 1954 : 196]. Поднять завесу загадочности того пути, на котором находится в наши дни тот или иной модификационный смысл единичности, – удел дальнейших изысканий “вглубь” категории единичности.

Библиография

1. Список научной литературы

1. Агафонова Л. Л. Единичность/множественность в смысловом строе имени существительного //Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики: тезисы докладов Всероссийской научной конференции. 5-7 мая 1999 г./ Изд-во ЮУрГУ – Челябинск, 1999. – С. 8–11.
2. Акуленко В.В., Швачко С.А., Букреева Е.И. Категория количества в европейских языках. – Киев : Наукова думка, 1990. – 182 с.
3. Александров, Л.Н. Некоторые замечания о грамматической категории числа // Общее и сопоставительное языкознание. – М. : Наука, 1986. – С. 4–8.
4. Алексеева Л.М., Мишланова С.Л. Медицинский дискурс: теоретические основы и принципы анализа. – Пермь: Изд-во Пермского гос. ун-та, 2002. – 200 с.
5. Алефиренко Н.Ф. Фразеологическое значение / Н.Ф. Алефиренко, Л. Золотых. Фразеологический словарь: культурно-познавательное пространство русской идиоматики. – М.: Элпис, 2008. – С. 444–451.
6. Андрющенко В.М., Караулов Ю.Н. Союз информатики и языкознания // Язык и логическая теория: сб. науч. тр. – М.: Центральный совет по филос. И методол., 1987. – С. 5-13.
7. Аракин В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков. – М. : Просвещение, 1989. – 256 с.
8. Аристотель. Категории. – М. : Соцэкгиз, 1939. – 87 с.
9. Аристотель. Метафизика : соч. в 4-х томах.-Т.1.– М : Мысль, 1975. – 379 с.
10. Арнхейм Р. Визуальное мышление // Зрительные образы: феноменология и эксперимент. – Душанбе, 1973. – 160 с.
11. Атанасова С. О понятии единичности: признаки дискретности единичности (на материале русского и болгарского языков)// Проблемы

- когнитивного и функционального описания русского и болгарского языков. – Шумен : Изд-во Шумен. Ун-та, 2002. – С. 12-16.
12. *Баранов М.Т., Костяева Т.А., Прудникова А.В.* Русский язык: Справ. Материалы: Учеб. Пособие для учащихся / *под. ред.* Н.М. Шанского. – 5е изд., испр. – М. : Просвещение, 1989. – 288 с.
13. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
14. *Бессонов А.В.* Теория объектов в логике. – Новосибирск, 1987. – 120 с.
15. *Береснева В.А.* Гносеологические корреляции термина “синкретизм” в философии и лингвистике // *Славянское терминоведение.* – 2009. – №1. – С. 22-24.
16. *Блох М.Я.* Теоретическая грамматика английского языка: *Учеб. для вузов.* – М.: Высш. шк., 1994. – 380 с.
17. *Блумфилд Л.* Нумеративы // *Язык:* пер. с англ. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – С. 213–221; 256–287.
18. *Бодуэн де Куртенэ И.А.* Количественность в языковом мышлении // *Избранные труды по общему языкознанию.* – М. : Наука, 1963. – Т.1. – С. 311-324.
19. *Болдырев Н.Н.* Когнитивная семантика. – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. ун-та, 2000. – 140 с.
20. *Болдырев Н.Н., Беседина Н.А.* Когнитивные механизмы морфологической репрезентации в языке // *Изв. РАН. – Сер. Лит. и языка.* – Т. 66. – №1– 2007. – С. 3-10.
21. *Болдырев Н.Н.* Языковые категории как форматы знания // *Вопросы когнитивной лингвистики.* – 2006. – №2 (008). – С. 5-23.
22. *Бондарко А.В.* Инварианты и прототипы в системе функциональной грамматики // *Проблемы функциональной грамматики: Семантическая инвариантность / вариативность.* – СПб.: Наука, 2003. – С.78-87.
23. *Бондарко А. В.* Функциональная грамматика. – Л., 1984. – 156 с.

- 24.Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. – Л., 1983. – 286 с.
- 25.Бондарко А. В. Грамматическое значение и смысл. – М. : Наука, Ленинградское отделение, 1978. – 176 с.
- 26.Бондарко А. В. Теория морфологических категорий . – Л. : Наука, 1976. – 145 с.
- 27.Брусенская Л.А. Обобщенно-собирательное значение форм единственного числа конкретных существительных // Рус. яз. в нац. шк. – 1986. – N 10. – С. 3–7.
- 28.Булатов М.А. Логические категории и понятия. – Киев : Наук. думка, 1981. – 123 с.
- 29.Булыгина Т. В. Шмелев, А.Д. Грамматические и семантические категории и их связи // Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). – М.: Языки русской культуры, 1997. – С. 15-44.
- 30.Булыгина Т. В., Шмелев А.Д. Механизмы квантификации в русском языке и семантика количественной оценки // Референция и проблемы текстообразования. – М.: Просвещение, 1988. – С. 5–18.
- 31.Бурдин З.Г. Традиционное и инновационное в теории категоризации // Материалы международной конференции, посвященной научному наследию проф. М.Д. Степановой и его дальнейшему развитию / – Моск. Гос. лингв. Ун-т ИЯ РАН. – М., 2001. – С. 38-43.
- 32.Вандриес Ж. Грамматические категории // Язык (лингвистическое введение в историю); пер. с франц. – М.: Эдиториал УРСС, 2004. – С.91-114.
- 33.Ваулина С.С., Берестнев Г.И. Семантико-дискурсивные исследования языка: эксплицитность / имплицитность выражения смыслов. – Калининград: Изд-во Калинин. Гос. ун-та, 2006. – 176 с.
- 34.Виноградов, В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове.– М. : Высш. шк., 1986. – 639 с.
- 35.Всеволодова М.В. Поля, категории и концепты в грамматической системе языка // Вопр. Языкознания. – 2009. – №3. – С. 76-99.

36. Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков. – М.: Просвещение, 1983. – 288 с.
37. Гальперин И.Р. Грамматические категории текста (опыт обобщения) // Изв. АН СССР. – Сер. лит. и яз. – 1977. – Т39. – №5. – С. 522-532.
38. Гегель. Наука логики. – М.: “Мысль”, 1999. – 1072 с.
39. Гейзенберг В. Избранные философские работы: Шаги за горизонт. Часть и целое /– СПб.: Наука, 2005. – 572 с.
40. Георгиев Ф.И. О соотношении категорий количества и качества // Науч. докл. Вышп. Шк. Философские науки. – 1962. – №5 – С.75–82.
41. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики: сборник неизданных текстов, подготовленный под руководством и с предисловием Рока Валена: пер. с франц. – М.: Эдиториал УРСС, 2004. – 224 с.
42. Голованова Е.И. Категория профессионального деятеля: формирование. Развитие. Статус в языке. – М.: Элпис, 2008. – 304 с.
43. Городецкий Б.Ю. К проблеме семантической типологии – Изд-во моск. ун-та, 1969. – 564 с.
44. Граудина Л. К. Грамматическая правильность русской речи. – М. : Астрель, 2004. – 260 с.
45. Гринберг Дж. Антропологическая лингвистика: Вводный курс / пер. с англ. – М.: Эдиториал УРСС, 2004. – 224 с.
46. Гулыга Е.В., Шендельс Е.И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. – М.: Наука, 1969. – 216 с.
47. Гуревич В.В. О семантике неопределенности // Филологические науки. – 1983. – №1. – С. 54-60.
48. Гуревич В.В. Есть ли артикли в русском языке? // Русская речь. – 1968. – №3. – С. 45-48.
49. Гуренко Н.А. Средства выражения категории расчлененности/ нерасчлененности значения существительных различных семанти-ческих классов: (на материале современного немецкого и английского языков): автор. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук : (10.02.20) / Гуренко

- Николай Александрович; [Одесский гос. ун-т им. И.И. Мечникова]. – Одесса, 1987. – 16 с.
50. Гухман М.М. Понятийные категории, языковые универсалии и типология // Вопросы языкознания. – 1985. – №3. – С. 19-26.
51. Дегтярев В.И. Категория числа в славянских языках. – Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 1982. – 320 с.
52. Демидова К.И. Дialeктная языковая картина мира и аспекты ее изучения. – Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2007. – 110 с.
53. Долинина И.Б. количественность в сфере предикатов (категория “глагольной множественности”) // Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность. – М.: Наука, 1996. – С. 219-244.
54. Долинина И.Б. Функциональная грамматика и содержательная классификация грамматических категорий // Проблемы функциональной грамматики. – М.: Наука, 1985. – С. 132-142.
55. Дубичинский В.В. Лексикография русского языка. – М.: Наука: Флинта, 2009.-432 с.
56. Елизарова Г.В. О статусе значения “Оценка ситуации от лица социума при отстраненности субъекта речи” как понятийной категории // Понятийные категории и их языковая реализация. Межвузовский сборник научных трудов. – Ленинград, 1989. – С. 21-28 с.
57. Есперсен О. Философия грамматики: пер. с англ. – М. : КомКнига, 2006. – 408 с.
58. Есперсен О. Число // Философия грамматики: пер. с англ. – М.: КомКнига, 2006. – С. 216-246.
59. Ефимов В.И. Определение качества и количества как системы дефиниций. – Ростов н/Д: Изд-во ростовского университета, 1973. – 96 с.
60. Жукова Н.А. Количественная характеристика имени существительного в корякском языке // Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность. – М.: Наука, 1996. – С. 214-219.
61. Журавлев В.К. Внешние и внутренние факторы языковой эволюции. – М.:

Эдиториал УРСС, 2004.

62. *Зализняк А.А.* Грамматика современного русского литературного языка. – М.: Русский язык, 1970. – 278 с.
63. *Зализняк А.А., Падучева Е.В.* О контекстной синонимии единственного и множественного числа существительных // Информационные вопросы семиотики, лингвистики и автоматического перевода. – 1974. – №4. – С. 30–34.
64. *Запевалова Л.А.* Функционально-семантическая категория единичности в русско и английском языках: дис...канд. филолог. наук. – Екатеринбург, 2008. – 220 с.
65. *Звегинцев В.А.* Предложение и его отношение к языку и речи. – М.: КомКнига, 2007. – 336 с.
66. *Земская Е.А.* Современный русский язык. Словообразование. – М.: Просвещение, 1973. – 304 с.
67. *Золотова Г.А.* Очерки функционального синтаксиса русского языка. – М.: Наука, 1973. – 260 с.
68. *Золотова Г.А.* О путях и возможностях грамматической науки // Вопросы филологии. – 1999. – №3. – С. 15–23.
69. *Иванов Вяч. Вс.* Лингвистика третьего тысячелетия: Вопросы к будущему. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 208 с.
70. *Ивин А.А.* Логика: учебник. – М.: Гардарики, 1999. – 352 с. *Игошина Т.В.* Морфотемный анализ категории количественности в разнотипных языках : автореф. дис... канд. филол. наук –Ульяновск, 2004. – 23 с.
71. *Илинский К.М.* Предлог как средство формализации категории предметности // Понятийные категории и их языковая реализация: межвузовский сборник научных трудов. – Л. : Наука ЛО, 1989. – С. 32–40.
72. *Исаченко А.В.* Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. – Братислава, 1954. – 175 с.
73. *Исаченко А.В.* О грамматическом значении // Вопр. языкознания. – 1961. – №1. – С.21-35.

74. *Integrum*: точные методы и гуманитарные науки. – М.: Летний сад, 2006. – 430 с.
75. Кант И. Критика чистого разума. – Ростов н/Д, 1999. – 319 с.
76. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. – М., 1976. – 300 с.
77. Карпова О.М. Английская лексикография. – М.: Академия, 2010. – 320 с.
78. Кассирер Э. Философия символических форм: в 3-х т. – М.: СПб.: Университетская книга, 2002. – Т.1. – 272 с.
79. Категория притяжательности в славянских и балканских языках: тез. совещ. – М.: Наука, 1983. – 321 с.
80. Кацнельсон С.Д. Категории языка и мышление: Из научного наследия. – М.: Наука, 2001. – 864 с.
81. Кацнельсон С.Д. Общее и типологическое языкознание. – Л.: Наука ЛО, 1986. – 320 с.
82. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. – Л.: Наука ЛО, 1972. – 280 с.
83. Клобуков Е.В. Роль универсально-логического концепта 'актант' в языковой категоризации действительности // Проблемы когнитивного и функционального описания русского и болгарского языков. – Шумен, 2002. – С. 56–59.
84. Кобрин Н.А. Понятийные категории и их реализация в языке // Понятийные категории и их языковая реализация. Межвузовский сборник научных трудов. – Л.: Наука ЛО, 1989. – С. 40–49.
85. Колшанский Г.В. Логика и структура языка. – М.: Высшая школа, 1965. – 240 с.
86. Комарова З.И., Запезалова, Л.А. Категория как формат знания: предпосылочного и выводного (на материале категории единичности в русском и английском языках) // Терминология и знание: материалы II Международного симпозиума. – М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН (в печати).

87. Комарова З.И., Шадрина Ю.А. категория местоименности в когнитивном аспекте: о когнитивной выделенности местоимений-прилагательных в национальных концептосферах // Вестник ЧелГУ. – Филология и искусствоведение. – Вып.39 – №43(181). – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2009. – С. 78-87.
88. Комарова З.И., Краев С.В. Ядерные служебные слова в русском подъязыке информатики: монография. – Екатеринбург: Уральское литературное агентство, 2008. – 303 с.
89. Комарова З.И., Запеголова, Л.А. Лексемы “один/one”: ограниченность и безграничность // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – Челябинск: Изд-во Челябинского государственного университета, 2007. – №17 (22). – С.60–65.
90. Комарова З.И., Хасанишина Р.В. Латинизированный семантический метаязык агрономии как способ научной категоризации и концептуализации фрагмента действительности – царства растений // Язык. Система. Личность: материалы междунаро. Конф. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2004. – С. 27-43.
91. Коммуникативная и когнитивная природа понимания. Серия актуальные проблемы прикладного языкознания / под ред. В.И. Герасимова. – М.: Академия наук СССР, 1989. – 48 с.
92. Копыленко М.М. Средства выражения количества в русском языке. – Алма-Ата, 1993. – 184 с.
93. Кошечая И.Г. Уровни языкового абстрагирования. – Киев: Изд-во киев. ун-та, 1973. – 240 с.
94. Кошечая И.Г. Теоретическая грамматика английского языка : учеб. пособие для студентов педагогических институтов по специальности “Иностранный язык”. – М. : Просвещение, 1982. – 336 с.
95. Кривченко Е.Л. Ономазиологические функции морфологических категорий имени существительного // Актуальные проблемы языковой номинации. – Саратов: саратов. пед. ун-т, 1988. – 106 с.

96. *Кронгауз М.А.* грамматическая категория // Семантика. – М.: Изд-во Рос. гос. гуманитар. ун-та, 2001. – С. 266-272.
97. *Кругликова Г.Г.* Языковая категория количественности и аспекты ее изучения // Филолог. науки. – М., 1993. – № 3. – С. 77–81. *Крымский С.Б.* Логико-гносеологический анализ универсальных категорий // Логико-гносеологические исследования категориальной структуры мышления. – Киев: Наукова думка, 1980. – С. 5–47.
98. *Кубрякова Е.С.* В поисках сущности языка // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2009. – №1. – С. 5-13.
99. *Кубрякова Е.С.* Язык и знание. На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 500 с.
100. *Кубрякова Е.С.* О двойной сущности языковых категорий и новых проблемах в их изучении // Общие процессы строения и организации языковых категорий: Матер. Научн. конф. 23-25 апреля 1998. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1998. – С. 6–18.
101. *Кубрякова Е.С.* Номинативный аспект речевой деятельности. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 160 с.
102. *Кубрякова Е.С.* Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. – М.: Наука, 1995. – С. 144-235.
103. *Кубрякова Е.С.* Типы языковых значений. Семантика производного слова. – М.: Наука, 1981. – 160 с.
104. *Кузьмин В.П.* Категория меры в марксистской диалектике. – М.: Наука, 1966. – 224 с.
105. *Лабов У.* Структура денотативного значения // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XIV. – М.: Прогресс, 1983. – С. 123–148.
106. *Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.

107. *Лакофф Дж.* Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XXIII. – М.: Прогресс, 1988. – С. 12–51.
108. *Лебедева Л.Б.* Особенности употребления форм единственного и множественного числа в общих высказываниях // Научно-техническая информация. – Сер. 2. Информационные процессы и системы. – 1988. – № 7. – С.18–24.
109. *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений, т.7 – Труды по филологии. – М.- Л., 1952. – 692 с.
110. *Ломтев Т.П.* Квантитативы современного русского языка // Памяти академика Виктора Владимировича Виноградова: Сб. статей. – М.: Наука, 1971. – С. 105–119.
111. *Лосев А.Ф.* Основные грамматические категории. Окрестность и семейство как лингвистические категории // Введение в общую теорию языковых моделей. – М.: Эдиториал УРСС, 2004. – С. 49-50; 211-275.
112. *Лосев А.Ф.* Знак, символ, миф. (Труды по языкознанию). – М.: Просвещение, 1981. – 460 с.
113. *Лосев А.Ф.* Ленинизм и теоретические проблемы языкознания / А.Ф. Лосев. – М.: Наука, 1970. – 286 с.
114. *Лукин М.Ф.* К вопросу о лексико-грамматическом статусе числительных в современном русском языке // Вопр. языкознания. – 1987. – №6. – С. 47–51.
115. *Лутай В.С.* Категории качества и количества // Науч. докл. Высш. Шк. Философские науки. – 1961. – №4 – С. 45–49.
116. *Лузина Л.Г.* О когнитивно-дискурсивной парадигме лингвистического знания // Парадигмы научного знания в современной лингвистике: сб. науч. тр. – М.: ИНИОН РАН, 2006. – С. 41-50.
117. *Ляшевская О.Н.* Число и движение: к семантике грамматической категории // Семиотика и информатика: Сб. науч. статей. Вып. 37. – 2002. – С. 207–228.
118. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20. – М., 1972. – 460 с.
119. *Маслова В.А.* Современные направления в лингвистике. – М.: Академия,

2008. – 272 с.

120. Меновщиков Г.А. Способы выражения единичности и множественности в языках различного типа // *Вопр. языкознания*. – 1970. – №1. – С. 82–88.
121. *Методология: вчера, сегодня, завтра: в 3х т.* – М.: Школа культурной политики, 2000. – т.1 – 472 с.
122. *Методы сопоставительного изучения языков: сб. статей.* М.: Наука, 1988. – 96 с.
123. Мещанинов И.И. Понятийные категории в языке // *Тр. ВНИИЯ*. – №1. – 1945. – С.25–32.
124. Минина Н.М. Семантические поля в практике языка: *пособие по лексике немецкого языка*. – М.: Наука, 1973. – 186 с.
125. Минто В. Дедуктивная и индуктивная логика. – Екатеринбург: Деловая книга, 1997. – 432 с.
126. Миригин В.Н. Грамматика, логика, философия в их связях и взаимодействиях. – Кишинев: Инесса, 2002. – 256 с.
127. Мишланова С.Л. Метафора в научно-популярном медицинском дискурсе (семиотический, когнитивно-коммуникативный и прагматический аспекты): Монография / С. Л. Мишланова, Т.И. Уткина. – Пермь: Изд-во Перм. Гос. ун-та. – 2008. – 428 с.
128. Морковкин В.В. Смысловое членение универсума и классификация лексики // *Проблематика определений терминов в словарях разных типов*. – М.: Наука, 1976. – С. 181–190.
129. *Мышление, когнитивные науки, искусственный интеллект / под ред. В.В. Петрова*. – М.: Наука, 1988. – 407 с.
130. Налимов В.В. Вероятностная модель языка: О соотношении естественных и искусственных языков. – Томск – М.: Водолей Publishers, 2003. – 368 с.
131. Николаев С.Г. О так называемых счетных словах русского и английского языков // *Русский язык за рубежом*. – 1991. – №1. – С. 45–54.
132. Николаева Т.М. Категория определенности / неопределенности в славянских и балканских языках. – М.: Наука, 1979. – 203 с.

133. *Нифанова Т.С.* Сопоставительное описание семантических единиц разных языков. – Архангельск: Изд-во Поморского ун-та, 2004. – 206 с.
134. *Новицкая В.В.* Лексика с количественным значением в современном русском языке : автор. дис... канд. филол. наук. – Л., 1978. – 16 с.
135. *Озерова Н.Г.* Семантика формы единственного числа существительных в русском и украинском языках // Науч. докл. высш. шк. Филол. науки. – 1987. – № 5. – С. 38–43.
136. *Павиленис Р.И.* Проблема смысла. Современный логико-философский анализ языка. – М.: Просвещение, 1983. – 178 с.
137. *Павлов В.М.* Понятие лексемы и проблема отношений синтаксиса и словообразования. – М., 1985. – 270 с.
138. *Панфилов В.З.* Гносеологические аспекты философских проблем языкознания. – М.: Наука, 1982. – 203 с.
139. *Панфилов В.З.* Философские проблемы языкознания. – М.: Наука, 1977. – 227 с.
140. *Патнэм Х.* Разум, истина и история: пер. с англ. – М.: Праксис, 2002. – 296 с.
141. *Переверзев К.А.* Пространства, события, меры: к проблеме лингвистической онтологии // Логический анализ языка. Языки пространств. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 255–267.
142. *Петров В.В.* От философии языка к философии сознания // Философия. Логика. Язык. – М.: Наука, 1987. – С. 3–17.
143. *Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. – М.: Учпедгиз, 1956. – 511 с.
144. *Пифагор.* Золотой канон. Фигуры эзотерики. – М.: Изд-во Эксмо, 2003. – 448 с.
145. *Плунгян В.А.* Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики // Русский язык в научном освещении. – 2008. – №2 (16). – С. 7–20.
146. *Плунгян В.А.* Дейктические и “шифтерные” категории // Общая морфология:

- Введение в проблематику. – М.: Эдиториал УРСС, 2003. – 253–276.
147. Плузьян В.А. Именные семантические зоны. Субстантивное число и смежные явления // *Общая морфология: Введение в проблематику*. – М.: Эдиториал УРСС, 2003. – С. 277 – 290.
148. *Полевые структуры в системе языка / под ред. З.Д. Попова*. – Воронеж: Изд-во воронеж. ун-та, 1989. – 198 с.
149. Полянский А.Н. План содержания категории количества в русском языке // *Филологические науки*. – 1984. – №1-3. – С. 34–41.
150. Попова З.Д., Стернин И.А. Рекуррентность концепта // *Когнитивная лингвистика*. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – С. 148-158.
151. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж: Истоки, 2002. – 160 с.
152. Потебня А.А. Язык и мысль. – Киев : СИНТО, 1993. – 192 с.
153. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике, т. 1-2. – М., 1958. – 536 с.
154. *Прерывное и непрерывное / М.Д. Ахудов [и др.]* – Киев: Наукова думка, 1983. – 312 с.
155. *Проблемы представления (репрезентации) в языке: типы и форматы знаний* – М.: ИЯ РАН, 2007. – 309с.
156. Рассел Б. История западной философии. – М. : Наука, 2001. – 315 с.
157. Рахилина Е.В. Основные идеи когнитивной лингвистики // *Фундаментальные направления современной американской лингвистики*. – М.: 1997. – С. 370–389.
158. Рахилина Е.В., Ли Сун Хён. Семантика лексической множественности в русском языке // *Вопросы языкознания*. – 2009. – №4. – С. 13-40.
/ И.И. Ревзин,
159. Ревзин И.И., Ревзина О.Г. Типологическая характеристика индонезийского языка с точки зрения категории числа // *Малайско-индонезийские исследования*. М., 1977. – С. 38–51.
160. Режабек Е.А. Культурные границы языкового сознания: о вписанности

- грамматических категорий в эволюцию культуры // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – №3 (009). – С. 28-42.
161. *Рейман Е.А.* Английский артикль. Коммуникативная функция. – Л. : Наука ЛО, 1988. – 116 с.
162. *Ремчукова Е.Н.* Грамматические категории в зеркале креативности // Лингвистика креатива: коллективная монография. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2009. – С. 245-268.
163. *Руденко Д. И.* Количественность и семантика имени // Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность. – М.: Наука, 1996. – С. 181-213.
164. *Руденко Д. И.* Имя в парадигмах “философии языка”. – Харьков : Основа, 1990. – 299 с.
165. *Руденко Д. И.* О семантике обобщенного единственного числа // Филологические науки. – М., 1988. – N 2. – С. 47–54.
166. *Русская грамматика: в 2-х т. / под ред. Н.Ю. Шведовой.* – М. : Наука, 1980. – Т. 1. – 762 с, (далее – РГ-80).
167. *Рылов Ю.А.* Определенность / неопределенность // Аспекты языковой картины мира: итальянский и русский языки. – М.: Гнозис, 2006. – С. 15-34.
168. *Петровская С.А.* Принципы полевого подхода к категории модальности // Понятийные категории и их языковая реализация. – Л. : ЛГПИ, 1989. – С. 65-72.
169. *Потебня А.А.* Мысль и язык. – К.: СИНТО, 1993. – 192 с.
170. *Серебрянников Б.А.* Принципы описания языков мира. – М. : Наука, 1976. – 343 с.
171. *Слово и грамматические законы языка. Имя / В.В. Лопатин [и др.].* – М.: Наука, 1989. – 352 с.
172. *Смирницкий А.И.* . Синтаксис английского языка. – Л. : ЛКИ, 2007. – 296 с.
173. *СРЯ – Современный русский язык : учеб. для филолог. спец. высш. уч. заведений.* М. : Азбуковник, 1999. – 928 с.
174. *Спиноза Б.* Этика. – Мн.: Харвест ; М.: АСТ, 2001. – 336 с.

175. *Стеблин-Каменский М.И.* Спорное в языкознании. – Л.: Наука., 1974. – 280 с.
176. *Степанов Ю.С., Эдельман Д.И.* Семиологический принцип описания языков // Принципы описания языков мира. – М.: Наука, 1976. – 366 с.
177. *Степанов Ю.С.* Методы и принципы современной лингвистики. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 312 с.
178. *Степин В.С.* Теоретическое знание. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 744 с.
179. *Стройк Д.Я.* Краткий очерк истории математики. – М.: Наука, 1964. – 251 с.
180. *Супрун А. Е.* Общая характеристика семантики количественности // Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность. – М.: Наука, 1996. – С. 162-169.
181. *Супрун А. Е.* Части речи в русском языке. – М. : Просвещение, 1971. – 136 с.
182. *Супрун А. Е.* Славянские числительные: Становление числительных как особой части речи. – Минск, 1969. – 186 с.
183. *Сэпир Э.* Градуирование // НЗЛ. – М., 1986. – Вып. 16. – С. 43–78.
184. *Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность /* А.В. Бондарко [и др.]. – СПб : Наука, 1996.– 264 с.
185. *Терминология и знание: Материалы I Международного симпозиума.* – М. : Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2009. – 220с.
186. *Титкова О.И.* О перспективах лингвистического исследования рекуррентных единиц лексикона // Филологические науки. – 2003. – №2. – С. 79-86.
187. *Типы знания и их репрезентация в языке.* – Тамбов : Изд-во ТГУ, 2008. – 311 с.
188. *Тукова Т.В.* Омореперентность форм собирательности и единственного числа имен существительных русского языка // Науч. докл. высш. шк. Филол. науки. – М., 1992.– №4. – С. 88-96.
189. *Тураева З.Я., Биренбаум Я.Г.* Некоторые особенности категории количества: (на материале английского языка) // Вопросы языкознания. – 1985. – № 4. – С. 48–56.
190. *Уфимцева А.А.* Типы словесных знаков. – М. : Наука, 1974. – 206 с.

191. *Фейербах Л.* Собрание сочинений : в 6 т. – М. : Мысль, 1964. Т. 3. – 300 с.
192. *Философский словарь / под ред. И.Т.Фролова.* – М.: Наука, 1986. – 586 с.
193. *Философский энциклопедический словарь / ред. – сост. Е.Ф. Губский.* – М. : ИНФРА, 1998. – 204 с.
194. *Хаймович Б. С.* О единицах грамматической сферы // Вопросы языкознания. – 1968. – №6. – С. 26–35.
195. *Химик В.В.* Категория субъективности и ее выражение в русском языке. – Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1990. – 184 с.
196. *Химик В.В.* Количественность как функционально-семантическая категория и понятие квантитатива // Моск. Областной ин-т им. Н.К. Крупской. Лингвистический сборник. – Вып. 9. Проблемы лексикологии и семасиологии рус.языка. – М., 1977. – С.125–129.
197. *Хинтиikka Я.* Логико-эпистемологические исследования. – М.: Наука, 1980. – 200 с.
198. *Холодович В.А.* Категория множества в японском в свете общей теории множества в языке // зап. Ленингр. Ун-та. – №69. – Л., 1946. – вып.10. – С. 15–36.
199. *Хомский Н.* Синтаксические структуры // НЗЛ, 1962. – вып. 2.– С. 31–45.
200. *Храковский В.С.* Типы грамматических описаний и некоторые особенности функциональной грамматики // Проблемы функциональной грамматики. – М.: Русский язык, 1985. – С.56–68.
201. *Худяков А.А.* К вопросу о понятийной основе категории числа имени существительного // Понятийные категории и их языковая реализация.– Л. : Наука ЛО, 1989. – С.119–125.
202. *Цветкова Т.И.* Когнитивно-коммуникативные категории: содержание и формы реализации // Материалы международной конференции, посвященной научному наследию проф. М.Д. Степановой и его дальнейшему развитию. – М.: Моск. Гос. лингв. Ун-т; ИЯ РАН, 2001. – С. 178–179.
203. *Чебанов С.В., Мартыненко Р.Я.* Из истории типологических

- представлений // Структурная и прикладная лингвистика: Межвуз. сб. / под ред. А.С. Герда. – СПб: Изд-во СПб. гос. ун-та, 2008. – С. 328-390.
204. Чейф У.Л. Значение и структура языка. – М. : Прогресс, 1982. – 432 с.
205. Человеческий фактор в языке: языковые механизмы экспрессивности / Отв. ред. В.Н. Телия. – М.: Наука, 1991. – 214 с.
206. Чеснокова Л.Д. Категория количества и способы ее выражения в современном русском языке. – Таганрог, 1992. – 212 с.
207. Чеснокова Л.Д. Выражение категории количества глагольными формами современного русского языка // Вопросы языкознания. – 1983. – № 6. – С. 67–82.
208. Чеснокова Л.Д. Категория количества и синтаксические структуры // Вопросы языкознания. – 1981. – № 2. – С. 15-22.
209. Шахматов А.А. Очерк современного русского литературного языка. – М.: Русский язык, 1941. – 360 с.
210. Шептулин А.П. Система категорий диалектики. – М. : Наука, 1967. – 220 с.
211. Шептулин А.П. Основные законы диалектики [Текст] /А.П. Шептулин. – М. : Наука, 1966. – 128 с.
212. Шмелев Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка. – М. : Наука, 1964. – 186с.
213. Шушков А.А. Толково-понятийный словарь русского языка. – М.: Астрель, 2003. – 768 с.
214. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – М., 1974. – 280 с.
215. Щерба Л.В. О частях речи в русском языке. – Русская речь.– М., 1958. – вып. 2. – С. 50-71.
216. Шур Г.С. Теория поля в лингвистике. – М., 1974.– 264с.
217. Эдельман Д.И. Поле количественности и категория единичного / общего // Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность. – М.: Наука, 1996. – С. 170-181.
218. Юсупов У.К. Сопоставительная лингвистика как самостоятельная дисциплина // Методы сопоставительного изучения языков.– М.: Наука. –

1988. – С. 28–35.
219. *Языковая номинация. Общие вопросы* / под. ред. В.Н. Ярцевой. – М.: Наука. – 1977. – 360 с.
220. *Язык и структура знания*. – М.: Наука, 1980. – 205 с.
221. *Язык и структура представления знаний*. – М.: ИНИОН, 1992. – 142 с.
222. *Яновская С.А.* О так называемых “определениях через абстракцию” // Сборник статей по философии математики. – М.: Наука, 1936. – С. 15–41.
223. *Ярцева В.Н.* Контрастивная грамматика. – М., 1981. – 216 с.
224. *Яцкевич Л.Г.* Вопросы русского формообразования: функционально-типологический подход к морфологии (на примере имен существительных). – Минск, 1987. – 260 с.
225. *Bach K.* Quantification, qualification and context : A reply to Stanley and Szabo // *Mind a. lang.* - Oxford ; N.Y., 2000. - Vol. 15, N 2/3. - P. 262-283.
226. *Bellert, I.* Lexical features of linguistic quantifiers and well-formedness of logical forms // *Proceedings of the XIIIth International congress of linguists*, August 29 - September 4, 1982, Tokyo. - Tokyo, 1983. - P. 512-516.
227. *Bitea I.N.* Quantificational - phrase negation // *Rev. roum. de linguistique* - Bucarest, 1986. - T. 31, N 1. - P. 51-63.
228. *Borg E.* Semantic category and surface form // *Analysis*. - Oxford, 1998. - Vol. 58, N 3. - P. 232-238.
229. *Bunt H.C.* The formal semantics of mass terms // *Amsterdam*, 1981. – 360 p.
230. *Chomsky N.* // *Remarks on nominalization*. – *Folia Linguistica*. Den Haag, 1977, v.X, № ½. – P.79-91.
231. *Denyer N.* Names, verbs and quantification again // *Philosophy*. - Cambridge ; N. Y., 1999. - Vol. 74, N 289. - P. 439-440.
232. *Flores d'Arcais G.B.* Konzeptuelle Strukturen und das mentale Lexikon // *Perspektiven auf Sprache*. - B.; N.Y., 1986. - P. 130-148.
233. *Franks S. A* Jakobsonian feature based analysis of the Slavic numeric quantifier genitive// *JSL : Journal of Slavic linguistics*. - Bloomington, 2002. - Vol. 10, N 1/2. - P. 145-184.

234. *Gammon E.R.* English quantifiers and the perception of risk // Proceedings of the XIIIth International congress of linguists, August 22 - September 4, 1982, Tokyo. - Tokyo, 1983. - P. 760-763.
235. *Gruber J.S.* Lexical and conceptual semantic categories // Proceedings of the XIIIth International congress of linguists, August 29 - September 4, 1982, Tokyo. - Tokyo, 1983. - P. 528-533.
236. *Horn L.R.* Pick a theory (not just any theory) : Indiscriminatives and the free-choice indefinite // Negation and polarity : Syntactic a semantic perspectives. - Oxford, 2000. - P. 147-192.
237. *Jadacki J.J.* Misunderstandings about understanding // Acta Univ. lodziensis. Folia philos. - Lodz, 1993. - NN 9. - P. 33-41.
238. *Jakobson R.* Selected Writings, v. I. – Gravenhage, 1962. – 200 p.
239. *Katz J.* A proper theory of names // Philosophical studies. 1977. Vol. 31, №1. – P. 8-35.
240. *Keenan E.L., Moss L.S.* Generalized quantifiers and the expressive power of natural language. - Dordrecht : Cinnaminson, 1985. - P. 73-124.
241. *Lavine J.E.* The subject of defective (tense) in Slavic // JSL : Journal of Slavic linguistics. - Bloomington, 2002. - Vol. 10, N 1/2. – P. 251-287.
242. *Lawler R.W.* Shared models: The cognitive equivalent of a 'Lingua Franca' // AI a. soc.: J. of human a. machin intelligence. - L.; Berlin, 1989. - Vol. 3, N 1. – P. 3-27.
243. *Halliday M.A.K. Teubert W., Yallop C., Cermakova A.* Lexicology and Corpus Linguistics: an introduction // Continuum: London-New York, 2005. – 185 p.
244. *Lyons J.* Natural language and universal grammar. Essays in linguistic theory. v. 1. Cambridge University press. 1991. – 290 p.
245. *Morrill G.* Grammar and logic // Theoria. - Lund - Copenhagen, 1996. - Vol. 62, p. 3. - P. 260-293.
246. *Neale S.* On baing explicit : Comments on Stanley and Szabo, and on Bach // Mind a. lang. - Oxford - N.Y., 2000. - Vol. 15, N 2/3. - P. 284-294 Bibliogr.: p. 293-294.

247. *Nida E.A.* Morphology. The descriptive analysis of words // Second edition.- Ann Arbor, 1963. – 380 p.
248. *Pelletier F.J.* Context dependence and compositionality // Mind & lang. - Oxford ; Malden (MA), 2003. - Vol. 18, N 2. - P. 148-161.
249. *Pietrovski P.M.* Quantification and second-order monadicity // Philosophical perspectives, 17. - Malden (MA); Oxford, 2003. - P. 259-298.
250. *Pulman S.G.* Word meaning and belief. – L., 1983, – 306p.
251. *Quine, W.V.* The roots of reference. – La Salle 1973. – 260 p.
252. *Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J.* A Comprehensive Grammar of the English Language. – London, 1985. – Longman. – 220 p.
253. *Rappoport G.C.* Numeral phrases in Russian : A minimalist approach // JSL : Journal of Slavic linguistics. - Bloomington, 2002. - Vol. 10, N 1/2. - P.327-340. *Rayo A.* Word and objects // Nous. - Bloomington, 2002. - Vol. 36, N 3. - P. 436-464.
254. *Rosch E. et al.* Basis Objects in Natural Categories, in Cognitive Psychology, 1976, 8. – P. 382-436.
255. *Sinclair, J.*, Corpus, Collocation, Concordance. – Oxford University Press, Oxford, 1991. – 213 p.
256. *Sorensen H. S.* Word-classes in modern English. – Copenhagen, 1958. – 156 p.
257. *Tognini-Bonelli E.* Corpus Linguistics at Work. – John Benjamins: Amsterdam, 2001. – 180 p.
258. *Ullman S.* The principles of Semantics. – Glasgow- Oxford, 1959. – 460 p.
259. *Wiezbička A.* What's in a noun? // Studies in Language. 1986. –Vol. 10, №2. – P. 67-89.

2. Словари и справочники

260. *Алефиренко Н.Ф., Золотых Л.Г.* Фразеологический словарь: Культурно-познавательное пространство русской идиоматики. – М.: Эллис, 2008. – 472с.

261. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов.– 2е изд., стер. – М.: УРСС, 2004 (Калуга : ГУПОлиздат). – 569, [2] с.
262. *БТСРЯ* – Большой толковый словарь русского языка: [БТС: А-Я] / Рос. акад. наук, Ин-т лингвистич. исслед.; [гл. ред. С.А. Кузнецов]. – СПб.: Норинт, 2003 (ГПП Печ. Двор). – 1534, [1] с.
263. *Ефремова Т. А.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: Свыше 136000 словарных статей. Около 250000 семантических единиц. – М.: Русский язык, 2001. – Т.1. А-О. 2е изд., стер. – 1211 с.
264. *Зализняк А. А.* Грамматический словарь русского языка. Словоизменению. – М.: Русский язык, 1977. – 880 с.
265. *Землякова Л. М.* Зарубежная коммуникативистика в преддверии информационного общества: Толковый словарь терминов и концепций. – М.: Моск. гос. ун-т, 1999. – 301 с.
266. *Золотова Г. А.* Синтаксический словарь : Репертуар элементарных единиц русского языка. – М.: Наука, 1988. – 407 с.
267. *Ивин А. А., Никифоров А.Л.* Словарь по логике. – М.: Владос, 1998. – 384 с.
268. *Канке В. А.* Философия науки: краткий энциклопедический словарь. – М.: Омега-Л., 2008. – 328 с.
269. *Кожеевников А.Ю.* Большой синонимический словарь русского языка. Речевые эквиваленты: практический справочник. В 2х т. – СПб: Издательский дом “Нева”. – Т. 1. – 392 с.
270. *Кондаков, Н. И.* Логический словарь – справочник. 2е изд., испр. и доп – М.: Наука, 1975. – 720 с.
271. *Краткий словарь когнитивных терминов/ Е.С. Кубрякова, В.З.Демьянков Ю.Г.Панкрац, Л.Г.Лузина; под общ. ред. 1997 : 45 Е.С. Кубряковой. – М.: Филог. Фак. МГУ, 1996. – 245 с.*
272. *Крысин Л.П.* Толковый словарь иноязычных слов. – М.: Русский язык, 1988. – 847 с.
273. *Кузьмин В.П.* Категория меры в марксистской. – М. : Наука, 1966. – 224 с.

274. *Лингвистический энциклопедический словарь* / гл. ред. В.В. Ярцева. – 2е изд., дополненное. – М. : Большая российская энциклопедия, 2002. – 685 с.
275. *НБАРС-1–Новый большой англо-русский словарь* = New English-Russian dictionary : В трех т. содержится ок. 250000 лексич. Ед., 350000 значений, 200000 примеров употребления, 700000 переводов / Ю.Д. Апресян, Э. М. Медникова, А.В. Петрова и др.; Под. общ. Рук-вом Ю.Д. Апресяна, Э. М. Медниковой. Т.1, A-F. – 2е изд., испр. – М.: Рус. яз. 1997. – 832 с.
276. *НБАРС-2–Новый большой англо-русский словарь* = New English-Russian dictionary : В трех т. содержится ок. 250000 лексич. Ед., 350000 значений, 200000 примеров употребления, 700000 переводов / Ю.Д. Апресян, Э. М. Медникова, А.В. Петрова и др.; Под. общ. Рук-вом Ю.Д. Апресяна, Э. М. Медниковой. Т.2, G-Q. – 2е изд., испр. – М.: Рус. яз. 1997. – 828 с.
277. *НБАРС-3–Новый большой англо-русский словарь* = New English-Russian dictionary : В трех т. содержится ок. 250000 лексич. Ед., 350000 значений, 200000 примеров употребления, 700000 переводов / Ю.Д. Апресян, Э. М. Медникова, А.В. Петрова и др.; Под. общ. Рук-вом Ю.Д. Апресяна, Э. М. Медниковой. Т.3, R-Z. – 2е изд., испр. – М.: Рус. яз. 1997. – 824 с.
278. *МАС-2 – Словарь русского языка: в 4-х томах* / Рос. акад. наук, Ин-т лингвистич. исслед.; под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М. : Рус. язык, Полиграфресурсы, 1999. – 300 с.
279. *Объяснительный словарь русского языка : Структурные слова.* – М. : Изд-во АСТ, 2002. – 432 с.
280. *Руднев В.П. Словарь культуры XX века: ключевые понятия и тексты.* – М.: Аграф, 1999. – 381 с.
281. *Русская фразеология. Историко-фразеологический словарь* / под ред. В.М. Мокиенко. – М.: Астрель: АСТ Люкс, 2005. – 926 с.

282. *Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений* / Рос. акад. Наук. Отд-ние лит. и яз. Ин-т рус. яз. Им. В.В. Виноградова: В 6 т., Под ред. Н.Д. Шведовой. – М.: Сов. энциклопедия. – т. 1-3, 2000.
283. *Русский язык* : Энциклопедия / Под ред. Ю.Н. Караулова. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2003. – 704 с.
284. *Сводный словарь современной русской лексики* : В 2 т. – М.: Русский язык, 1990-1991. – 800 с.
285. *Словарь русского языка* : в 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. – (сокр. - МАС).– 216 с.
286. *Словарь сочетаемости русского языка* / Под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. – М.: Астрель, 2002. – 816 с.
287. *Словарь терминов познания*. – Тюмень : Слово, 1999. – 253 с.
288. *Советский энциклопедический словарь*. – М.: Сов. энциклопедия, 2003. – 1600 с.
289. *Современный толковый словарь русского языка* / Гл. Ред. С.А. Кузнецов, – М.: Ридерз Дайджест, 2004. – 960 с.
290. *Стилистический энциклопедический словарь русского языка* / Под ред. М.Н. Кожинной. – М.: Флинта; Наука 1003. – 696 с.
291. *Татаринов В.А. Общее терминоведение* : Энциклопедический словарь. – М.: Московский Лицей, 2006. – 528 с.
292. *ТСРЯ – Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения* / Под ред. Г.Н. Складчиковской. – СПб. : Изд-во Фолио-Пресс, 1998. – 700 с.
293. *ТСРЯ-1 – Толковый словарь русского языка конца XX века: Языковые изменения* / под ред. Г. Н. Складчиковской ; РАН, Ин-т лингв. исследований. – СПб. : Фолио-Пресс, 1998. – 700 с.
294. *ТСРЯ-2 – Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика* / под ред. Г. Н. Складчиковской. – М. : Эксмо, 2006. – 760 с.

295. ТСУ – Толковый словарь русского языка: в 4-х томах / под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : Изд. центр «Терра», 1996. – 1424 с.
296. *Философский энциклопедический словарь* / ред.- сост. Е.Ф. Губский. М.: Инфра-М, 2005. – 576 с.
297. *Философский энциклопедический словарь*. [Ред.-сост. Е.Ф. Губский и др.]– М.: ИНФРА-М, 1999. – 576 с.
298. *Частотный словарь русского языка* / под ред. Л. Н. Засориной. – М.: Русский язык, 1977. – 936 с.
299. *Шуринов И.А.* Толковый словообразовательный словарь русского языка: 2000 словообразовательных гнезд. – М.: ООО “Издательство АСТ”: ЗАО ИПП “Ермак”, 2004. – 1022 с.
300. *A Comprehensive Etymological Dictionary of the English Language* by Dr. Ernest Klein. Unabridged, one-volume edition. Elsevier Scientific Publishing Company. Amsterdam, Oxford, New York. 1974. – 844 p.
301. *Cambridge International Dictionary of English*. Cambridge University Press. 1999. – 1774 p.
302. *Collins Cobuild English Language Dictionary*. Harper Collins Publishers. 1993. – 1703 p.
303. *Collins Concise Dictionary and Thesaurus*. Harper Collins Publishers. 1999. – 1139 p.
304. *Lingvo Essential // ABBY LINGVO 9.0*
305. *Longman: Dictionary of contemporary English*. Third edition. Pearson Education Limited. 2001. – 1668 p.
306. *Macmillan English Dictionary for Advanced Learners*. International Student Edition. Macmillan Publishes Limited. 2006. – 1692 p.
307. *New Webster’s Dictionary of the English Language*. College Edition. Surjeet Publications. Fourth Reprint. USA. 1988. – 1824 p.
308. *Online Plain Text English Dictionary*. – электронный ресурс.
309. *Oxford Concise Dictionary of Linguistics*. Oxford. New York. Oxford University Press. 1997. – 410 p.

310. *Oxford Desk Dictionary*. American edition. Edited by Luarence Urdang. New York, Oxford. Offord University Press, 1995. – 691 p.
311. *Pokorny's Indo-european Etymological Dictionary*. – электронный ресурс.
312. *Random House Unabridged Dictionary*. 2nd edition. Editor in chief Stuart Berg Flexner, managing editor Leonore Crary Hauck. Random House, New York, 1993. – 2478 p.
313. *Sole R. Dictionary of English Synonyms and Synonymous Expressions*. – Boston, 1959. – 1204 p.
314. *The American Heritage Dictionary of the English Language*. – электронный ресурс.
315. *The Concise Oxford Dictionary of Current English*. Eighth edition. Clarendon Press. Oxford, 1990. – 1452 p.
316. *The Encyclopaedia Britannica*. A dictionary of arts, literature and general information. University press. Cambridge, 1911. Eleventh edition, v. 5. – 964 p.
317. *The New Encyclopaedia Britannica. Micropaedia*. Chicago, 1994. Fifteenth edition, v.2. – 984 p.
318. *The World Book Dictionary*. World Book, Inc. 1996. – 2430 p.
319. *Webster's third New International Dictionary of the English Language*. Unabridged. Vol.3. – 1993. – 860 p.
320. *Webster's 3d New International Dictionary of the English Language*. Unabridged. V.3. Encyclopedia Britannica, Inc. Chicago. – 2000 p.

3. Источники материала

321. Национальный корпус русского языка. – [Режим доступа URL : www.ruscorpora.ru]
322. Британский национальный корпус – [Режим доступа URL : www.natcorp.ox.ac.uk]
323. Новый частотный словарь русской лексики [URL : www.dict.ruslang.ru]

324. Словари русского языка [URL : [www. aot.ru](http://www.aot.ru)]

325. *Шаров А.С.* Частотный словарь русского языка [URL : [http: // www. artint.ru / projects / frglist.asp](http://www.artint.ru/projects/frglist.asp)]

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
Введение в проблематику	6
Глава 1. Теоретические основы сопоставительного изучения	16
категории единичности.....	16
1.1. Категория количества в общенаучном аспекте, в философии, логике и лингвистике	16
1.1.1. Понятие категория в науке	16
1.1.2. Категория количества в философии и логике	20
1.1.3. Категория количества в лингвистике	29
1.2. Категория единичности в системе количественных отношений	38
1.2.1. Понятие единичности в философии и логике.....	38
1.2.2. Категория единичности в языке.....	43
1.2.3. Система квантитативных смыслов и основные способы их языковой манифестации.....	47
1.3. Методология и методика исследования.....	55
1.4. Выводы по первой главе	60
Глава 2. Функционально-семантическая категория единичности.....	63
в системно-категориальном аспекте.....	63
2.1. Понятийные основы функционально-семантической категории единичности в языке	63
2.2. Категориально-семантическое значение единичности как модель категории единичности в языке	66
2.2.1. Анализ лексем <i>один/one</i> и их форм для выявления категориально-семантического значения ФСК единичности.....	67
2.2.2. Квантитативные смыслы единичности	73
2.3. Логико-семантические категории предметности, количественности, определенности/ неопределенности.....	76
как средства формализации категории единичности в языке.....	76

2.3.1. Языковой статус лингвистических категорий предметности и определенности / неопределенности в русском и английском языках	76
2.3.2. Формализация категорий предметности, количественности, определенности/ неопределенности на морфо-семантическом уровне	84
2.3.3. Формализация категорий предметности, количественности, определенности/неопределенности на лексико-семантическом уровне	94
2.3.3. Формализация категорий предметности, количественности, определенности / неопределенности на лексико-грамматическом уровне	122
2.4. Выводы по второй главе	147

Глава 3. Система количественных смыслов единичности в русском и английском языках и их манифестация в русскоязычном и англоязычном дискурсах..... 149

3.1. Исходные положения как инструментальный исследования	149
3.1.1. Значение и смысл как семиологические и лингвистические понятия	149
3.1.2. Предложение/высказывание в дискурсе как единица исследования	152
3.2. Количественный смысл нумеральной единичности и его языковая манифестация в дискурсах	155
3.3. Количественный смысл подчеркнутой единичности и его языковая манифестация в дискурсах.....	172
3.4. Количественный смысл выделенной единичности и его языковая манифестация в дискурсах.....	182
3.5. Количественный смысл неопределенной единичности и его языковая манифестация в дискурсах.....	187

3.6. Взаимодействие количественных значений: синкретизм категории единичности	192
3.7. Статистическая характеристика количественных значений единичности в сопоставляемых языках.....	196
3.8. Структура ФСП единичности в русском и английском языках	198
3.9. Выводы по третьей главе	201
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	204
Библиография	208
1. Список научной литературы	208
2. Словари и справочники.....	227
3. Источники материала.....	232

Отпечатано в типографии
ООО «Издательство УМЦ УПИ»
620078, Екатеринбург, ул. Гагарина, 35а, оф. 2.
тел. (343) 362-91-16, 362-91-17
Заказ 2720 Тираж 200